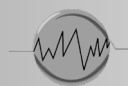

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 9 2019 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

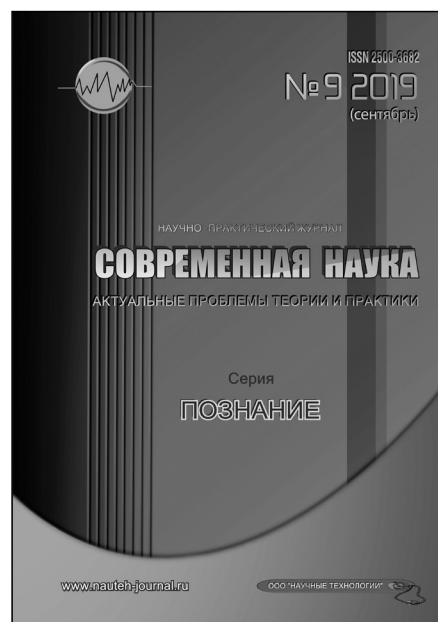
Подписано в печать 20.09.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 9 сентябрь 2019 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Иванов А. — Зарождение национального самосознания эстонского народа
Ivanov A. — The origin of the national identity of the Estonian people 5

Никифорова С. В., Готовцев Е. Н. — Туристическая индустрия как инструмент реконструкции локальной специфики культуры эвенков Якутии
Nikiforova S., Gotovtsev E. — Tourism industries as a reconstruction tool local culture specific of the evens of Yakutia 11

Саврей В. Я. — Культурный облик эпохи постмодерна
Savrey V. — The cultural aspect of the postmodern era 17

Серебрякова Е. Г. — «Советское» и «антисоветское» в самосознании и поведенческих практиках нонконформистов 1960–70-х годов
Serebryakova E. — «Soviet» and «anti-Soviet» in the self-consciousness and behavioral practices of nonconformists of the 1960–70s. 23

Чжэн Лэй — Выборочные исследования реальных путей культурного взаимодействия России и Китая
Zheng Lei — Selective studies of real ways of cultural interaction of Russia and China 28

Шан Бофэй — Политические и профессиональные памятные даты в праздничной культуре современного Китая
Shang Bofei — Political and professional memorable dates in the festive culture of modern China 32

Психология

Алехин А. Н., Кондратьева К. О. — Семантическое поле психической травмы пациентов со злокачественными опухолями молочной железы
Alekhin A., Kondratyeva K. — The semantics of psychological trauma of breast cancer patients 40

Борисова Н. М. — Возрастные особенности копинга и связь возраста и стратегий совладающего поведения
Borisova N. — Age-specific coping and the relationship between age and strategies of coping behavior 46

Гинзбург Д. А. — Интерпретация зарубежных тенденций корпоративной психологии в русской культуре труда
Ginzburg D. — Interpretation of foreign trends in corporate psychology in the Russian work culture 51

Градова Н. А. — Модель Чувств как форма анализа мировоззрения личности с использованием метода системного подхода
Gradova N. — The Sense Model as a form of analysis of a person's worldview using the system approach method 55

Егорова Т. Е., Голубева Е. А. — Роль факторов смыслового будущего в профессиональном самоопределении студентов
Egorova T., Golubeva E. — The role of semantic future factors in the professional self-etermination of students 61

Кадышев А. С. — Мера свободы и ответственность врача и пастыря при лечении ВИЧ-инфицированных больных
Kadyshev A. — Measure of freedom and responsibility of a doctor and a priest in the treatment of HIV-infected patients 65

Манукян А. М. — Социально-психологические механизмы гипнотического манипулирования сознанием масс в медийном пространстве при помощи продажи товаров
Manukyan A. — Socio-psychological mechanisms of hypnotic manipulation of the consciousness of the masses in the media space through the sale of goods 69

Правенький М. А. — Диагностика степени психологической адаптации военнослужащих к воинской службе		
<i>Pravenky M.</i> — Diagnostics of the level of psychological adaptation of military servicemen to military service	74	
Реньш М. А., Михайлова В. А. — Исследования карьерных ориентаций и личностных особенностей специалистов различных профессиональных групп		
<i>Rensh M., Mikhailova V.</i> — Research of career orientations and personal characteristics of specialists of different professional groups	80	
Сундукова В. В. — Психолого-педагогические условия формирования антикоррупционной направленности личности курсантов образовательных организаций ФСИН России		
<i>Sundukova V.</i> — Psychological and pedagogical conditions of formation of anti-corruption direction of the personality of persons of educational organizations of the FSIN of Russia	89	
	Философия	
Никитин Г. М. — Влияние социальных сетей и сетевых сообществ на формирование индивидуального и общественного сознания		
<i>Nikitin G.</i> — The influence of social networks and online communities on the formation of individual and social consciousness	92	
Саврей В. Я. — Концепция справедливости в античном сознании		
<i>Savrey V.</i> — The concept of justice in ancient thought.	96	
Шепелева Ю. С. — Нормотворчество как путь формирования адекватной системы общественных отношений		
<i>Shepeleva Y.</i> — Norm-setting as a path of formation of an adequate system of social relations ...	102	
	Информация	
	Наши авторы. Our Authors.	107
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	108

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

Иванов Антон

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
anton.iwanow@gmail.com

THE ORIGIN OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE ESTONIAN PEOPLE

A. Ivanov

Summary. The article deals with the emergence of the national identity of the Estonian people in the 19th century. The Estonians' identity was not political, but cultural, and was built, first of all, on the ethnolinguistic aspect. Among the events that were the basis of national awakening were: The Great French Revolution, the abolition of serfdom by the Russian Tsar Alexander I, the abolition of corvee, and the process of Russification — distance from the Baltic Germans. Ethnic proximity with the Finns gave birth to the Kalevipoeg epic, which became the root literary work in Estonian culture. The dominance of the Baltic Germans on the territory of Estonia and Livonia created the Estonian singing festival, a festival that is still considered one of the main manifestations of national culture. The tasks of the elite were to develop not only a national culture, but also education. The Estonian Alexander School was opened with charity money in 1871, the Society of Estonian Writers was founded, where they studied the development of the Estonian language, collected folklore, and published literature in Estonian. In 1870, theatrical performance took place for the first time in the Vanemuine song and theater society, which subsequently gave rise to the Estonian national theater.

Keywords: nationalism, national identity, Estonians, Estonian people, Kalevipoeg epic, Estonian singing festival, the abolition of serfdom, Estonia, Livonia, nation..

Аннотация. В статье рассматривается зарождение национального самосознания эстонского народа в XIX веке. Самосознание эстонцев носило не политический, а культурный характер и строилось, в первую очередь, на этническо-лингвистическом аспекте. Среди событий, которые были в основе национального пробуждения стали: Великая французская революция, отмена крепостного права российским царем Александром I, отмена барщины, а также процесс русификации — дистанцирование от прибалтийских немцев. Этническая близость с финнами породила эпос «Калевипоэг», который стал корневым литературным произведением в эстонской культуре. Господство балтийских немцев на территории Эстляндии и Лифляндии породило Эстонский певческий праздник, фестиваль, который до сих пор считается одним из главных проявлением национальной культуры. В задачи элиты входило разработать не только национальную культуру, но также образование. На благотворительные деньги в 1871 году открылась Эстонская Александровская школа, было основано Общество эстонских литераторов, где изучали развитие эстонского языка, занимались сбором фольклора, изданием литературы на эстонском языке. В 1870 году впервые прошло театральное представление в певческо-театральном обществе «Ванемуйне», что в последствие зародило эстонский национальный театр.

Ключевые слова: национализм, национальное самосознание, эстонцы, эстонский народ, эпос «Калевипоэг», Эстонский певческий праздник, отмена крепостного права, Эстляндия, Лифляндия, нация.

Национальное самосознание нации является одной из важных частей сознания нации, являясь важным аспектом в формировании и прогрессе национальных отношений. Еще Платон фиксировал: «Познание Бога происходит через самого себя.[1, с. 190] Понятие самосознание также было рассмотрено немецким философом Г. Гегелем в работе «Феноменология духа и логики», где идет речь о взаимопроникаемости субъекта и сознания: «Как самосознание „Я“ созерцает само себя, и выражением его в его чистоте является Я = Я, или Я есть Я».[2, с. 672]

Сознание стремится к отделению субъектом самого себя в какой-либо динамичности в отношении мира. Вместе с определенным суждением своего потенциала, касательно самого себя, сознание создает ту уникальность человека, которая и есть самосознание.

Самосознание — это исторически активное формирование, проявленное на различных уровнях и формах.

Самосознание выражается тогда, когда окружающие человека события принуждают его выйти за границы своих рассуждений и начать рассматривать свое общественное положение и социальные качества с другой стороны. В конце концов, индивид переходит на сторону другого субъекта, одновременно различая и отождествляя себя с ним.

Такое высокое отношение в различных исторических требованиях начинает быть массовым, но непредвиденным частным феноменом. Это возвышенный уровень самосознания, когда индивид понимает свою присущность к определенной культуре или социальной группе. Важной ступенью такого самосознания является национальное самосознание.

Одной из важных причин, которая влияет на нарастание национального самосознания, становится причина внешнего влияния, если это грозит опасностью жизни нации.

Ответ на проявление извне является признаком воссоздания нации в политической и культурной сферах. Этот процесс зарождается в среде элит или политических групп, затем присоединяются массы. Национальное самосознание — это социальный акт, результатом которого является рождение или возрождение национального сознания.

Национальное самосознание — это осознание социального и исторического единения нации, усвоение ее культуры и истории, при этом пребывание в действительном социальном и культурном моментах, в сравнении с остальными нациями, а также прогнозирование будущего.

Национальное самосознание — это практическое, активное состояние нации, ее готовность обрести свое собственное место в мировой истории и осознать роль, которую она сыграла в развитии и становлении мировой культуры. В широком смысле национальное самосознание — это осмысление нацией своей прошлой истории, своих истоков, вклада в мировую культуру, это основа ее настоящего социально-культурного ренессанса.[3, С. 155]

Смит: «Национализм — идеологическое движение за достижение и сохранение автономии, единства и идентичности от имени населения, которое, по мнению некоторых его членов, составляет фактическую или потенциальную нацию».[4, р. 73]

Начальным этапом формирования национальной культуры выступают, как правило, не этносы, а элита общества — художники, музыканты, писатели ученые и так далее. По следам их творчества происходит развитие государств в духовном и политическом аспектах. Поскольку развитием занимается элитарное сообщество, народ воспринимает национальную культуру далеко не сразу, так как в ней находится отпечаток элитарности. Культура, созданная элитой, остается непонятой исключительно по той причине, что имеет отпечаток элитарности. Несмотря на то, что создатели национальной культуры, будучи сами народом, черпают вдохновение из этнической культуры. Однако, разница между национальной и этнической культурами сильна.

Как и у других народов Восточной Европы, которые не обладали своей государственностью, у эстонцев впервые произошло национальное пробуждение в XIX веке. Время, которое эстонцы называют *Ärkamisaeg*.

В первую очередь, влияние Великой французской революции, передало эстонцам это чувство национально-го пробуждения. Зарождение элиты и среднего класса, которые составляли теперь и эстонцы, в числе государ-

ственных служащих, ремесленников, торговцев, священников, дало бывшим крестьянам возможность создавать национальную общность, несмотря на централизованную российскую власть.

В первоначальные цели эстонского народа не входила политическая независимость, а признание, равенство и автономия в рамках российской империи. Поэтому термин национализм не подходит для определения истоков национального строительства в Эстонии. Термин «национальное пробуждение» или «национальное самопознание» предложен для использования положения Эстонии во второй половине XIX века. «Это тот период, когда эстонские крестьяне начали проявлять себя сначала в социальном и культурном, затем в экономическом и политическом аспектах, в первую очередь, отделяя себя от балтийских немцев, которые долгое время господствовали на территории нынешней Эстонии и Латвии в период царского правления Российской империи».[5, р. 63]

Социальная и культурная революции, произошедшие в середине XIX века, имели знаковое значение для реализации изменений, которые дали бы возможность эстонскому народу функционировать в соответствии со своей самобытностью и заложить процесс самоопределения. Идентифицируя себя как отдельную этническую общность в Российской империи, эстонский народ многое использовал из своего общего исторического прошлого. Однако разность языков и обычаев положило успешную основу в создании этнически обоснованной эстонской нации.[6, р. 29]

Используя определение Смита: «Этнос — это социальная группа, члены которой имеют общее название и миф о происхождении, делятся историческими воспоминаниями и различными элементами культуры. У группы происходит идентичная ассоциация с определением «родина», чувством коллективной уникальности от других и солидарности по отношению к другим этническим группам».[4, р. 21]

На примере эстонского языка, можно будет проследить, как определение Смита демонстрирует консолидацию эстонского народа как этнической общности, а также как это связано с национальным пробуждением в XIX веке, что предопределило в будущем создание эстонской нации.

Кемилайнен указывает на то, что «угнетение — это основная причина развития национальных отношений. В эстонском случае, угнетение было центральным фактором на протяжении всей истории. Этот фактор можно разбирать как причину, приводящую к возникновению национального пробуждения».[5, р. 63]

Первым фактором, который повлиял на пробуждение национального самосознания, было освобождение от крепостного права в период между 1816–1819 годов. Вторым, — процесс русификации, который начался в 1880-х годах.

В начале XIX века эстонцы еще не ощущали себя нацией. Термин «*maarahvas*» или «народ земли» использовался для обозначения всех тех, кто не был балтийским немцем.[7, р. 24] Решение царя Александра I освободить крепостных крестьян в 1916 году в Эстляндии и в 1819 году в Лифляндии, впервые позволило обладать личной свободой.[5, р. 288]

Впервые о зарождении национального самосознания эстонцев речь пошла во второй половине XIX века, с переходом от аграрного к индустриальному обществу. Война 1812 года также оказала большое влияние на процесс самосознания эстонцев. В 1816–1819 годах произошло освобождение эстонских крестьян от крепостной зависимости. 23 мая 1816 года император Александр I утвердил законопроект, который освободил крестьян от крепостничества, однако, земля оставалась у помещиков, что ухудшило положение крестьян.[8, р. 212] Теперь эстонские крестьяне были свободны, но у них было трудное экономическое положение, ввиду отсутствия земли. Поэтому многие регионы в России еще долгое время не освобождали крестьян, так как это влекло за собой их сложное экономическое положение. Впервые в это время эстонские крестьяне получили свободу.

Хиден и Сэлмон отмечают, «несмотря на то, что балтийские немцы сделали достаточно для подавления прав и возможностей „народа земли“, вместе с тем, они создали культурную и экономическую основу для пробуждения национального самосознания в XVIII и начале XIX веков».[9, р. 16] Для крестьян Эстонии это означало освобождение, которое предоставляло им право на более свободное передвижение, однако не изменило закон о собственности на землю. «Народ земли» оставался экономически поработанным землевладельцами — балтийскими немцами.[5, р. 288] Несмотря на то, что «народ земли» должен был продолжать работать на балтийских немцев, эмансипация позволила некоторым из крестьян заняться образованием своего этноса. Это уже готовило почву для того, чтобы «народ земли» был не просто земледельцами, а стал нацией со своим языком и своей культурой.

Александр II в 1861 году своим манифестом отменил в России крепостное право, причиной послужил упадок крепостнической системы. В 1863 году эстонские крестьяне впервые получили документы, удостоверяющие их личность, что позволило им передвигаться по другим губерниям Российской империи. В 1868 году

отменили барщину, которая заставляла крестьян работать на помещиков за плату использования земли, а в законе 1866 года о волостной общине, крестьянское самоуправление освободилось от власти помещиков и предоставило большие возможности в общественных и экономических делах.

В 60-е годы XIX столетия крестьяне стали выкупать хутора по рыночным ценам. Цены были в несколько раз дороже, чем на российской земле, несмотря на то, что в России земля была во много раз плодороднее. Благодаря долгосрочным банковским кредитам, крестьяне выкупали хутора, на которых жили их предки. Продавая лен и картофель, крестьяне выплачивали кредиты. Более 80% земель в Лифляндской губернии (Южная Эстония) были выкуплены крестьянами и более 50% в Эстляндской губернии (Северная Эстония). [10]

Из речи эстонского писателя и публициста Карла Роберта Якобсона, которая была произнесена 6 октября 1868 года, очевидно, что это время отмены крепостного права и барщины полностью подтверждает начало национального самосознания эстонцев: «Кто мог бы опровергнуть то, что это время было порою тьмы для эстонского народа? (.). Коренное население было превращено в крепостных, а те ведь в глазах немцев вообще не были людьми (...). Но тьма не длится вечно, и с востока встала заря, и она возглашает свет ясный. Милость нашего Государя Императора — вот та заря, перед которой не устоит никакая тьма».[11, С. 102]

Второй фактор, который стал важным в процессе национального самосознания — русификация, которая началась в 1880-х годах.[5, р. 289] Царь Александр III начал опасаться влияния балтийских немцев на крестьян на прибалтийских территориях. Его опасения были связаны с тем, чтобы положение балтийских земель в пределах империи не изменились. Он считал, что положение балтийских немцев необходимо менять, чтобы население не было германизировано, так как это может негативно отразиться в нетерпимости к Российской империи.[12, р. 85] Царь предполагал, что положение балтийских крестьян можно изменить благодаря усилению русского присутствия на территории Эстляндии, так же это уменьшило бы националистические настроения крестьян, которые можно было подавить. Необходимо было подавить чувство национальной осведомленности.[13, р. 137] Царь проводил политику поощрения русского языка, культуры, религии и управления, а также желал подавить влияние балтийско-немецкой знати на крестьян. Влияние этих процессов было неоднозначным. В некотором смысле, это было ограничением национального пробуждения, с одной стороны, и влиянием на положение балтийских немцев на этой территории, с другой. Русификация была призвана сократить соци-

альный разрыв между балтийскими немцами и эстонцами, и это, в конце концов, привело бы к тому, что эстонцы могли бы лучше контролировать свою жизнь и будущее территории, на которой они жили.

Однако процесс русификации на территории Эстляндии не помог укротить националистические чувства эстонского народа. Произошло то, что русский язык, далекий по своим основным функциям от эстонского, провалил этот процесс. В это время происходит процесс формирования эстонской идентичности, происходящей от корней финно-угорских языков и культуры. Данная культурная особенность сохранилась до сегодняшнего дня в качестве ключевого маркера «нас» — эстонского народа, против «них» — других. Сначала различие было между эстонцами и балтийскими немцами, после — между эстонцами и русскими.

По словам Смита: «Культурная уникальность также важна для этнической принадлежности. Для этнической группы, язык — важная константа, язык должен быть не только отличительным, но и несвязанным с другими языками или религиозными сообществами, он должен полностью принадлежать этносу».[14, р. 27]

Кемилайнен отмечает: «Язык — один из важнейших факторов национального самосознания».[15, р.8] Язык стал отправной точкой, от которой эстонцы могли различать «нас» и «них», и затем использовать эту идею в качестве основы для самоидентификации. Очевидно, что язык для эстонцев — важная часть для самоопределения, и сохранение своего отличительного языка, противопоставляя ассимиляции в немецкие или русские культурные группы, свидетельствует о силе этого движения.

Уже в середине XIX века в Эстляндии широко издаются и распространяются газеты на эстонском языке. Йоханн Вольдемар Яннсен основал газету «Perno Postimees ehk Näddalileht» («Пярнуский почталъон или Еженедельник») в 1857 году, затем издал газету в городе Тарту (Tartu Postimees).[13 р. 121] Впервые название «эстонцы» было использовано в 1857 году эстонским журналистом, поэтом и лидером эстонского национального движения Йоханном Вольдемаром Яннсенем. Тогда и произошло изменение названия народности из «народа земли» (maarahvas) в «эстонский народ» (eesti rahvas).[10] Он символично повысил статус народа.[16, р. 395] Смит утверждает, что использование коллективного имени для этноса — это важно: В общем, коллективное название этноса является верным знаком и эмблемой этнических общин. Имя вызывает у людей образ отличительности и фантазию, характеризуя людей как участников этого народа. Новый термин И. В. Яннсена «эстонец» служит важным индикатором коллективного сознания людей. Яннсен верил, что публикации на родном языке

дадут гарантию того, что информацию поймет каждый крестьянин. Газета как источник распространения информации среди населения об их истории, культуре и статусе, способствует процессу национального пробуждения.[13, р. 123]

Яннсен, во время национального пробуждения, не заявлял открыто о вызове к балтийским немцам. Он верил, что единственным верным средством обеспечения Эстонии как отдельной нации было сотрудничество с балтийскими немцами против российской политической угрозы.[5, р. 63]

Другая точка зрения — это перспектива славянофилов во главе с Якобом Хертом и Карлом Робертом Якобсоном, которые хотели дистанцироваться от прибалтийских немцев и выражали симпатию к Российской империи.[5, р. 64] Балтийские немцы имели культурный контроль над территорией Эстляндии, однако в политическом смысле у них мало было шансов чего-то достичь. Лидеры этого течения были уверены, что объединение национального движения с российскими лидерами обеспечит большой успех эстонскому национальному движению.[13, р. 125] В 1868 году Якобсон произнес первую речь из «Трех речей Отечества» [16, р. 297], где он последовательно описывал этапы истории эстонского народа, начиная с периода «света», до прибытия немцев, потом период «тьмы», время подчинения немецкому господству и период «рассвета», когда Российская империя освободила эстонцев от крепостного права. Смит замечает важность общей истории народа: «Чувство общей истории объединяет последующие поколения. Каждое поколение имеет свой набор опыта, который добавляется к общему запасу, а также определяет народ со стороны временных последовательностей, которые передают поколениям историзм их собственного опыта».[4, р. 25]

Находясь вокруг своей истории угнетения, Якобсон был первым, кто воплотил в жизнь идею свободы для эстонского народа, дал ему точку, вокруг которой они могли бы объединиться.[17, р. 50] Его идеи были выдвинуты, благодаря публикации в газете «Sakala». Его подход был гораздо более «политически заряженным», чем подход Яннсена.[13, р. 125]

Раскол в позициях и лояльностях к противоположным сторонам был общей объединяющей темой в процессе национального пробуждения и в начале 1990-х годов. Не только публикации в газетах имели значение в национальном пробуждении эстонского народа.

Важным культурным символом эпохи национального пробуждения стал эпос «Калевипоэг», который написал Фридрих Крейцвальд. Это был крупный символический объект, который должен был стать объединяющим про-

изведением для эстонского народа. Изначально, автором идеи был Фридрих Роберт Фельман, но завершил написание эпоса Фридрих Рейнхольд Крейцвальд. Эпос был основан на эстонских народных сказках и народных песнях.[16, p. 294]

Одним из важных влияний эпоса «Калевипоэг» стало то, что он стал отправной точкой в объединении рассеянной группы людей, предоставив им их общую историю. По словам Пейджа: «Эпос сделал много для того, чтобы сфокусировать интерес на общем национальном прошлом. Таким образом, он поспособствовал осознанию общего национального существования».[18, p. 22] Предоставив эстонскому народу текст, где они пережили времена славы и триумфа. Таким образом, эпос помог построить позитивное повествование об идентичности, которое так же выражено в трудах об общем мифе этноса у Смита: «Мифы о происхождении обеспечивает коллективное положение в мире и внутренний устав этноса, который объясняет его происхождение, рост и судьбу».[14, p. 24]

Этнос «Калевипоэг» был основан на финском эпосе «Калевала», но это, не уменьшает его влияние на самосознание эстонского народа, а даже увеличивает его значение. Финская модель национального эпоса показывает, насколько важна была финская культура для эстонцев в этот период. Финны были источником вдохновения для эстонского народа за его способность противостоять Российской империи.[5, p. 56] Это помогло эстонскому народу признать, что у него была общая история как народа и эпос «Калевипоэг» дал надежду на то, что однажды эстонский народ все-таки сможет стать независимым. Помимо издания эпоса «Калевипоэг», важным событием стало проведение Эстонского праздника песни, который впервые прошел в конце 1880-х годов. Йоханн Вольдемар Янсен и его дочь Лидия Койдула планировали провести музыкальный фестиваль в 1869 году на основе фестивалей, которые проходили в Германии и в Финляндии. Фестиваль проводили для того, чтобы объединить людей, которые бы прославляли эстонскую культуру посредством песни.[13, p. 123] Изначально царское правительство не хотело давать разрешение на проведение фестиваля с национальным подтекстом. Тогда Янсен решил приурочить этот фестиваль к 50-летию отмены крепостного права царем Александром. Более 845 участников приняли участие в первом фестивале. Фестиваль прошел в Тарту.

Объединяющая сила праздника песни привела к тому, что фестивали продолжали проводиться и в 1879 и в 1880 годах, и продолжают, и по сей день. Даже в советское время песенные фестивали имени решающее значение в выражении национальных чувств, выступая в качестве объединяющей силы для эстонского народа.

Объединение эстонских крестьян со всей страны способствовало в продвижении идеи о том, что эстонцы теперь могли чувствовать себя как нация. Утверждение Смита о «чувстве солидарности»: «Этнос в моей терминологии — это не просто категория населения с общим именем, мифами о происхождении, историей, культурой и территориальной целостностью. Но также сообщество, с чувством идентичности и солидарности, которое находит институциональное выражение в филантропии».[14, p. 29]

Впервые была организована Высшая народная школа в 1870 году с эстонским языком обучения и просуществовала до 1884 года, благодаря благотворительному сбору денег. Была названа Эстонской Александровской школой, так как была открыта в честь 50-летия реформ Александра II. При школе был организован Главный комитет, который пропагандировал национальную агитацию и занимался организацией культурных мероприятий.

Среди других важных культурных достижений, которые способствовали общему пониманию построения национальной идентичности, стало открытие Эстонской Александровской школы (Eesti Aleksandrikool), Общество эстонской литературы (Eesti Kirjameeste Selts). Эстонская Александровская школа была основана в 1871 году, благодаря серии мероприятий по сбору средств для поддержки первой эстонской средней школы. Многие люди со всей Эстляндии и Лифляндии внесли свой вклад в этот проект, а к середине 1880 — х годов было собрано более 100 000 рублей.[16, p. 394] Общество эстонских литераторов (1872–1893 гг., г. Тарту), также объединило эстонскую интеллигенцию. В обществе занимались развитием литературного языка, сбором фольклорных материалов, а также издавали литературу на эстонском языке.

В основе эстонского национального театра стояло певческо-театральное общество «Vanemuine», созданное в 1865 году. Первое представление прошло в 1870 году.

В момент национального пробуждения или самосознания запустились процессы, которые начали распространяться по всей Эстляндии и Лифляндии. Теперь эти народы превратились в этнос, благодаря публикации эпоса «Калевипоэг», а также созданию праздника песни и популяризации литературы на эстонском языке. Так же важен тот аспект, что языковая близость с финнами по финно-угорской модели формировали идентичность, способствуя эстонцам в поисках своей принадлежности. Это важный период культурно-национального самосознания повлиял и на будущее самоопределение эстонцев как народа.

Расцвет национального самосознания эстонцев пришелся на 1860–1880 года. Акцент был сделан не на политический аспект, а на этническо-лингвистический. В первую очередь, необходимо было разработать национальную культуру и образование.

Эстонский богослов, лингвист и общественный деятель Якоб Хурт говорил о миссии эстонцев, как малочисленного народа, которая может быть выражена исключительно в культуре, но не в политике, важно не политическое самоопределение, а национальное. Он говорил: «Раз мы не можем быть великими силой или числом, мы можем стать великими в культуре».[10]

Эстонская литература и искусство периода национального пробуждения включала в себя романтические настроения, основанные на идеях просвещения, и, культивируя социально однородное общество, которое было в Эстонии до прихода завоевателей с Запада. Патриотические песни и стихи, в основном были адресованы красоте эстонской природы и любви к родине. Многие культурные символы были взяты из фольклора родственного финского народа. Творческая элита раскрывала ту картину, которая была схожа с романтическими настроениями того времени, а именно, представлениями древних

жителей Эстляндии об идеальном мире. Исторические повествования были направлены также на идеализацию «старого времени», того, когда на территории Эстляндии не было завоевателей.

Так же, немаловажную роль в национальном самосознании сыграло возникновение обществ, где люди играли в оркестрах и пели в хорах. За образец была взята немецкая модель обществ, которые в то время были распространены в Эстляндии.

По словам М. Лаара: «В 1880-х годах эстонское национальное движение достигло зрелости. Крестьянский народ, не сумевший до этого четко самоопределиваться, превратился в современную и социально дифференцированную европейскую нацию. Национальное пробуждение охватывало все новые народные массы, став поистине всенародным, и этот процесс невозможно было повернуть вспять».[10] Благодаря ослаблению политической элиты балтийских немцев, Российская империя предоставляла широкое поле деятельности для активностей национальных объединений. Национальное движение набирало обороты, что повлекло за собой создание в будущем независимого государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Тэтет / Платон; пер. с греч. и примеч. В. Серезникова. — М.; Л.: Госиздат, 1936. — 190 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1971. — 672 с.
3. Петрова, Г. Д., Иванов Г. В. Социально-философский анализ национального самосознания / Гуманитарные и педагогически, естественные и технические науки. — 2013. — № 4. — С. 155
4. Smith, Anthony D. National Identity. Reno: University of Nevada Press, 1991. 73 p., 21 p.
5. Raun, Toivo. Estonia and the Estonians. Stanford: Hoover University Press, 2001. 63 p., 288 p.
6. Penikis, Janis J. Mass Receptivity to Nationalist Appeals: Theoretical Considerations in the Cases of Baltic Nationalist Movements. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 29 p.
7. Tall, Johannes. Estonian Song Festivals and Nationalism in Music toward the End of the Nineteenth Century. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 24 p.
8. Laur, M. Eesti ajalugu. IV, Põhjasõjast pärisõrjuse kaotamiseni / M. Laur, T. Tannberg, H. Piirimäe // Ilmamaa. — 2003. — P. 203–211
9. Hiden, J. The Baltic Nations and Europe: Estonia, Latvia and Lithuania in the 20 Century / J. Hiden, P. Salmon // London: Longman. — 1994. — P. 16
10. Estonica: <http://www.estonica.org/ru/> (дата обращения: 23.07.2019)
11. Хрестоматия по истории Балтийских стран. Таллин, — 2012. — С. 102
12. Hugh, Seton-Watson. Nations and States. London: Methuen, 1977. 85 p.
13. Uustalu, Evald. The History of the Estonian People. London: Boreas Publishing, 1952, 137 p.
14. Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publishers, 1986. 27 p.
15. Kamiläinen, Aira. Nation, Nationality and the Factors of National Consciousness in Modern Europe. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 8 p.
16. Raun, Toivo. The Role of Journalism in the Estonian National Awakening. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 395 p.
17. Jansen, Ea. On the Economic and Social Determination of the Estonian National Movement. Stockholm: Center for Baltic Studies, 1985. 50 p.
18. Page, Stanley W. The Formation of the Baltic States: A Study of the Effect of Great Power Politics on the Emergence of Lithuania, Latvia and Estonia. New York: Howard Fertig, 1970. 22 p.

© (anton.iwanow@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ КУЛЬТУРЫ ЭВЕНОВ ЯКУТИИ

TOURISM INDUSTRIES AS A RECONSTRUCTION TOOL LOCAL CULTURE SPECIFIC OF THE EVENS OF YAKUTIA

S. Nikiforova
E. Gotovtsev

Summary. Proposed analysis of specific features of the culture of Evens of Lamynkhinsky Okrug (Kobyaysky District) in respect of identity, natural resource management and business practices. As a basic hypothesis we propose that tourist industries would help in preservation of cultural specifics in the local community. Addressed subjects were: characterization of ethno-cultural climate — traditional natural resource management and cultural practices of Evens of Lamynkhinsky Okrug, show transformation and continuity of economic and cultural composition that defines the process of ethnic identity; substantiate the potential of tourism as means of revival of Lamynkha component of Even culture (the proposal of a mix tour to Sebyan-Kyuyol). Interdisciplinary and sociocultural approaches were utilized. As primary, reconstruction method was used. Carried out a semiotic analysis of select natural and cultural sites of selo Sebyan-Kyuyol. As part of the study were used methods of expert survey, participatory methods. Field studies have confirmed the existence of a defined standalone Lamynkha component of Even culture, which constitutes a culture of highlanders, reindeer-herders, hunters and fishmongers; distinct from the Anabar and Magadan Even cultures; with established forms of economic management and communication. Lamynkha Evens speak in their own dialect; have an endonym; are conscious of their oneness: cultivate and mythologize their common history (which is distinct from the history of Evens of other regions). Proven that the project of mix tour will: promote local employment; create a positive ethnic identity in population of this ethnic area.

Keywords: indigenous peoples, local ethnic group, Lamyngha component, reconstruction, participatory practices, constructed identity, cultural specificity, cultural codes, tourist industries, mix tour.

Никифорова Саргылана Валентиновна
Доцент, Северо-Восточный федеральный
университет, г. Якутск
nsv2107@mail.ru

Готовцев Егор Николаевич
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск
gotovtsevigor@mail.ru

Аннотация. Предложено исследование специфических черт культуры эвенгов Ламынхинского наслега в сферах идентичности, природопользования и хозяйственных практик. В качестве базовой гипотезы выдвинуто предположение, что туристическая индустрия будет способствовать сохранению специфики культуры в локальном социуме. Решались следующие задачи: охарактеризовать этнокультурную ситуацию: традиционное природопользование и культурные практики эвенгов Ламынхинского наслега, показать трансформацию и преемственность хозяйственно-культурного типа, определяющий процесс этнической идентификации; обосновать потенциал туризма в процессе реконструкции ламынхинского компонента культуры эвенгов (концепция микс тура в Себян-Кюэль). Использовались междисциплинарный и социокультурный подходы. В качестве основного использован метод реконструкции. Проведен семиотический анализ отдельных природных и культурных достопримечательностей с. Себян-Кюэль. В ходе исследования использованы методы экспертного интервью, партисипаторных практик. Полевые исследования подтвердили, что сформирован самостоятельный ламынхинский компонент культуры эвенгов, представляющий культуру горцев, оленеводов, охотников и рыбаков; отличный от анабарского и магаданского; со сложившимися формами хозяйствования и коммуникации. Ламынхинские эвенги говорят на своем диалекте; имеют самоназвание; осознают свое единство; культивируют и мифологизируют единое прошлое (отличное от прошлого эвенгов других регионов). Доказано, что проект микс тура должен способствовать занятости населения; создаст условия формирования позитивной этнической идентичности у жителей национального наслега.

Ключевые слова: индигенные народы, локальная этническая группа, ламынхинский компонент, реконструкция, партисипаторные практики, конструируемая идентичность, специфика культуры, культурные коды, туристическая индустрия, микс тур.

Введение

В настоящее время коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее, индигенные) стремятся сохранять и развивать самобытную культуру, пронесенную через сотни лет в перманентном плотном межкультурном контакте.

На обширной территории, в тесной зависимости друг от друга веками жили эвенги, эвенки, чукчи, коряки, долганы, юкагиры, саха и русские. В условиях резко континентального климата, в столь же контрастном вмещающем ландшафте: горы Верхоянского хребта, центрально-якутская низменность, тундра и побережье Северного Ледовитого океана они не утратили

локального своеобразия и внутриэтнических связей. Более того, в условиях дисперсного проживания малых этнических групп на юге, востоке, севере современной территории Республики Саха (Якутия), представители одного этноса создали локальные варианты культуры. Локальная специфика, определяемая здесь как ламынхинский¹ компонент культуры эвенов Кобяйского района (улуса) Якутии (в отличие от анабарского, олекминского, магаданского и др.) придает этнической культуре эвенов «дополнительные краски, усложняет ее структуру. Многокомпонентное устройство, сложность системы способствуют большей устойчивости, жизнеспособности культуры» [10, с. 145].

Индигенные народы Севера до недавнего времени изучали, не разделяя эвенов и эвенков, например: И. С. Гурвич (1966) [7], В. А. Туголуков (1985) [17].

В досоветский период следует выделить ученых, которые оказали наибольшее влияние на тунгусоведение: С. К. Патканов (1912) [12] и С. М. Широкогоров (1929) [21], труды которых свидетельствуют о связи российской этнографии с географией, статистикой, языкознанием, фольклористикой, историей и декоративно-прикладным искусством. В советский период в североведении сложились представления о разных группах эвенов, но локальные особенности этнических групп изучены неравномерно. Эвены труднодоступных районов северо-востока Евразии оставались мало исследованы. В числе зарубежных ученых, работавших среди эвенов: П. Витебски, К. Герне и др. Круг ученых-североведов постоянно расширяется, сегодня он представлен именами А. А. Алексеева [1], С. А. Алексеевой [2], С. А. Григорьева [6], В. В. Филипповой [19] и др. В конце XX — начале XXI веков появились обобщающие работы об эвенах (В. А. Тураев и др., 1997) [8].

В 2000-х годах в фокусе внимания ученых находится этническая экология, экологическая культура и экологическая этика, тесно связанные с опытом природопользования индигенных народов. В республике проводятся исследования туристических ресурсов (С. Н. Федорова [18] и др.) принимаются программы развития, выделяются средства, но недостаточно разрабатываются проблемы сохранения культурной специфики локальных этнических групп.

Определен проблемный ряд, выделены возможные подходы к реконструкции специфики культуры малых этнических групп. Использовались комплексно междисциплинарный и социокультурный подходы. Пред-

ложен семиотический анализ отдельных природных и культурных достопримечательностей с. Себян-Кюёль. В ходе исследования, помимо общенаучных, использованы методы экспертного интервью, партисипаторных практик, а также метод проектирования. В качестве основного рассматривается метод реконструкции как один из методов изучения культуры посредством ее системного моделирования. В отличие от исторической (археологической, архитектурной и др.) реконструкций, в культурологической реконструкции не ставится задача воссоздания конкретных индивидуализирующих черт исследуемого культурного феномена; моделируются его типологические и системообразующие признаки. Принципы, на основе которых могут быть осуществлены такого рода реконструкции, разработаны эволюционистами XIX в. (Ч. Спенсером, Э. Тайлором и др.), несмотря на архаичность, они сохраняют актуальность. В основном, они сводятся к установлению естественной «зависимости конкретно-исторических черт той или иной культуры от сочетания природных и исторических условий существования соответствующего сообщества, благодаря чему более полное знание об этих условиях повышают достоверность реконструкции форм изучаемой культуры» [20, с. 373]. Основными источниками послужили полевые материалы, собранные Е. Н. Готовцевым во время экспедиции в Ламынхинском национальном наслеге (с. Себян-Кюёль) Кобяйского улуса, в марте-апреле 2019 года (далее — ПМА 2019). В рамках полевых исследований проведены собеседования и круглые столы с ламынхинскими эвенами (работниками культуры и администрации наслега, учителями школы). Проведен ряд экспертных интервью, в частности, с С. Д. Борисовой, учителем родного языка, литературы и культуры народов Республики (Саха) Якутии, с. Батамай, уроженкой с. Себян-Кюёль; Н. Д. Сметаниной, редактором Национальной вещательной компании «Саха» — творческого объединения «Геван», г. Якутск, родом из с. Себян-Кюёль и др.

Основываясь на проведенном исследовании, мы предполагаем, что туристическая индустрия должна способствовать сохранению и реконструкции специфики культуры локального социума. Внедрение предлагаемого ниже микс тура будет способствовать консолидации этнического сообщества (партисипаторный метод), созданию новых рабочих мест, а также — в данном конкретном случае — сохранению ламынхинского компонента этнической культуры эвенов.

Традиционная культура
ламынхинских эвенов
как ресурс развития территории

Хронологические рамки охватывают период середины XX — начала XXI веков. Выбор исходной даты

¹ В научной литературе употребляются два варианта написания названия «ламынхинский» и «ламынхинский», второй закреплен в географическом названии.

определен состоянием источниковой базы. Выбор верхней границы обусловлен тем, что проблематика исследования касается процесса ассимиляции и трансформации, а также вопросов преемственности и реконструкции в указанный период.

Территориальные рамки — с. Себян-Кюель, Ламынхинского наслега Кобяйского района (улуса), административный субъект Республики Саха (Якутия). Выбор региона обусловлен административно-территориальным статусом и важностью этого фактора в формировании идентичности указанной малой этнической группы.

По данным переписей 2000 и 2010 годов всего эвенов в Российской Федерации — «19242 человека. Живут локальными группами в Республике Саха (Якутия) в Аллаиховском, Момском, Томпонском, Среднеколымском, Верхоянском, Оймяконском, Абыйском, Булунском, Эвено-Бытантайском районах; Магаданской области (Ольский, Северо-Эвенский, Омсукчанский, Тенькинский, Хасынский, Ягоднинский районы); Хабаровском крае (Охотский район); Камчатская область (Быстринский, Пенжинский, Олюторский, Тигильский районы); Чукотский автономный округ (Билибинский и Анадырский районы)» [14, с. 1113; 15]. Можно утверждать, что в каждом районе проживания эвены сохраняют этническую и культурную специфику. При этом они проявляют амбивалентное отношение к культуре региона: с одной стороны, достаточно легко перенимают способы хозяйствования, язык, вступают в межнациональные браки; с другой стороны, акцентируют, сохраняют, культивируют (гиперболизируют) — специфические этнические ментальные характеристики.

Себян-Кюель расположен на правом берегу р. Лена, он считается самым труднодоступным населенным пунктом Якутии. Село раскинулось на берегах горных рек Суланячан и Надатав. Вершины гор достигают 2000 метров и более над уровнем моря, над селом возвышается высокая гора Дудэрэ. Климат резко континентальный. Максимальная температура воздуха доходит до +31° минимальная до -56° -58°. Ведущей формой жизнедеятельности населения национального наслега является оленеводство. Территория муниципального образования «Ламынхинский национальный наслег» занимает 49,1 тыс. гектаров [5]. Всего население села составляет 750 человек, данные 2012–2017 годов [15; 6, с. 125]. В Себян-Кюеле работает музей. В нем можно увидеть чучела животных: горного барана, тарбагана, волка и других. Экспонаты музея знакомят с историей, традициями, обычаями эвенов Ламынхинского наслега. С 1975 года важное место в культурной жизни сельчан занимает национальный фольклорный ансамбль «Мэрлэнкэ».

Эвены Ламынхинского наслега представляют отдельную этническую группу эвенов северо-западного Верхоянья [1, с. 189], эндоэтноним «наматкалы». В 2012–2015 годах численность эвенов в наслеге составляла 649 человек [19 с. 210; 6, с. 125]. Язык относится к ламынхинскому говору западного наречия эвенского языка [9, с. 12]. Костяк Ламынхинского рода составляли: кеймети, ньяку, кара, киргинбис. В составе населения наслега — представители родов доткэ, колтээки, мэмэл, тугэс, дондэткил, булэс [1, с. 19]. Представителями указанных родов являются Кейметиновы, Степановы, Захаровы, Кривошапкины, Алексеевы, Колесовы, Слепцовы [19, с. 206]. В рамках полномочий, переданных администрациям муниципальных образований (2017), на развитие домашнего оленеводства предусмотрено из государственного бюджета 694 189,0 тыс. руб. Фактическое количество поголовья оленей — по данным государственной статистики (2017) в сельскохозяйственных предприятиях и у индивидуальных предпринимателей наслега насчитывалось 149 560 голов [16]. Оленеводство — основная форма жизнедеятельности, наиболее престижный для мужчин наслега вид деятельности и основная статья доходов населения Себян-Кюеля.

Таким образом, вслед за А. А. Алексеевым и другими мы констатируем, что в начале XXI века оформился самостоятельный ламынхинский компонент культуры эвенов. Локальный ее тип, представляющий культуру горцев, оленеводов, охотников и рыбаков; отличный от анабарского и магаданского; со сложившимися и ставшими «рутинными паттернами взаимодействия и коммуникации» [11, с. 8]. Ламынхинские эвены говорят на своем диалекте; имеют самоназвание; осознают свое единство; культивируют и мифологизируют единое прошлое (отличное от прошлого эвенов других регионов).

Специфика этнокультурного туризма: модель микс тура для Себян-Кюеля

Рассмотрен этнический туризм, который в современном глобальном мире все больше набирает популярность, считается экзотическим и нередко экстремальным видом отдыха. Кроме того, этнический туризм становится формой и способом развития личности. Этот вид туризма расширяет границы познания, способствует этнокультурной самоидентификации человека, развивает и трансформирует культурную сферу деятельности человека.

Знание о традициях и обычаях народов, как существующих, так и исчезающих, заставляет задуматься о судьбах своего. Возможность передавать эти знания

из поколения в поколения позволит сохранить уникальность культурного наследия индигенных народов. В последние годы заметно возрос интерес самих этнофоров к самобытной культуре предков, к народным традициям, верованиям, обрядам и народному творчеству.

Таким образом, в селе Себян-Кюёль сохранилась самобытная культура малой этнической группы — ламынхинских эвенов, что является уникальным, несырьевым ресурсом для экономики и социокультурного развития наслега. К предпосылкам развития этнокультурного туризма можно отнести следующие: высокую степень этнического разнообразия населения не только в общенациональном, макрорегиональном масштабах, но и в пределах отдельных субъектов, на уровне административных единиц (как в нашем случае); сочетание различных этнокультурных комплексов, сложившееся в процессе длительной межэтнической интеграции и аккультурации; пропаганда идей межэтнической толерантности; минимизация деструктивного влияния урбанизации на традиционные культуры индигенных народов Северо-Востока РФ; необходимость продвижения республики на туристический рынок.

Проведен семиотический анализ отдельных достопримечательностей территории, создающих сложностроенный складчатый текст пространства культуры локального социума. Например, на территории наслега находится озеро Себян-Кюёль. В его окрестностях растет вечнозеленая трава чуурукта — излюбленный корм оленей. Озеро хранит много тайн: рыбаки утверждают, что в нем водятся рыбы длиной в 1,5–2 метра; согласно местным мифам, пока никому не удалось спуститься на дно озера [ПМА-2019]. Возможно, что там лежат обломки самолета С. Леваневского — советского полярного летчика 30-х годов XX века.

В марте-апреле в Себян-Кюёле проводится праздник — День оленевода. Приезжают гости из Булунского, Жиганского, Оймьяконского, Эвено-Бытантайского улусов, из-за рубежа. Внимание привлекают национальные состязания: метание мавута, прыжки через нарты, бег на камусных лыжах, и борьба на кушаках. Но самое зрелищное состязание — гонки верхом на оленях и на оленьих упряжках [ПМА-2019].

Летом жители празднуют «Эвинек» — праздник встречи солнца, эвенский Новый год. А в апреле — детский праздник «Первого олененка». Его главные действующие лица — дети в национальных костюмах; они танцуют, поют и читают стихи на эвенском языке, точнее на его ламынхинском говоре.

Е. Н. Готовцевым разработаны сезонные микс туры (модель зимнего и летнего туристических пакетов).

Продолжительность летнего тура в с. Себян-Кюёль рассчитана на шесть дней. Численность туристов от пяти до десяти человек. Все должны отметить в Табели безопасности. Пребывание туристов в Якутске зависит от их пожелания. Первый день — трансфер из Якутска до п. Батамай. Сбор туристов на автовокзале «Якутск», далее на комфортабельном транспорте туристы направляются в с. Тубэ Намского района (улуса). Расстояние 320 км., время три-четыре часа. Остановка в кафе на обед 30–40 минут, далее туристы пересаживаются на моторные катера (лодки) по р. Лена. Продолжительность пути из Тубя до пункта назначения — 45 минут. Далее туристов ждет специальный гид, который разместит их на туристической базе «Батамай», три деревянных дома, оснащенных для комфортного проживания. Одну ночь туристы проведут здесь. Они могут (по желанию) рыбачить на спиннингах, собирать ягоды (жимолость, брусника, голубика), купаться, то есть им обеспечен полноценный отдых на свежем воздухе. На следующее утро туристы направляются в с. Сеген-Кюёль, время пути на моторных лодках до пяти часов. Второй и третий день — лагерь «Борголло» в с. Сеген-Кюёль, подъем на гору «Пик гора» и обзор красот природы с птичьего полета. Далее опускаем детали, изложенные предельно подробно в проекте. Четвертый день — туристы на вертолете переправляются в Ламынхинский наслег с. Себян-Кюёль, конечную точку путешествия. В оставшиеся два дня они погружаются в этническую культуру Ламынхинского наслега, а также им предлагаются охота и рыбалка в экстремальных условиях. Знакомство с культурой ламынхинских эвенов, участие в национальном празднике «Бакалдын». Любой праздник — это рубеж времени и визитная карточка народа, в которой представлены все коды культуры. Предполагается активное включение туристов в приготовление национальных блюд (кулинарный код), проведение обрядов (акциональный код) и т.д. Посещение музея, езда на оленьих упряжках по тундре. Шестой день возвращение в Якутск. Средняя стоимость туристического пакета: 100.000 тыс. рублей, включая проезд и оплату лицензий.

Результаты

Обозначен потенциал партисипаторных практик — привлечение местного населения. Доказано, что проект обеспечит создание новых рабочих мест, создаст условия формирования позитивной этнической идентичности представителей индигенных народов Севера. Предложено описание проекта туристического пакета, когда в совокупности задействованы все базовые формы культуры: жилище, костюм, обрядовые практики и способы хозяйствования.

Научная новизна связана с культурологической концептуализацией тенденций развития туристиче-

ской индустрии в регионе: применен социокультурный подход, предполагающий комплексное изучение, что позволило выявить повышение социальной и культурной значимости туризма в социокультурных практиках, которое обусловлено формированием нового понимания места культуры в общественном развитии и осознанием необходимости сохранения культурного многообразия в мире.

Показано, что эффективность культурного туризма как способа обеспечения досуговой деятельности, заключается не только в отдыхе, но и в поддержании социального статуса и самореализации индивида, адаптации человека к меняющимся реалиям. Микс тур, включающий этнокультурный, экстремальный, праздничный виды туризма, выступает инструментом выработки принципов сотрудничества на межкультурном уровне, каналом распространения культурных моделей, ориентированных на открытость и мобильность.

Теоретически обосновано, что эффективность использования туризма в рамках программы социокультурного развития труднодоступного региона состоит в формировании благоприятного социального климата в локальном сообществе; в поддержании и развитии сферы предпринимательства и бизнеса. Предложены аргументы в пользу того, что непосредственное участие представителей малых этнических групп в обсуждении возможностей и ограничений по использованию природно-ландшафтных, материальных и духовных ресурсов локальной культуры (партиципаторные практики) в туристической индустрии способствует сочетанию, уравниванию интересов туристов и местного сообщества; туристическая индустрия выступает фактором развития региона.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при изучении проблем развития туристической деятельности в отдаленных российских регионах; при разработке концепций как общефедеральной, так и региональной политики по поддержке сферы туризма и социокультурного развития территорий, программ сохранения культурного наследия, природного ландшафта и т.д.

Разработка теоретических оснований туристической индустрии в локальном социуме и на отдаленных территориях, анализ вероятных обретений и рисков должны способствовать сохранению локальной специфики культуры.

Заключение

Таким образом, определено, что эвены Ламынхинского наслег представляют хрестоматийную, классически сложившуюся локальную этническую группу, со-

храняющую традиционный уклад жизнедеятельности, и имеющую высокие шансы на возможность реконструкции аутентичных форм традиционной культуры.

Важным фактором возможности внедрения культурных индустрий (туристических, в частности) является наличие огромных неосвоенных пространств. Согласно стратегии развития туризма в Себян-Кюёле существуют необходимые условия для развития туризма, в качестве еще одной (кроме, оленеводства) приоритетной отрасли экономики в долгосрочной перспективе. Реализуемым представляется авторам увеличение вклада туристической отрасли в развитие региона, сохранение и рациональное использование природно-рекреационного и культурно-исторического потенциала. Этническая культура, ламынхинский компонент которой выглядел почти утраченным, получила реальные возможности сохранения и реконструкции. Сущность микс тура заключается в том, что он знакомит туристов, путешественников с дикой природой, самобытной культурой, древними формами религиозных воззрений, уникальным искусством, традициями, обычаями и фольклором локальной этнической группы эвенов Якутии.

В современном мире быстро развивается экстремальный туризм. Классические виды туризма, такие как курортный, шопинг-туризм и познавательный утрачивают популярность. Местность Ламынхинского наслег может стать востребованным туристическим объектом за счет уникального ландшафта. В совокупности этнический, экстремальный, экологический, охотничье-рыболовный виды туризма, объединенные в микс тур, должны способствовать увеличению потока туристов. Предложенный проект микс-тура предполагает работу по реконструкции описанных в науке образцов вербального, пластического и танцевального фольклора. Опыт экспедиции показал, как в празднике, промысловой обрядности и календаре актуализируются все культурные коды: кулинарный, хроматический, зооморфный, вегетативный, акустический и проч.

Авторы отмечают опасность, так называемой конструируемой аутентичности, которая наблюдается в мировой практике, когда в угоду заморским гостям, ради пущего экзотизма, народ собственными руками губит свою культуру. Мы считаем, что реконструкция локальной специфики культуры (ламынхинский компонент) малой этнической группы (эвены Ламынхинского наслег), не предполагает изолированного восстановления экзотических форм по надуманным фрагментам. Реальный продукт реконструкции возможен только при соблюдении системного подхода, когда работающие процессы способствуют конструированию позитивной этнической идентичности каждого носителя культуры в данной и любой другой локальной этнической группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А. Эвены Верхоянья: история и культура: (конец XIX — 80-е гг. XX в.). СПб.: ВВМ, 2006. 243 с.
2. Алексеева Е. К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 2003. 158 с.
3. Алексеева С. А. Традиционная семья у эвенов Якутии: (конец XIX — начало XX в.): историко-этнографический аспект. Новосибирск: Наука, 2008. 110 с.
4. Алексеева С. А. Культура этнолокального сообщества охотников оленеводов: коммуникативные практики и поведенческие стратегии (на материале эвенов Якутии и Камчатки) // Культурное наследие народов Северо-Востока Российской Федерации: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти известного якутского исследователя-этнографа П. А. Слепцова. Якутск, 2018. С. 68–71.
5. Генеральный план села Себян-Кюель» Кобяйского улуса (района) Республики Саха (Якутия). Пояснительная записка URL: <http://old.sakha.gov.ru/.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).
6. Григорьев С. А. Локальные сообщества коренных народов Севера в Якутии: современное этносоциальное положение эвенов Ламунхинского национального наслега // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 124–133.
7. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.
8. История и культура эвенов: историко-этнографические очерки / В. А. Туголуков, В. А. Тураев, Б. А. Слеваковский [и др.]. СПб.: Наука, 1997. 182 с.
9. Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 112 с.
10. Никифорова С. В., Готовцев Е. Н. К проблемам реконструкции локальной специфики культуры малых этнических групп // Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «GLOBAL SCIENCE AND INNOVATIONS2019: CENTRAL ASIA», 21 января 2019 года. Астана, Т. III. С. 144–147.
11. Орлова Э. А. Компоненты современной социологии культуры // Культура культуры. 2016. № 3 (11). URL: <https://ciberleninka.ru/.pdf> (дата обращения: 07.07.2019).
12. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): [В 3-х т.]. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. — 1912. — С. 434–999.
13. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М.: издание ИЭА РАН, 2012. 288 с.
14. Северная энциклопедия. М.: Европейские издания, 2004. 1197 с.
15. Социально-демографическая характеристика коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия) по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.: статистический сборник. Якутск, 2002.
16. Томпонский район. Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия) URL: <http://www.old.sakha.gov.ru/tomponsky> (дата обращения: 12.01.2019).
17. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 286 с.
18. Федорова С. Н. Этнокультурный туризм в Республике Саха (Якутия) // Культурное наследие народов Северо-Востока Российской Федерации: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти известного якутского исследователя-этнографа П. А. Слепцова. Якутск, 2018. С. 191–195.
19. Филиппова В. В. Ламунхинские эвены: численность и расселение в XX–XXI веках // Научный диалог, 2017. № 9. С. 202–213.
20. Флиер А. Я. Реконструкция культуры // Культурология. Словарь XX век. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.
21. Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов. СПб.: Наука; Восточная литература, 2017. 710 с.

© Никифорова Саргылана Валентиновна (nsv2107@mail.ru), Готовцев Егор Николаевич (gotovtsevegor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

THE CULTURAL ASPECT OF THE POSTMODERN ERA

V. Savrey

Summary. The article is devoted to the postmodernism as a complex and ambiguously evaluated phenomenon in the cultural history, as one part in a chain of successive civilizations with their religious faith, rationalism and criticism. In comparison with the classical modernity the postmodernism represents a further step towards a resolute rejection of a transcendental understanding of human destiny, devising a strategy of self-affirmation and survival for mankind under the conditions of the new threats of the 21-st century.

Keywords: God, faith, time, civilization, modern, postmodern, culture, philosophy, era.

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена постановке вопроса о постмодерне как многогранном и неоднозначно оцениваемом явлении на общем культурном горизонте истории в цепи сменяющих друг друга цивилизаций с их религиозной верой, рационализмом и критицизмом. В сравнении с классической эпохой модерна постмодерн делает новый шаг в решительном отрицании трансцендентального смысла человеческого предназначения, выстраивая стратегию самоутверждения и выживания человечества в условиях новых угроз XXI века.

Ключевые слова: Бог, вера, время, цивилизация, модерн, постмодерн, культура, философия, эпоха.

В парадигме своей феноменологии культура постмодерна несёт на себе, несомненно, печать духа последнего времени, заключающего в себе итог осмысления всего пройденного цивилизационного исторического пути.

«Дух времени» — понятие, отражающее символ эпохи. В своём интегральном охвате понятие «дух времени» есть нечто большее чем метафора: это реальность, рождённая «повелительницей мгновения — историей» [Бадью 2016, 8]. Мировоззрение, вера, менталитет, стиль жизни, культура и язык могут быть обозначены этой универсальной вербальной формулой, открывающей пространство для интерпретации перечисленных сфер символической деятельности человека в дискурсе философии эпохи постмодерна, которая признаётся такими авторами, как З. Бауман и Г. Кюннг, эпохой развития критической мысли. Один из выдающихся мыслителей постмодерна Жак Деррида говорит о том, что «вербальное препятствие» в процессе научного познания часто обладает формой метафоры [Деррида 2012, 297]. Spiritustemporis как объект мысли не является концептом ни философии, ни науки. Это скорее характеристика художественного порядка. «Несомненно, царство метафоры простирается за пределы языка, понимаемого в узком смысле вербального «выражения»: «метафоры соблазняют разум» [Там же, 298]. Однако это вовсе не значит, что «чётких оснований для определения авторского замысла знания или смысла не существует» [Ванхузер 2007, 306]. В действительности такой как — будто бы аморфный и размытый в своём содержании конструкт, который именуется «духом времени», в своей потаенной глубине отражает характер исторической и культурной детерминации того

или иного явления на общем фоне смены цивилизаций. Современный мир, несмотря ни на какие «пост — пост», связан с цивилизациями древнего мира «самой крепкой связью преемства» [Аверинцев 1995, 433]. Мир включает в свою судьбу историческое и культурное прошлое всего человечества. «Без достижений древних цивилизаций наш мир не мыслим ни в одном своём звене» [Там же, 433]. Так, например, непоколебимая вера в мировой порядок в своих начальных истоках может быть возведена «к прозрениям Платона и библейских пророков» [Уайтхед 1990, 530], но уже «после соединения греческого мышления с семитским старый уклад жизни был обречён» [Там же, 547], уступив место христианской эпохе, пришедшей на смену античности, по отношению к которой христианство заявило о себе как об эпохе модерна. Знаменательные и реально потрясшие мир события XX века дают основания считать XX век концом эпохи модерна.

«Я,— заявляет Ален Бадью,— мог бы вполне обоснованно сказать: век начинается войной 1914–18 гг., войной, которая включает в себя Октябрьскую революцию 1917-го, а заканчивается распадом СССР и завершением холодной войны. Это малый век (75 лет), крепко спаянный. В целом советский век» [Бадью 2016, 8]. Таким образом, эпоха модерна завершилась мировым кризисом, ознаменованным первой мировой войной, крушением Российской империи, как и других континентальных империй Европы, и распадом Советского Союза как событиями «планетарного масштаба» [Там же]. «Новый век определяется как век постмодернизма» [Фесенкова 2001, 223].

Вместе с дыханием современной эпохи в традиционных когда-то обществах исчезают религиозные убежде-

ния, радикально меняя характер прежней мировоззренческой и этической парадигмы и рождая состояние неопределённости, о котором Питер Бергер сказал, что это такое бремя, «которое многим людям трудно переносить». Поэтому какая-либо тенденция, обещающая восстановление определённости, «пользуется широким спросом», поскольку «культура, пытающаяся обойтись без трансцендентной точки отсчёта, оказывается неглубокой». Когда после окончания первой мировой войны немцы произносили фразу: «Deutschland ist verloren», они, вероятно, не задумывались над её глубинным метафизическим смыслом, означавшим утрату европейской культурой её прежнего величия, инспирированного религиозными интуициями христианской эпохи. Историческую метаморфозу, происшедшую в лице европейской культуры сумел почувствовать и очень точно выразить Н. А. Бердяев, оказавшись в эмиграции в Париже, который он любил, как и Западную Европу, с самого детства, когда ездил за границу. Будучи выслан советской властью из России, Бердяев пережил новую встречу с Парижем, отметив, что у него «было непреодолимое и горькое чувство, что это умирающий мир, мир великой, но отошедшей культуры» [Бердяев 1990, 238]. Подобно Бердяеву многие мыслители на рубеже XX — XXI вв. испытали ностальгию по уходящей классической эпохе модерна. Возврата в прошлое быть не может, и смысл будущего следует видеть не в возвращении к формам исторического прошлого, а в конструктивном и творческом преображении реальности культурного универсума нашей постмодернистской эпохи в соответствии с возведёнными человечеству идеалами актуального исполнения Евангелия в нашей человеческой жизни.

Постмодернизм открылся миру в парадигме своей противоречивости и многоликости. В целом ему присущ *spiritus destructionis*. «Постмодернистский подход заключает в себе иронию, деструкцию, критику западных ценностей, идеологий, цивилизации и культуры» [Рзаева 2011, 260]. Место высших и вечных ценностей занимают новые кумиры нашей эпохи, которым поклоняется современный человек. К ним относятся комфорт, расточительность, информация, скорость, социальный успех, гламур, неоправданная роскошь. Совершенно очевидно, что ни в каком обществе не может быть абсолютного эгалитета. «Общество, в котором все причины для зависти исчезли, не нуждалось бы в моральной проповеди христианства» [Шёк 2010, 196]. Предметы роскоши, которыми обладают одни, вызывают зависть других. Роскошь предосудительна там, где она мотивирована стремлением её владельца продемонстрировать своё превосходство над другими. Как полагает Адриано Тильгер, роскошь здесь используется «как фон», на котором можно позировать в качестве человека, преуспевающего в жизни больше других [Tilger 1964, 218]. Этический

анализ природы постмодерна нуждается в глубоком теоретическом обобщении.

Вслед за К. Ясперсом, считавшим, что время создания фундаментальных «стройных» систем для философии уже прошло, и что она вынуждена теперь лишь «довольствоваться фрагментарными прозрениями» [Ясперс 1983, 818], современный постмодернизм отказывается от притязаний какой бы то ни было теорий на масштабность и истинность. Исповедуемый философией постмодернизма этический релятивизм открывает путь к либерализации нравственного сознания. В давно обозначившейся тенденции к либерализации не следует обвинять лишь один постмодерн. Здесь возникает вполне закономерный вопрос, что заставило «потускнеть некогда без особых проблем «сиявший» свет Просвещения, превратив его в сверхпроблематичный, обманчивый полумрак позднего модерна» [Слотердаик 2001, 578]. Критическая мысль постмодерна, подобно странствующему Одиссею, движется «извилистыми путями амбивалентностей, которые с нашим приближением к современности всё более и более сплетаются в угрожающе-сложную путаницу» [Там же]. Становится очевидным, что, несмотря на свою ярко выраженную тенденцию к абстрагированию философских понятий в их семантической редукции, постмодерн не способен радикально дистанцироваться от исторических эпох античности и модерна и прежде всего от таких предшественников постмодерна как Ф. Ницше, Ч. Дарвин, К. Маркс, З. Фрейд. «Однако всегда следует помнить, что призрак, вызываемый из прошлого, не путеводный маяк, а всего лишь обманчивый блуждающий огонёк, способный сбить с проторенного пути» [Тойнби 1996, 497].

Такие блуждающие обманчивые огоньки время от времени вспыхивали на интеллектуальном небосклоне просвещённой христианской Европы. С начала XVIII в. в Европе больше всего подвергалась критике доктрина о грехе. «Такие понятия, как «первородный грех», вызывали смех, и относиться к ним всерьёз считалось постыдным» [Тиллих 1995, 390]. Однако в XX в. в научных исследованиях в области психологии, этики и социологии, оперирующих понятиями «солидарность» и «отчуждённость», можно констатировать «особый подход к рассмотрению смысла первородного греха, его трагической роли в истории» [Там же, 391]. В целом же, безусловно, вся культура европейского модерна была пронизана безотчётным стремлением к свободе, под сенью которой формировалась «своеобразная этика героического нигилизма: не пассивное принятие судьбы, а активное принятие ответственности за свою судьбу» [Левицкий 2008, 465]. Для философии М. Хайдеггера главный этический принцип, имплицитно присутствующий в его экзистенциальной онтологии, заключается в свободной и независимой позиции, в стремлении быть самим собой,

к чему бы это ни привело. Эту условно гипотетическую «этику» Хайдеггера, поскольку никакой этики фрейбургский философ не писал, Йозеф Мюллер назвал «стоицизмом свободы» [Muller 1952, 465].

Феноменология постмодернизма характеризуется своей многоликостью, динамичностью, непредсказуемостью, тенденцией к синтезу различных философских теорий. Постмодернизм прокладывает свой путь через почти непроходимые дебри мировоззренческого, этического, религиозного и культурного плюрализма. Корни культур и цивилизаций уходят вглубь тысячелетий. «В лоне древних цивилизаций началась борьба между религиозной верой и рационалистической критикой веры, и борьбе этой в дальнейшем не суждено было прекращаться. Однако и вера, и рационализм — порождение великого сдвига, происшедшего в древности и открывшего возможности выбора» [Аверинцев 1995, 443]. Теоретическая основа философии постмодернизма была создана работами французских постструктуралистов, таких как Ж. Делёз, Ж. Деррида, М. Фуко и других известных авторов на общем фоне кризиса европейской философии и культуры в третьей четверти XX в. «В работах представителей постмодернизма были радикализованы главные постулаты постструктурализма и деконструктивизма и предприняты попытки синтезировать соперничающие общеполитические концепции» [Ильин 1996, 199].

Постмодернизм характеризуется отсутствием фундаментальных теоретических основ, составляющих базис любого мировоззрения. Событие Богоявления как трансцендентальная точка отсчёта исторического времени и как вектор, определяющий метафизический смысл всемирного пути человечества постмодерном серьёзно не воспринимается. Неприятие традиционного для европейской цивилизации христианского «пути» как метафоры, смыслом которой является трансцендентность, характеризует мировоззренческую и онтологическую ущербность постмодернизма. Здесь уже никто не обращается к Богу с молитвой: «Боже! Ущедри нас и благослови нас, просвети лицо твоё на нас и помилуй нас! Да познаем на земле путь твой, во всех народах спасение Твое» (Пс. 66, 1–3). В постмодернизме, как и в хайдеггеровской риторике, никогда не присутствует молитва или даже обращение к Богу [Гурко 2001, 314]. Автор «Бытия и времени» по-видимому никогда не стремился познать «путь», возвещаемый в Божественном Откровении. Хайдеггер обладает искусством потопить читателя, который с нетерпением ждёт «подлинного». Но сам автор не знает, что есть «подлинное» в истинном смысле этого слова. Он заботится о том, чтобы «выразить в языке» «многое» и забывает о том, что «одно только нужно» (Лк. 10,42). Не имея опыта религиозного созерцания и молитвы он не знает, что «путь» означает следование Божественно-

му повелению, пример которого явил патриарх Авраам, о котором С. Кьеркегор в своей книге «Страх и трепет» сказал: «Он оставил позади свой земной рассудок и взял с собою свою веру» [Кьеркегор 1998, 23], и, будучи тем, «кто любил Бога, стал самым великим из всех» [Там же]. Пример Авраама представляет архетипический прообраз исхода Израиля из Египта, события, ставшего ветхозаветной Пасхой, которая явилась прообразом Пасхи в Новом Завете. В своём трансцендентальном значении «Исход закладывает фундамент, на котором будет впрямь базироваться вся христианская философия» (Нибур Ричард. Нибур Райнхольд. Христос и культура. М., 1995. С. 260). В книге «Исход» в описании события ветхозаветной теофании Моисею Бог говорит: «Я Сущий» (Исх. 3, 14). «Начиная с этого момента раз и навсегда стало понятно, что собственное имя Бога есть Бытие» (Там же. С. 260).

По учению Церкви Бог Своим бытием одновременно и трансцендентен, и имманентен по отношению к созданному Им миру. «Александрийские теологи, — отмечает Н. А. Уайтхед, — придавали важнейшее значение идее имманентности Бога в мире. Они ставили проблему в общем виде: каким образом изначальное Бытие, являющееся источником неуклонного возобновления порядка в мире, может иметь ту же природу, что и сам этот мир» (Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 529). В догматическом богословии Церкви речь идёт об имманентной причастности Бога к миру посредством Его божественных энергий (действий), в то время как по Своей Сущности (Усии, Субстанции) Бог абсолютно трансцендентен миру. Вопрос о Боге является одним из самых актуальных вопросов для философии, истории, этики, он определяет собой всеобщий характер мировоззренческой парадигмы культур и цивилизаций.

По определению К. Барта, «Завет между Богом и человеком есть первый и последний смысл истории» (Барт К. Церковная догматика. Том 3. М., 2014. С. 313). В Завете с Богом природа, история и человеческое бытие, пребывающие в своём пространственно — временном континууме, обретают метафизическое основание в предвечном Божественном замысле о мире, предназначенном в его эсхатологическом преображении к той конечной трансцендентальной реальности, свидетельство о которой дано в традиции Откровения. «Ибо спасение — как бы в его в остальном ни понимали, пусть даже в символическом виде — есть именно снятие греха, снятие с человека его бремени, освобождение, очищение, восстановление человека» (Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 693).

Необратимо пессимистическая и безнадежно мрачная в своём неприкрытом нигилизме картина существования человека в постмодернизме имеет своим основанием исключительно стратегию выживания че-

ловечества, дающую шанс комфортной жизни человека всего лишь в ограниченных параметрах его личного биографического времени. Перспектива личного бессмертия человека в постмодернизме закрыта. Для постмодернизма характерно отрицание сформированных в парадигме христианского мирозерцания важнейших этических постулатов, лежащих в основании классической европейской культуры с её идеалом человека как носителя божественного образа и как наследника воскресения и вечной жизни в Царстве Божием.

«Мощный антирационалистический импульс в странах Запада есть реакция на духовное состояние, при котором всё мышление превратилось в стратегию» (Слотердайк П. Критика цинического разума. Издательство Уральского университета. Екатеринбург, 2001. С. 11). Представленные философией постмодернизма концепции «освобождения тела» и «отмены смерти» не имеют ничего общего с той кардинальной линией в истории поздней античности, раннего христианства, средневековья и классической философии нового времени, которая определила общую традиционную интерпретацию человека в этике и аксиологии, в теологии и антропологии, в искусстве и памятниках художественной литературы.

Альтернативой постмодернизму может служить лишь исключительно тот классический тип философии, который в предшествующие эпохи всегда приходил на смену эклектике, скептицизму и нигилизму. Ныне пробилась себе дорогу та уникальная ситуация, когда в результате вызванной философией постмодерна плодотворной дискуссии, в результате объективной и беспристрастной его ревизии, создаются предпосылки для его радикального обновления, для новой философии постмодерна, построенной на тех неизменных и незыблемых мировоззренческих основаниях, источником которых в человеческой жизни всегда оставалась Благая Весть. Когда, как заявляет Лиотар, «метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу» [Лиотар 2016, 10], то под этим великим метаповествованием можно иметь в виду и теорию происхождения видов, и всемирно-историческую миссию пролетариата, или, наконец, психоаналитическую теорию, в которой «бессознательное» ставится на своё место как «стремление не дать случайности считаться случайностью» [Джеймисон 2019, 437]. Любой метадискурс в своём эфемерном состоянии оказывается лишь теорией, слава которой после периода успеха и эйфории меркнет и угасает, как бы упрядняясь в своём сомнительном значении перед величием вечной истины, которую несёт миру Благая Весть. В истории культур и цивилизаций Благая Весть утверждала достоинство бытия человека в его глубинном постижении и интегральном охвате, она апеллировала к онтологической ценности каждой отдельной личности в её индивидуальной уникальности и вселенской общечеловеческой значимости,

она призывала к воплощению в личной и общественной жизни идеалов справедливости и любви, она вела людей к спасению от зла, к освящению всего естественного строя жизни сверхъестественной Божественной благодатью, являющейся предпосылкой и необходимым условием грядущего Царства Божия, она была гарантией обновления и преображения всех сфер человеческой жизни, от самых величайших вершин до самых далёких и скромных, но всё-таки ценных периферийных реальностей бытия. Современная историческая ситуация — «это лишь место, где следует искать гениальную личность» [Тиллих 1995, 458]. Следуя Божественному призванию, такая личность «трансцендирует ситуацию и творит нечто, что важно для любой исторической эпохи» [Там же]. Поэтому с принципиальной оговоркой в качестве теоретически предполагаемой альтернативы философии постмодерна можно считать позицию А. Тойнби, высказанную им в связи с угрозой ядерной войны: будущее планеты может спасти только всеобщая универсальная религия [Андерсон 2011, 14].

Но именно такой универсальной и совершенной в мировоззренческом и этическом отношении религией является христианство, остающееся, несмотря ни на какие обстоятельства времени, родиной европейской культуры и оплотом никогда не умиравших вечных и высших нравственных идеалов. Творец необъятного, непостижимого, мироздания стал в своём нравственном облике солидарным каждому человеку, затерянному в географических и социальных мирах, в первую очередь именно самому обездоленному и несчастному человеку, пусть даже самому презираемому, отвергнутому обществом и приговорённому к смерти, открыв своим Воскресением всем народам земли врата вечной жизни в царстве своей божественной славы. Путь к Богу остаётся единственным путём спасения человечества от губительного произвола, эгоизма, вражды и противостояния, ибо «Бог, как Он представлен в Священном Писании, — это также и тот, Кто обращён ко всему человечеству, ко всем народам и судит их» [Хаутепен 2008, 198]. Основой объединения Европы и мира может служить возвещаемая христианской Церковью Благая Весть.

Каждый человек, ощущающий где-то в глубине души, что достижение общности и взаимопонимания между людьми на основе достоверяемых внутренним свидетельством нашего нравственного сознания вечных этических идеалов истины, справедливости и красоты, неизбежно должен придти к заключению о том, что это — «лучший и, в сущности, единственный путь вперёд» [Уотсон 2017, 719].

Сегодня «русская культура оказалась в центре постмодернистской реинтерпретации» [Мнацаканян 2018, 252]. Постмодернизм бросает вызов традиционной

русской культуре, выступая против сформированного на основе православной веры национального менталитета России, её вековых устоев, её мировоззренческих и нравственных ценностей. В условиях новой культурной и геополитической ситуации Россия должна ответить на вызовы времени своей приверженностью к той

цивилизационной и культурной идентичности, которая на протяжении целого тысячелетия оставалась гарантом её стабильности и могущества, которая позволила ей построить на одной шестой части земного шара уникальную геополитическую модель устройства мира, отмеченную знаком величия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью 2016 — Бадью А. Век. М., 2016.
2. Бердяев 1990 — Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990.
3. Рзаева 2011 — Рзаева Р. О. Дискуссии о современности и/или к вопросу о ситуации постмодерна // Гуманизм и философские ценности. М., 2011.
4. Слотердайк 2001 — Слотердайк П. Критика цинического разума. Издательство Уральского университета. Екатеринбург. 2001.
5. Уайтхед 1990 — Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
6. Фесенкова 2011 — Фесенкова Л. В. Аналитическая психология К. Г. Юнга в современной культуре // Гуманизм и философские ценности. М., 2011.
7. Berger 1999 — Berger Peter L. The Desecularisation of the World. Resurgent Religion and World, 1999.
8. Muller 1952 — Muller J Existenzphilosophie und katholische Theologie Baden, 1952.
9. William 1999 — Politics. Washington DC: Ethics and Public Policy Center / William B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan, 1999.
10. Аверинцев 1997 — Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы М., 1997.
11. Аверинцев 1995 — Аверинцев. Глубокие корни общности. // Лики культуры. Альманах Т. 1. С., 1995.
12. Андерсон 2011 — Андерсон П. Истоки постмодерна. М., 2011.
13. Арсланов 2015 — Арсланов В. Г. Сущее и ничто. СПб., 2015.
14. Барт 2014 — Барт К. Церковная догматика. Том 3. М., 2014.
15. Бауман 2004 — Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
16. Бодрийяр 2015 — Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015.
17. Бодрийяр 2014 — Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2014.
18. Ванхузер 2007 — Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста. Черкассы, 2007.
19. Гартман 2002 — Гартман Н. Этика. М., 2002.
20. Гуревич 1993 — Гуревич П. С. Человек в авантюре саморазвития \ \ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
21. Гурко 2001 — Гурко Е. Жак Деррида. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001.
22. Делез 2001 — Делез Ж. Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза. М., 2001.
23. Деррида 2012 — Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
24. Джеймисон 2019 — Джеймисон Ф. Постмодернизм. М., 2019.
25. Ильин 1996 — Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
26. Капуто 2011 — Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным \ \ Логос. 2011.
27. Кьеркегор 1998 — Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1998.
28. Лиотар 2016 — Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2016.
29. Лосев 1980 — Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980.
30. Мнацаканян 2018 — Мнацаканян М. О. Постмодернизм. М., 2018.
31. Ричард, Райнхольд 1995 — Нибур Ричард. Нибур Райнхольд. Христос и культура. М., 1995.
32. Смит 2012 — Смит Дж. Церковь и постмодернизм. Черкассы, 2012.
33. Стретерн 2015 — Стретерн П. Деррида. М., 2015.
34. Тиллих 1995 — Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
35. Тишнер 2005 — Тишнер Ю. Избранное: Мышление в категориях ценности. М., 2005.
36. Тойнби 1996 — Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1996.
37. Уайтхед 1990 — Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
38. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
39. Филиппович, Семёнова 1983 — Филиппович А. В. Семёнова В. Н. Послесловие. \ \ Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
40. Франкл 1990 — Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
41. Хаутепен 2008 — Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008.
42. Шёк 2010 — Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.
43. Шуон 2007 — Шуон Ф. Очевидность и тайна. М., 2007.
44. Юнг 1998 — Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М., 1998.
45. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

46. Ясперс 2012 — Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М., 2012.
47. Ясперс 2014 — Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.
48. Derrida 1993 — Derrida J. Aporias. Paris, 1993.
49. Derrida 1967 — Derrida J. La Voix et le phenomene. PUF, 1967.
50. Derrida 1999 — Derrida J. Donne la mort. Paris: Galilee, 1999.
51. Derrida 1967 — Derrida J. Force et signification. \\ Derrida J. L`ecriture et la difference. Paris: Seuil, 1967.
52. Eliot 1948 — Eliot T. S. Notes Towards the Definition of Culture. London. faber and Faber. 1948.
53. Habermas 1981 — Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. II. 4-e Aufl. Suhrkamp, Frankfurt, 1981.
54. Hutcheon 1989 — Hutcheon L. Politics of Postmodernism. London, New York: Routledge, 1989.
55. Nilsson 1955 — Nilsson M. P. Geschichte der gri chischen Religion. Vol. I. Munich, 1955.
56. Tilgher 1964 — Tilgher A. Homo Faber. Chicago, 1964.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М.В. Ломоносова

«СОВЕТСКОЕ» И «АНТИСОВЕТСКОЕ» В САМОСОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ НОНКОНФОРМИСТОВ 1960–70-Х ГОДОВ

Серебрякова Елена Геннадьевна

К. филол. н., доцент, Воронежский государственный университет

Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

«SOVIET» AND «ANTI-SOVIET» IN THE SELF-CONSCIOUSNESS AND BEHAVIORAL PRACTICES OF NONCONFORMISTS OF THE 1960–70S

E. Serebryakova

Summary. The article explores the specifics of the «Soviet» component of self-consciousness of nonconformists of the 1960–70s. The material is the texts of the protective letters of the petition campaigns on the «deeds» of I. Brodsky, A. Sinyavsky and Yu. Daniel and the autobiography of V. Bukovsky «And the wind returns . . .». The author argues that in the consciousness of the «sixties» the concepts of «Russian» in the meaning of «cultural traditions of the intelligentsia of the 19th century» and «Soviet» were not opposed to each other. Self-identification and behavioral practice corresponded to Soviet normativity. In the understanding of human rights defenders, a negative interpretation of the concept of «Soviet» was established, but their identity was in line with the Soviet cultural and anthropological type, despite the anti-Soviet declarations.

Keywords: liberal Soviet intelligentsia, sixties, soviet man, nonconformism, petition campaigns.

Аннотация. В статье исследована специфика «советского» компонента самосознания нонконформистов 1960–70-х годов. Материалом выступают тексты защитных писем петиционных кампаний по «делам» И. Бродского, А. Синявского и Ю. Даниэля и автобиография В. Буковского «И возвращается ветер . . .». Автор утверждает, что в сознании «шестидесятников» понятия «русское» в значении «культурные традиции интеллигенции XIX века» и «советское» не противопоставлялись друг другу. Самоидентификация и поведенческая практика соответствовала советской нормативности. В понимании правозащитников утвердилось негативное толкование понятия «советское», но их идентичность соответствовала советскому культурно-антропологическому типу, несмотря на антисоветские декларации.

Ключевые слова: либеральная советская интеллигенция, «шестидесятники», советский человек, нонконформизм, петиционные кампании.

В современных гуманитарных науках ведется интенсивное изучение культурно-антропологического типа советского человека. Подходы к феномену определяются в соответствии с характером исследовательских задач. Ю. Левада, применив социологические методы, выявил ценностно-мировоззренческие основания личности. «Родовыми» свойствами советского человека названы изоляционалистская позиция, порождающая представление о культурной и цивилизационной уникальности страны Советов и себя как ее представителя, государственно-патерналистская ориентация, иерархичность миропорядка, наднациональная идентичность [8]. Как видим, культурно-антропологический тип, по мнению ученого, детерминирован характером отношений государства и общества.

Сторонники концепции «советской субъективности» (Й. Хелльбек, И. Халфин, Дж. Фюст, О. В. Хархордин и др.) подходят к феномену советского человека через анализ языковых практик власти, которые, по мнению исследователей, массово усваивались советскими людьми и определяли их способы созидания собственной личности и типы самооценок. Советские люди, по мнению Дж. Фюст, являлись узниками не государственного контроля, а языка [11]. Таким образом, антропологический тип личности признается не только детерминированным государственным строем, но и неотличимым от сформировавшей его политической системы.

При разнообразии подходов представленные концепции имеют общее свойство: для анализа выбран мас-

совый человек, представляющий от лица всего народонаселения. Это создает впечатление гомогенности советского общества, лишает советский тип личности вариативности.

Анализ самосознания советских нонконформистов способен дополнить представление о типологии советского человека и системе определяющих ее детерминант. Материалом работы послужили защитные письма «шестидесятников» в петиционных кампаниях по делам И. Бродского, А. Синявского и Ю. Даниэля и автобиография В. Буковского.

Поколение, именовавшее себя «шестидесятниками», названием указало аксиологический и поведенческий ориентир — разночинную интеллигенцию XIX века. Показательно, что, возникнув в официальном дискурсе (первые понятие прозвучало в очерке Р. Зерновой «По праву друга» в журнале «Юность» в 1955 г.), для либеральной интеллигенции оно означало ценностно-нормативную преемственность с поколением Н. А. Некрасова, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Значимость сохранили мировоззренческие принципы: духовные ценности выше материальных, житейская прагматика вторична в сравнении с нравственными заповедями, долг перед страной и народом обязывает бороться с социальными пороками. Антропоцентризм согласовывался с ориентацией на высокие идеалы, неразрывно связывался с гуманистическими целями — защитой слабых и угнетённых перед «сильными мира сего», просвещением народных масс, общественной деятельностью во имя исторического и научного прогресса. Важнейшим качеством для самоопределения «шестидесятников» XIX и XX веков признавалась духовная свобода — независимость суждений и критицизм мысли.

Аксиология диктовала модель профессионального и социального поведения, предполагающую деятельное служение народу и стране. В. Лакшин так определял позицию редакции журнала «Новый мир»: «Нам <...> не нравился казенно-бюрократический социализм, мы защищали человеческую правду против формальной, мы приходили в содрогание от ужасов сталинского лагеря и протестовали, где могли, против изощренных форм общественного лицемерия. Но мы верили в социализм, как в благородную идею справедливости, в социализм с человеческим нутром, а не лицом только. Для нас неоспоримы были демократические права личности. Мы искали опору своему чувству и убеждению в народе — и, боясь истасканности и фальшивой декламационности этого понятия, всегда дорожили чувством общего с трудовыми людьми» [6, с. 171]. Позиция критика отражает аксиологию поколения. Как видим, «советский» компонент самосознания идентифицируется Лакшиным как логичное продолжение традиций русской и европей-

ской интеллигенции — гуманизма, антропоцентризма, эмансипации личности. «Советское» и «русское» не противопоставляются, а дополняют друг друга.

В полной мере аксиология поколения реализовала себя в защите И. Бродского, А. Синявского и Ю. Даниэля от юридического преследования. Разделенные двумя годами (суд над поэтом пришелся на 1964 г, над писателями на 1966-ой), процессы имели «литературный характер»: литераторы должны были держать ответ за «неправильное» поведение: Бродский за асоциальную позицию — тунеядство, Синявский и Даниэль — за зарубежную публикацию художественных произведений. Защита литераторов сплотила прежде всего творческую и гуманитарную интеллигенцию. Писатели-нонконформисты восприняли случившееся как дело глубоко личное, связав воедино «чистки» в Союзах писателей сталинской поры, травлю Б. Пастернака и суд над И. Бродским, который был оценен как возвращение худших методов судопроизводства. Показательно, что «тяжеловесы» А. Твардовский, К. Чуковский и С. Маршак не были лично знакомы с молодым ленинградским поэтом. Ими двигала солидарность с терпящим бедствие человеком. Привлечение Г. Белля, Ж.-П. Сартра, Л. Арагона виделось защитникам мерой дополнительной. За писателями закрепились репутация друзей Советского Союза и их вмешательство во внутренние дела не могли быть расценены как антисоветская акция. Избирательное обращение к зарубежной общественности, кроме того, объяснялось глубокой убежденностью либеральной интеллигенции в необходимости, осознав ответственность за происходящее в стране, самостоятельно преодолевать сложный путь высвобождения от сталинского наследия.

Второй процесс осмысливался защитниками более драматично: в отличие от административного суда над Бродским, располагавшим в качестве наказания такой мерой, как ссылка осужденному, процесс над писателями носил уголовный характер и был чреват реальным заключением в лагере. Это требовало солидарности защитных акций и активного противодействия обвинителям писателей, к какому бы лагерю они ни принадлежали — властным структурам или художественным союзам.

Петиции в адрес правительства (от низших инстанций к высшим) виделись «шестидесятникам» действенной мерой защиты. По наблюдению Ш. Фицпатрик, рядовые граждане, как и представители власти, воспринимали эпистолярные обращения к руководителям страны как «демократическую практику, сближающую граждан со своим правительством» [10, р. 177]. Действительно, риторические приемы, использованные адресантами в обеих петиционных кампаниях, свидетельствуют, что в самосознании авторов не было антисоветских устремлений. Их эпистолярное поведение полностью соответ-

ствовало советской нормативности. Риторика писем выдержана в категориях этикета. В них нет категоричных формулировок, содержатся лишь просьбы вникнуть в мотивы поведения литераторов, призывы не допустить судебной ошибки и предложения пересмотреть результаты суда (в случае Бродского), освободить обвиняемых от уголовного преследования или отдать на поруки коллегам из Союза писателей (в «деле Синявского и Даниэля»).

Для этих целей выдвигались этические аргументы, обвиняемые получали комплиментарную характеристику: «Иосиф Бродский — талантливый поэт, умелый и трудолюбивый переводчик. <...> Мы просим Суд <...> учесть наше мнение о несомненной литературной одаренности этого молодого человека» (из телеграммы К. Чуковского и С. Маршака в народный суд Дзержинского района г. Ленинграда) [9, с. 598]. «Юлий Даниэль — человек честный, искренний, свободно мыслящий, душевно щедрый. Он бескорыстен, принципиален, достоин того звания, которое носил во время войны — звание солдата победившей фашизм страны. Даниэль всегда любил свою родину, свой народ. Будучи при этом убежденным интернационалистом, он всегда считал, что любить свою родину — это значит, прежде всего, не закрывать глаза на творящееся в ней зло, а наоборот — активно бороться со злом» (из письма А. Якобсона в Московский городской суд) [2, с. 148]. Очевидно, что адресат и автор существуют в одном аксиологическом поле. Доказывая, что в действиях арестованных нет антисоветского умысла, «шестидесятники» демонстрировали мировоззренческое единство с руководителями страны. Оппозиционность не входила в задачу интеллигенции, поднявшейся на защиту обвиненных. Коллективный автор писем правительству ждал от власти логики и последовательности в движении к «истинному социализму», ослабления репрессивной политики, в частности в отношении людей творческого труда.

Из собрания защитных писем, собранных А. Гинзбургом в «Белой книге о деле Синявского и Даниэля», оппозиционностью авторской позиции выделяется «Письмо старому другу» В. Шаламова. Оно было приведено в сборнике без подписи и послужило поводом для обвинения А. Гинзбурга в антисоветском характере составленной им книги. Шаламов категоричен в своих заявлениях: процесс над писателями осмыслен как продолжение духовного и физического террора сталинской поры. Образцовое литературное поведение, по его мнению, предполагает сопротивление системе, враждебной таланту, творчеству и человеческой личности. А. Синявский и Ю. Даниэль на суде не признали себя виновными в антисоветской агитации и пропаганде, а значит, не отреклись от принципов свободы совести и творчества. Писатель-герой и борец — такую нормативность предложил В. Шаламов в своём письме. Адресат письма

значим для понимания его семантики. Бывший зэк В. Шаламов не видел смысла объясняться с государством, а говорил с другом, прошедшим, как и он, сталинские лагеря и не нуждавшимся в недомолвках. В сборнике ясно прозвучал голос оппозиционера, убежденного в порочности самой системы.

При этом позиция автора не сводится к «антисоветскости». В тревоге за будущность страны, предупреждении современникам о сползании власти к сталинским методам управления культурой ощущается не только личный травматичный опыт Шаламова, но и типичное для «шестидесятников» восприятие истории. Поступательное историческое развитие способно давать сбой, регресс, как недавнее сталинское тридцатилетие, происходит не стихийно. Его возникновение имеет причинно-следственную связь: консервативные силы в правительстве и молчаливый, покорный народ. Вывод, логично следующий из этого силлогизма, был очевиден: каждый честный гражданин обязан подняться на действенное сопротивление общественной ресталинизации. Этого требует ответственность перед будущими поколениями. В этой позиции легко узнать трансформированную марксизмом рационалистическую парадигму. Нравственный долг писателя осмысливался Шаламовым, как и другими «шестидесятниками», в философских традициях Нового времени как культуротворческая миссия — содействие прогрессу, пробуждение сознания современников.

Для драматичного восприятия времени у «шестидесятников» были основания. С приходом к власти в 1964 году Л. И. Брежнева в стране началась частичная реабилитация Сталина, которая, как считает современный историк, была попыткой умиротворить «потенциальную простонародную оппозицию» [5, с. 103]. В стране нарастали охранительные тенденции. Организации, осуществлявшие руководство культурой — ЦК КПСС, КГБ при Совете министров СССР и Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) — утвердились в классификации критических текстов, особенно возникавших в самиздате, как идеологических диверсий. И хотя в системе юридического воздействия предпочтение было отдано не судебному преследованию, а профилактике «антисоветчиков», усиливались репрессивные механизмы управления культурой. Ужесточение курса выразилось в создании в 1967 г. Пятого управления КГБ, специализировавшегося на борьбе с идеологическими диверсиями, и повышении совместно с Главлитом роли Комитета госбезопасности в определении стратегии развития культуры. Власть не желала расширять поле свободы творчества, как совсем недавно рассчитывали «шестидесятники», а стремилась более грамотно и эффективно наладить контроль за ее деятельностью. В стратегию власти входило усиление карательных мер в отношении инакомыслия.

Способы сохранения духовной автономии в этих условиях избирались «шестидесятниками» в соответствии с личностной аксиологией. Один из вариантов предполагал смену пространства творческой самореализации с официальной печати в сам- и тамиздат. В социальной практике это означало неизбежный дрейф в сторону маргинальности. Любопытное наблюдение сделал в 1969 году К. Проффер. Познакомившись в Ленинграде с И. Бродским и его друзьями, он был поражен демонстративной «антисоветскостью» их поведения: в комнате поэта висели плакаты на английском языке, один из которых гласил: «Я враг государства». Московский приятель поэта, рассуждая о войне во Вьетнаме, заявлял, что глупо не уничтожить коммунизм везде, где только можно. И все вместе поносили советскую власть, словно работали на радиостанции «Свобода» [7, сс. 200, 210]. Будущий создатель издательства «Ардис» тогда ясно ощутил театральность и нарочитость поведения своих советских знакомых. Молодые люди стремились наглядно продемонстрировать американцу жизненный принцип, сформулированный А. Амальриком «свободные люди в несвободной стране» [1, с. 13].

Позиция неконформистов, избравших легальную защиту прав личности, классифицировалась властью как антисоветская. Правозащитники руководствовались в социальной практике несколькими принципами: закон имеет универсальный характер, адресован и государству, и гражданам. Соответственно, государство обязано не только формулировать законы для населения, но и само выполнять предписанные нормы. Закон определяет не только обязанности, но и права сторон — гражданина и государства, вступающих в договорные отношения. Следовательно, если государство не выполняет собственных законов, граждане имеют право требовать их соблюдения. Защита человеком своих гражданских прав не противоречит закону, убеждения не наказуемы, инакомыслие не является преступлением.

В этих умпостроениях изначально не было радикальной позиции в отношении власти. Цель была — изменить характер взаимоотношений государства и общества, оппозиционность неконформистов нарастала по мере усиления репрессий в адрес инакомыслящих.

Автобиография В Буковского «И возвращается ветер...» представляет нигилистическую трактовку советской социальной истории. «Антисоветскость» декларирована в тексте ясно и недвусмысленно: представляя панораму советской действительности, автор убеждает читателя в нежизнеспособности системы. Всё прогнило в советском государстве: партноменклатура боится реформ; художественная жизнь стеснена цензурой, КГБ контролирует все сферы жизни и т.д. Государственная

машина дает сбой, но остается верна своей репрессивной сущности. Реформирование строя бессмысленно.

Для адекватного прочтения текста Буковского необходимо учитывать референтную группу, которой предназначалась авторская версия советской реальности. Книга писалась в Англии, куда Буковский попал в результате обмена на лидера чилийских коммунистов Л. Корвалана. Оказавшись за границей, Буковский столкнулся с необходимостью социализироваться в новом пространстве. Автобиография, представлявшая героизированную версию судьбы диссидента, давала для этого хорошие стартовые позиции. Буковский признавался, что издательство ограничило его сроком в 4 месяца [4, с. 215–216.]. Требование заказчика было продиктовано, вероятно, необходимостью удовлетворить интерес читателя к персоне, недавно прибывшей на Запад в статусе лидера антикоммунистов. Задача издательства совпадала с внутренней мотивацией автора. Концепция книги определялась запросом потребителя.

Демонстрируемая в тексте идентичность «антисоветчик» полностью согласовывалась с самоидентификацией Буковского, однако нуждается в комментариях.

В трактовке советской власти как тоталитарной, враждебной личности и народу, исторически обреченной и морально обесцененной, узнаются базовые позиции неконформистского мировосприятия, каким оно сложилось в середине 1960–70-е годы. Однако способ самооценки, предложенный автором, соответствует героико-революционной традиции толкования освободительного движения в России, свойственной марксистской историографии. Автор идентифицирует себя исторически и политически сознательным субъектом; осознанно и добровольно участвующим в пересоздании общества и истории. Ни многократные заключения в тюрьму, лагерь или психиатрическую больницу, ни депортация за рубеж не способны сломить борца с тиранией, убежденного в неизбежной гибели тоталитарной власти. Именно так осмысливала роль прогрессивной личности в истории советская наука. Как видим, Буковский демонстрирует антисоветскую позицию с помощью риторических приемов советского дискурса.

Таким образом, идентичность советских неконформистов можно охарактеризовать как советскую по культурно-антропологическому типу. Оппозиционные заявления и антисоветская риторика правозащитников не меняла ее сущности. Однако «советскость» либеральной интеллигенции базировалась не только на идеологических основаниях, но и на культурных традициях русской и европейской интеллигенции Нового времени, усвоенной в трансформированном варианте марксизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амальрик А. А. Записки диссидента. — Анн Арбор: Ардис, 1982. — 361 с.
2. Белая книга о деле Синявского и Даниэля / сост. А. Гинзбург. Москва, 1966. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. — 430 с.
3. Буковский В. К. И возвращается ветер... / В. К. Буковский. — Санкт-Петербург: Захаров, 2007. — 339 с.
4. Буковский В. К. Париж стал скучным... // Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская. М.: АСТ, 2014. К. Париж стал скучным... // Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская. — Москва: АСТ, 2014. — С. 215–217.
5. Козлов В. А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежнев. 1953–1982 годы. По рассекреченным документам Верховного Суда и Прокуратуры СССР // Отечественная история. — 2003. — № 4. — С. 93–111.
6. Лакшин В. Я. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Лакшин В. Я. Солженицын и колесо истории. — Москва: Издательский дом Вече, АЗЪ (Знатков), 2008. — С. 124–188.
7. Проффер К. Заметки к воспоминаниям об Иосифе Бродском // Проффер К. Без купюр. — Москва: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017. — С. 193–283.
8. Свой путь: статья Юрия Левады о феномене «советского человека» — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14608-svoy-put-statya-yuriya-levady-o-fenomene-sovetskogo-cheloveka> (дата обращения 10.08.2019)
9. Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969: в 2 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2003. — Т. 2. — 671 с.
10. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. — New York, Oxford: Oxford University Press, 1999. — 276 p.
11. Fürst J. Stalin's Last Generation: Youth, State and Komsomol 1945–1953. — London, 2003. — 275 p.

© Серебрякова Елена Геннадьевна (Serebrjakova@phipsy.vsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Воронежский государственный университет

ВЫБОРОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕАЛЬНЫХ ПУТЕЙ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ

SELECTIVE STUDIES OF REAL WAYS OF CULTURAL INTERACTION OF RUSSIA AND CHINA

Zheng Lei

Summary. The article presents the main directions of cultural interaction between Russia and China at the present stage. The presented characteristics of the basic intergovernmental and interstate documents governing the cooperation of the two countries in the cultural sphere. Certain major flaws that exist in the framework of the cultural interaction of Russia and China in the XXI century. Some prospects for cultural interaction between the two countries are indicated.

Keywords: cultural cooperation, cultural interaction, culture, Russia, China, Russian-Chinese relations.

Чжэн Лэй

Кандидат наук, преподаватель, Маньчжурский
институт университета Внутренней Монголии
1312095065@qq.com.cn

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления культурного взаимодействия России и Китая на современном этапе. Представлена характеристика основополагающих межправительственных и межгосударственных документов, соглашений, регламентирующих сотрудничество двух стран в культурной сфере. Определены основные недостатки, существующие в рамках культурного взаимодействия России и Китая в XXI столетии. Обозначены некоторые перспективы культурного взаимодействия двух стран.

Ключевые слова: культурное сотрудничество, культурное взаимодействие, культура, Россия, Китай, российско-китайские отношения.

Россия и Китай являются двумя стремительно развивающимися странами, характеризующимися широким спектром областей сотрудничества. Глобализация, как отличительная черта XXI столетия, затронула буквально все сферы сотрудничества, выделив сферу культурных связей, как важнейшую составляющую взаимодействия современных государств. Достижение качественно нового, высокого уровня взаимоотношений не представляется возможным без полноценного культурного сотрудничества между двумя странами.

В рамках настоящей статьи нами проводится выборочное исследование реальных путей культурного взаимодействия России и Китая. Раскрываются перспективные направления культурного сотрудничества двух стран, а также даются некоторые рекомендации по его комплексному развитию.

На сегодняшний день Россия и Китай представляют собой две довольно устойчивые социокультурные системы, которым удалось сохранить свой самобытный характер и целостность на протяжении значительного исторического периода, несмотря на внутреннюю трансформацию и внешнее, как правило агрессивное влияние.

Как отмечают исследователи, одной из ключевых причин проблем, которые возникают у России во взаимодействии с Китаем, является проблема взаимопонимания и культурной совместимости [1]. Сторонники другого

подхода говорят о том, что эффективность и успешность интеграционных процессов далеко не в последнюю очередь определяется культурно-цивилизационной совместимостью двух партнеров [2].

По мнению представителей науки, двух стран, говоря о культурном взаимодействии двух стран, следует употреблять такое понятие, как «культурная совместимость». Однако, в большинстве случаев данное понятие имеет довольно интуитивное толкование, не наделяется категориальным статусом. А. Медведев говорит о том, что культурная совместимость представляет собой в первую очередь созвучие ментальных структур взаимодействующих культур, совпадение духовных ценностей и архетипических элементов, которые составляют их основу [4]. В целом, мы соглашаемся с позицией исследователя и считаем, что о культурной совместимости принято говорить, как о возможности гармоничного культурного взаимодействия, эффективного освоения и интеграции элементов другой культуры. Ориентируясь на это, следует более конкретно обозначить то общее, что существует в двух культурах, что обеспечивает плодотворный культурный диалог между двумя странами.

В 2004 году 14 октября Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем Ху Цзиньтао в Пекине был утвержден План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [7]. В рамках данного плана подробно описываются конкретные действия по реализации договора во всех областях

взаимодействия, включая гуманитарное сотрудничество, в частности — сотрудничество в образовательной и культурной сферах [7].

Среди наиболее значимых аспектов сотрудничества России и Китая в рамках данного Документа определены следующие направления [7]:

- ◆ развитие культурных обменов и сотрудничества двух стран;
- ◆ укрепление сотрудничества в области теле-, радиовещания и кинематографии, поочередное проведение месяцев культуры, недель культуры и тому подобных мероприятий;
- ◆ заключение соглашения об учреждении культурных центров в России и Китае;
- ◆ реализация совместных культурных мероприятий;
- ◆ развитие сотрудничества в сфере изобразительного искусства;
- ◆ изучение вопроса об организации российского телевизионного спутникового канала для китайских телезрителей и китайского — для русских телезрителей.

Дипломатические отношения между Россией и Китаем имеют давнюю историю. Двустороннее сотрудничество в сфере культуры получило мощный импульс в 2006 и 2007 годах, когда в начале в Китае отмечался Год России, а после — в России год Китая. Было организовано большое количество культурных мероприятий, за счет которых значительным образом укрепилась дружба между народами двух стран. Представим их более детальную характеристику [6].

В Китае 2006 год официально был объявлен годом России. Его открытие произошло 21 марта 2006 года в рамках официального визита президента России В. Путина в Китай. В качестве ключевого мероприятия Года России была проведена национальная выставка России в Пекине в ноябре 2006 года, где были представлены достижения России в сфере промышленности, науки, медицины и многих других областях. Многие российские предприятия приняли участие в Харбинской торгово-экономической ярмарке, стали участниками Международной ярмарки высоких технологий в Шэньчжэне, Шанхайской международной промышленной ярмарке и других основных торговых и промышленных ярмарках Китая. В марте в рамках визита президента России также был организован форум ректоров десяти ведущих вузов России и Китая, проведена выставка российских образовательных услуг. Успехом стала серия мероприятий в сфере образования по вопросам межвузовских связей [8].

В России же 2007 год официально был объявлен годом Китая. Главами двух стран Год Китая был открыт 1 ян-

варя, были направлены поздравительные телеграммы правителями двух стран. В рамках года Китая в России, на основании согласованного сторонами плана, было успешно проведено 200 мероприятий, среди которых 10 являются мероприятиями государственного уровня [9].

Опираясь на успешный опыт проведения мероприятий в рамках национальных годов, странами было организовано совместное проведение года русского языка и года китайского языка в 2009 и 2010 годах. При этом, следует отметить, что мероприятия языковых годов не были ограничены исключительно узкоспециализированной филологической направленностью, они затронули сферы культуры, образования, СМИ, кинематографии и тому подобные [1].

Новой страницей в развитии культурных отношений между Россией и Китаем следует считать открытие в конце сентября 2010 года китайского культурного центра в Москве и российского культурного центра в Пекине [1].

Большой взаимный интерес к искусству и культуре обеих стран выступает в качестве еще одного важного стимула для сближения России и Китая. Многотысячелетняя китайская цивилизация и уникальная культура России являются притягательными для народов данных двух стран, этот интерес буквально передается от одного поколения к другому. Прежде всего, изучение языка выступает в качестве эффективного способа познания массива культуры, исходя из этого и обуславливается огромный интерес.

Пути культурного взаимодействия, как важнейшей части интенсивного развития двустороннего сотрудничества, отражаются в Совместных декларациях России и Китая 2005, 2006 и 2007 годов. Основными направлениями политики двух стран, которые обозначены в данном документе, являются — сохранение многообразия мировых культур и цивилизаций «во имя совместного продвижения на пути прогресса». Обеими Главами РФ и КНР акцентируется внимание на необходимости усиления роли обменов в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, средств массовой информации и архивного дела с целью формирования доверительных взаимоотношений между странами, а также с целью формирования доверительных взаимоотношений между государствами, обозначается необходимость укрепления социальной базы российско-китайских отношений [9]. Политика двух стран направлена в первую очередь на то, чтобы сохранить многообразие мировых культур и цивилизаций «во имя совместного продвижения на пути прогресса». Главами двух стран подчеркивается важность усиления роли обменов в сфере образования, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, средств массовой информации,

архивного дела с целью формирования доверительных взаимоотношений между Россией и Китаем, а также важность укрепления социальной базы российско-китайских отношений в целом.

Важная роль в развитии российско-культурных связей отводится деятельности двусторонних подкомиссий по сотрудничеству в сфере культуры и кинематографии (они включены в состав межправительственной российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству). На основании этого, мы полагаем, что их тесное взаимодействие сможет обеспечить еще большую координацию, углубить и расширить двусторонние контакты в гуманитарной области, решить существующие спорные и противоречивые вопросы. Это, в свою очередь, окажет стимулирующее воздействие на последующее формирование общественной базы стратегического партнерства и поступательное развитие российско-китайских отношений, как таковых [8].

Главы обеих государств понимают важность реализации культурной политики. Данная сфера сотрудничества отражена во многих межправительственных и межгосударственных документах, которые регламентируют взаимодействие двух стран. Однако, следует отметить, что на сегодняшний день осуществляется нехватка правовой базы, которая непосредственно касается культурного взаимодействия России и Китая, отражающая современное состояние и пути решения, существующих в данной области проблем. Данная проблема нуждается в максимально комплексном подходе со стороны правительства двух стран.

В последние годы на многих двусторонних встречах как политических лидеров двух стран, так и представителей науки и культуры очень часто звучит одна и та же мысль — для успешного диалога и взаимного вовлечения в культурную орбиту друг друга, в качестве первого шага, каждая сторона должна четко позиционировать себя, опираясь на национальную культуру и историю [1]. Этот шаг фактически уже сделан и уже пора переходить ко второму шагу — ставить вопрос как понять своего партнера по диалогу. Намерения российской стороны выглядят не очень ясными, а Китай уже наметил ряд мер по его реализации.

Несмотря на вышесказанное, нельзя не отметить, что Россия и Китай прилагают серьезные усилия к расширению культурного взаимодействия. Об этом свидетельствует большое количество мероприятий, как совместных, так и проводимых в одностороннем порядке. Это и деятельность общества российско-китайской дружбы, фонда «Русский мир», культурно-образовательных центров «Институт Конфуция», и проведение дней культуры, Национальных годов, годов русского и китайского язы-

ков и сотрудничество библиотек, и взаимные гастроли театров и обмен студентами и многое другое.

Таким образом, на основании проведенного выборочного исследования реальных путей культурного взаимодействия России и Китая на современном этапе мы можем сказать о том, что сотрудничество двух стран в области культуры представляет собой важнейшую составляющую российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. В качестве фундаментального движущего механизма сотрудничества между Россией и Китаем в сфере образования, культуры, здравоохранения и спорта выступает российско-китайская комиссия в области гуманитарного сотрудничества. Договорная база развития культурных связей России и Китая представлена межправительственным соглашением о культурном сотрудничестве, которое было подписано 18 декабря 1992 года, межправительственными планами культурного сотрудничества, а также рабочими планами по сотрудничеству между отдельными ведомствами двух стран, которые рассчитаны на ближайшие несколько лет. На основании всего выше сказанного мы можем сказать о том, что культурные отношения России и Китая сегодня переживают стабильный уровень развития. Две страны испытывают серьезный интерес к продолжению взаимного постижения национальных культур, чему способствуют многочисленные культурные обмены, осуществляемые на уровне всего государства и отдельных его регионов.

В результате проведенного исследования было выяснено, что китайский и российский народ, правительство, обладают выраженным интересом в тесном сближении и более глубоком знакомстве с культурой и национальными традициями стран-партнеров. Такое взаимодействие в сфере культурного сотрудничества способствует лучшему пониманию друг друга, продвижению по пути углубления межкультурного диалога на евразийском пространстве.

Таким образом, культурное сотрудничество идет вслед за расширением политических контактов и с каждым годом его значимость усиливается, народы лучше узнают друг друга, что приводит к совершенствованию двусторонних отношений. Культурное сотрудничество — это важное средство укрепления и развития дружественных отношений между странами, взаимопонимания народов. Оно должно осуществляться путем распространения прогрессивных традиций и достижений в области культуры и науки. Культурное сотрудничество — это средство укрепления мира во всем мире. Стратегическое партнерство, с подписанием российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (16 июля 2001 года), получило новый импульс для развития двусторонних отношений, спо-

существовало развитию принципов мирного сосуществования, взаимодействия и взаимного сотрудничества. В целом, улучшение политического взаимодействия оказывает существенное влияние на культурные контакты между двумя странами. Фактически Китай и Россия находятся на стадии нового узнавания друг друга, знакомства с новыми культурными реалиями и феноменами.

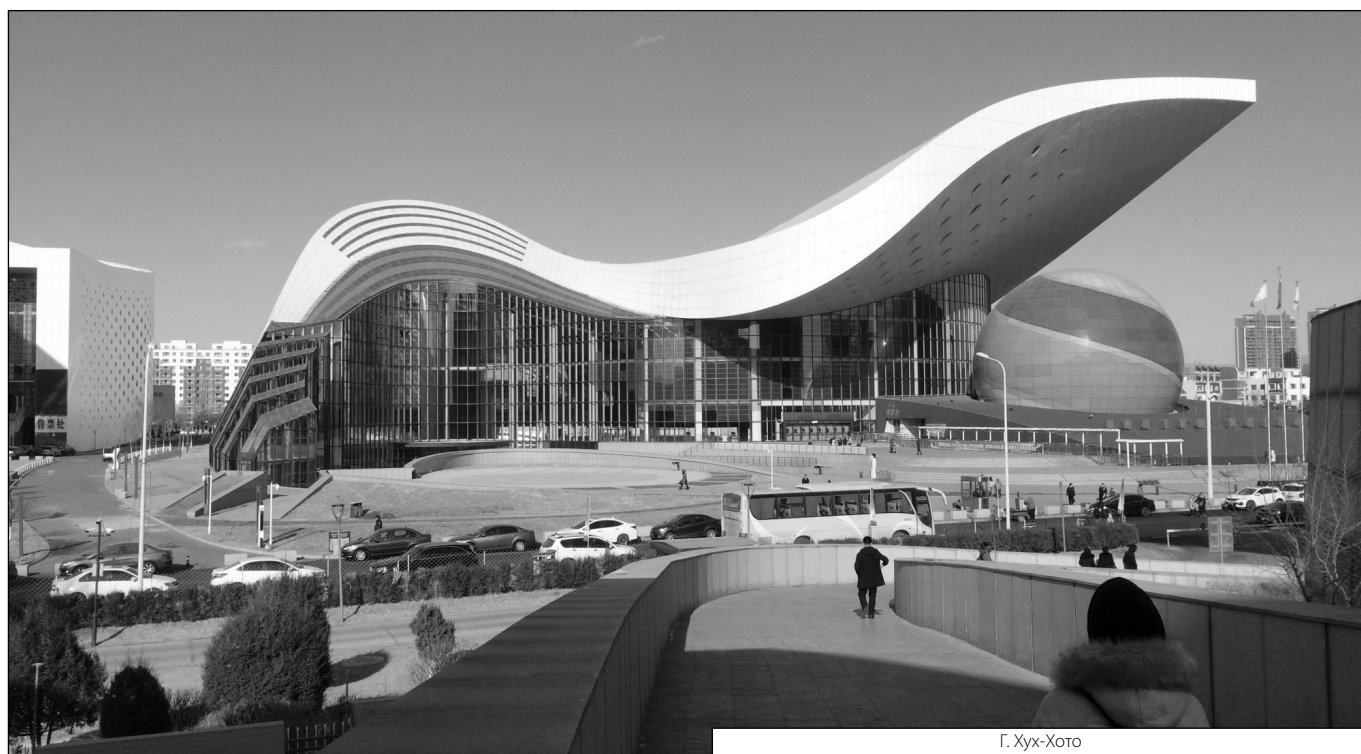
С одной стороны, это замедляет культурные контакты в силу определенной психологической настороженности, которая будет существовать до выработки нового стереотипа взаимного восприятия, а с другой стороны, дает двум странам уникальный шанс в условиях отношений стратегического партнерства, наладить культурные связи «с чистого листа» и на новых основаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горобец Л. А. Взаимодействие культур России и Китая: проблема культурной совместимости // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — С. 13–17.
2. Ишаев В. И. Россия в Восточной Азии: сотрудничество, проблемы, перспективы / Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. РАН. — М., 2005. — С. 55–56.
3. Ларин В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. — Владивосток: Дальнаука, 1998. — С. 153–154.
4. Медведев А. В. Взаимодействие культур: проблема культурной совместимости // Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: (Программа): тез. докл. и сообщ. — СПб.: ЭЙДОС: АСТЕРИОН, 2008. — С. 299.
5. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами // Дипломатический вестник. — 2001. — № 5. — С. 56–61.
6. План культурного сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики на 1997–1998 гг. // URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_51977.html (дата обращения 23.03.2019).
7. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Официальный сайт Президента РФ // URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2004/10/78193.shtml> (дата обращения 23.03.2019).
8. Рясанов И. А. Культурное сотрудничество России и Китая в XXI веке // Власть. — 2013. — № 9. — С. 79–83.
9. Соловьева Е. В. Культурное взаимодействие России и Китая на современном этапе развития: образ политико-правовых документов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2009. — № 4. — С. 129–134.

© Чжэн Лэй (1312095065@qq.com.cn).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Хух-Хото

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

POLITICAL AND PROFESSIONAL MEMORABLE DATES IN THE FESTIVE CULTURE OF MODERN CHINA

Shang Bofei

Summary. The purpose of this article is to study the memorable dates, consisting of two parts — historical and professional, which are indispensable in the Chinese people's holiday system. Analyzing the historical reasons, processes of formation and significance of these memorable dates, the author comes to the conclusion that memorable dates represent the youngest holidays in China, and have unique cultural and social functions. They are in line with the social development of the present era and the needs of the Chinese government and people.

Keywords: China, festive culture, national holiday, political memorable dates, professional memorable dates, new holidays, modern festive system.

Шан Бофэй

Аспирант, Дальневосточный федеральный
университет (Владивосток)
Shangbofei@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является изучение памятных дат, состоящих из двух частей — исторической и профессиональной, которые являются незаменимыми в китайской народной праздничной системе. Анализируя исторические причины, процессы становления и значение этих памятных дат, автор приходит к выводу о том, что памятные даты представляют собой самые молодые праздники в Китае, и имеют уникальные культурные и социальные функции. Они соответствуют социальному развитию нынешней эпохи и потребностям китайского правительства и народа.

Ключевые слова: Китай, праздничная культура, народный праздник, политические памятные даты, профессиональные памятные даты, новые праздники, современная праздничная система.

Памятные даты как национальные китайские праздники очень молоды. Все они непосредственно связаны с событиями, имевшими место в современной истории Китая. Многие из этих праздников, например, День расстрела забастовщиков Пекин-Ханькоуской железной дороги, появился еще до основания Нового Китая. День памяти об антияпонской войне «Инцидент 7 июля 1937 года», появился во время войны против японской агрессии. Хотя в истории Китая День журналиста уже существует в 1933–1949 гг. но учрежден был только в 2000 г. Самый молодой праздник — День китайского врача начинает отмечаться с 2018 г., и 19 августа каждого года должен праздноваться каждый год. Все это означает, что процесс формирования современной китайской праздничной культуры не только не завершен, но и активно продолжается.

Политические памятные даты

Каждый политический праздник и юбилей имеет важное значение и тесно связан с политическими и историческими событиями и их датами, которые, как правило, необходимо запомнить. Китайский ученый Ли Чуаньжуй отмечает, что некоторые из этих праздников гордые, вдохновляющие, а другие — грустные, эмоциональные и заслуживают размышлений. Но у всех этих праздников одна цель — помочь людям, особенно молодым, не забыть истории своей страны [1]. Эти праздники молодые,

они появились после появления Коммунистической партии Китая, которая была основана в 1921 г. К этим праздникам, например, относятся День расстрела забастовщиков Пекин-Ханькоуской железной дороги, День У Сань, День памяти антияпонской войны «Инцидент 18 сентября 1931 года», День победы китайского народа в Войне Сопротивления японским захватчикам, День памяти жертв Нанкинской массовой резни, День памяти павших героев, День памяти антиамериканской помощи Корею, День образования Коммунистической партии Китая, День возвращения Гонконга, День возвращения Макао и т.д.

Первым в этом ряду следует назвать праздник «День расстрела забастовщиков Пекин-Ханькоуской железной дороги». Чтобы противостоять капиталистическому угнетению, с 1922 по 1923 гг. в Китае произошла первая сверхбольшая забастовка, в которой приняли участие более 300 000 рабочих по всей стране. 4-го февраля 1923 г. Коммунистическая партия Китая призвала 20000 рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги провести забастовку. Движение на этой железной дороге полностью остановилось. На многотысячных митингах и демонстрациях выдвигались лозунги борьбы за свободу и права человека. Стачка серьезно встревожила У Пэйфу, военного правителя центрального Китая, и представителей империалистических держав. 7-го февраля губернатор провинции Хубэй Сяо Яонань решил встретиться с представителями рабочих на «переговорах»,

однако по дороге на переговоры рабочие были расстреляны. Было убито более 30 человек и ранено более 200 человек. Рабочие прекратили забастовку только после решения федерации профсоюзов Пекин-Ханькоуской железной дороги о возобновлении работы (9 февраля 1923 г.), принятого в целях прекращения дальнейшего кровопролития.

7 февраля 1923 г. был канун Нового года по лунному календарю, который должен был быть счастливым днем, но стал кровавым и темным днем. Чтобы почтить память погибших забастовщиков, вспомнить многочисленные жертвы, и был учрежден «День расстрела забастовщиков Пекин-Ханькоуской железной дороги». Этот День отмечается 7 февраля каждого года.

Ученые утверждают, что забастовка 7 февраля имеет очень важное значение в истории Китая: она показывает быстрый рост и силу китайских рабочих. Это также начало борьбы китайского рабочего класса против реакции. Этот инцидент похож на большой пожар, который зажег идею сопротивления [2]. После основания Китайской Народной Республики, чтобы отметить забастовку рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги и почтить память мучеников, Муниципальное народное правительство Чжэнчжоу построило мемориальный комплекс, включающий мемориальную площадь, мемориальную башню и мемориальный зал.

18 сентября 1931 г. тоже является для китайцев памятным днем. В этот день японские агрессоры вторглись на северо-восток Китая. Этот инцидент является началом агрессии Японии против Китая. Китайцы помнят эту агрессию и отмечают начало агрессии как День памяти об антияпонской войне «Инцидент 18 сентября 1931 года».

Многие китайцы в Китае считают 18 сентября «Национальным днем позора». Чтобы китайцы помнили свою историю и этот позор, 18 сентября 1991 г. правительство Китая открыло в Шеньяне Музей истории 18 сентября. Кроме того, в парке Байта в городе Ляоян провинция Ляонин есть мемориальный зал инцидента 18 сентября. Начиная с 1995 г., каждый вечер 18 сентября в Шеньяне в течение 3-х минут звучит сигнализация противовоздушной обороны, чтобы напомнить людям не забывать о возникшем тогда национальном унижении. В настоящее время в Харбине, Чанчуне, Куньмине, Хэфэй, Ханчжоу, Урумчи, Наньчане, Цицикаре, Цзиньхуа, Бэньси, Тайюане, Сиане и других более 100 городах сигнализация ПВО (красная для войск противовоздушной обороны) транслируется 18 сентября каждого года.

Следует отметить, что в последние годы политические праздники привлекли больше внимания со сторо-

ны китайского правительства и китайского народа. Китайский ученый Дэн Шаохуэй утверждает, что в феврале и августе 2014 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) принял национальные законодательные акты для последовательного определения трех национальных годовщин (День победы китайского народа в Войне Сопротивления японским захватчикам (03.09), День народных героев (30.09), День памяти жертв Нанкинской массовой резни (13.12)). Выделение этих годовщин имеет глубокие социальные и исторические причины, которые могут быть отражены в совершенствовании памятных мероприятий, совершенствовании гражданских исторических ценностей, поддержании международного правосудия и соблюдении международной практики. Это также имеет практическое значение — необходимость вспоминать свою историю, вспоминать мучеников, погибших за счастье народа, поддерживать мир и создавать будущее [3].

День победы китайского народа в Войне Сопротивления японским захватчикам появился до основания Китайской Народной Республики. 2-го сентября 1945 г., когда Япония подписала акт о капитуляции, китайское гоминдановское правительство объявило 3 сентября Днем Победы, и китайцы стали отдыхать в этот день. После основания Нового Китая, в конце 1949 г. Народное правительство КНР объявило 15 августа важным национальным праздником, поскольку это был день капитуляции Японии. 13 августа 1951 г. Народное правительство КНР выпустило новое уведомление, в котором 3 сентября провозглашается национальным «Днем Победы в Войне Сопротивления японским захватчикам».

В 1999 г. в «Решение о пересмотре меры в отношении национальных праздников и Дней памяти», пересмотренных Государственным советом КНР, упоминалось, что памятными датами, связанными антияпонской войной, являются «День памяти об антияпонской войне 7 июля, День Победы китайского народа в Войне Сопротивления японским захватчикам 3 сентября, День памяти об антияпонской войне 18 сентября». Среди этих дат особый акцент был сделан на 3 сентября как национальным «Дне Победы в Войне Сопротивления японским захватчикам».

В 2014 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) определил 3 сентября как День победы китайского народа в Войне Сопротивления японским захватчикам в форме высшего законодательного акта китайского государства. Здесь следует отметить, что в название праздника до 2014 г. входило слово «национальный», а после 2014 г. это наименование было изменено на «китайского народа».

Китайский ученый Дэн Шаохуэй утверждает, что в 2014 г. правительство Китая подтвердило этот праздник. И хотя на этот раз его название стало таким же, каким было тогда, когда его провозгласили в 1951 и 1999 гг., но с точки зрения законодательного уровня и законодательной роли статус этого праздника стал другим. Впервые в Китае определение памятной даты было сделано на законодательном уровне, что не только повысило правовой уровень юбилея, но и расширило правовую базу для его проведения [4].

Китайские ученые проявляют большой интерес к определению содержания праздника «День победы китайского народа в Войне Сопротивления японским захватчикам» и используют различные научные точки зрения для анализа этого праздника. Например, китайский ученый Сюй Яоцян анализировал этот праздник с культурной точки зрения. Сюй Яоцян утверждает, что усвоение культурной сущности «Дня победы» является неизбежным требованием для правильного понимания его культурных последствий и эффективного осуществления его культурных функций. По его мнению, определение «День победы» имеет следующие четыре культурные сущности:

- ◆ Во-первых, это праздничный ритуал. Праздничный ритуал является одним из важных проявлений культурной деятельности человека, он обладает характеристиками торжественной атмосферы, формальными нормами и глубоким подтекстом, а также имеет сильное символическое значение, огромное психологическое воздействие и мощную силу.
- ◆ Во-вторых, Китай подтвердил праздник «День победы» в форме закона самого высокого уровня, который может пробудить культурную память китайской нации об истории антияпонской войны Китая и даже истории антифашистской войны в мире.
- ◆ В-третьих, «День победы» содержит в себе основное сознание современного Китая. Это значит: помнить о погибших героях, помнить историю и демонстрировать твердую позицию китайского народа в момент решительной защиты национального суверенитета, территориальной целостности и мира во всем мире.
- ◆ В-четвертых, «День победы» содержит в себе основные ценности китайской нации, которая всегда выступала за справедливость, любила мир, не боялась насилия, единства и прогресса [5].

Другой китайский ученый — Шэн Вэньмин, утверждает, что официальное учреждение «Дня победы китайского народа в Войне Сопротивления японским захватчикам» имеет следующие пять социальных функций:

- ◆ Во-первых, день памяти помогает унаследовать социальную историю общества.

- ◆ Во-вторых, день памяти помогает укрепить концепцию правильной ценности социальной ответственности.
- ◆ В-третьих, день памяти помогает укрепить социальный союз и социальную сплоченность.
- ◆ В-четвертых, день памяти помогает осуществить социальную мобилизацию и воплотить в жизнь китайскую мечту о великом омоложении китайской нации.
- ◆ В-пятых, день памяти помогает подчеркнуть вклад Китая в антифашистскую войну и обеспечить мир и развитие во всем мире [6].

Китайские ученые Го Хуэй и Бай Яньян утверждают, что мероприятия, посвященные проведению праздника после начала политики реформ и открытости до сегодняшнего дня, в основном, зависели от некоторых форм поминовения. Эти формы как правило, включают памятные конференции или симпозиумы, публикацию редакционных или памятных статей, а также культурные и развлекательные мероприятия (литературные представления, выставки) и т.д. [7].

Вторым праздником, который также был утвержден высшим законодательным актом китайского государства, является День памяти павших героев, который отмечается 30 сентября.

Следует отметить, что до 2014 г. в Китае не было Дня памяти павших героев, и китайцы отдавали дань памяти революционным мученикам на традиционном празднике Цинмин. В день Цинмин многие китайцы приходят на кладбище мучеников, чтобы выразить свои воспоминания о них. Такой ритуал совершает большое количество учеников, организованных школой.

После 2004 г. в Китае возросло количество людей, желающих установить официальный праздник памяти павших героев, Например, Ван Сянцин (член всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая) предложил определить традиционный праздник Цинмин как «День памяти павших героев» и проводить в этот день памятные мероприятия по всей стране. Кроме этого, в 2008 г. на официальном сайте Китая был проведен опрос общественного мнения о том, следует ли отмечать День памяти павших героев. По результатам опроса сети «Жэньминь», 70% населения выразили поддержку этого праздника. В опросе, проведенном новостной сетью «Синьхуа», уровень поддержки составил 92,84%.

31 августа 2014 г. на десятом заседании Постоянной комиссии 12-го Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) было принято решение об учреждении Дня памяти павших героев. Это решение

было принято как государственная юридическая форма. С этого момента 30 сентября было объявлено Днем памяти павших героев. Также было предусмотрено, что праздничные мероприятия в этот день будут проходить на государственном уровне каждый год. Кроме того, местные органы власти на уровне округа или выше и соответствующие военные ведомства должны проводить юбилейные мероприятия в День памяти павших героев.

Многие китайцы не понимают, почему дата праздника запланирована на 30 сентября, а не на день традиционного праздника Цинмин, как было раньше. Это объясняется тем, что 30 сентября 1949 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь был заложен Памятник народным героям. А следующий день, 1-го октября, стал национальным днем Китая. День памяти павших героев установлен для того, чтобы почтить память тех, кто погиб, сражаясь за независимость нации, процветание страны, свободу и счастье народа. В день, предшествующий Национальному дню, мероприятия, посвященные памяти революционных мучеников, могут не только отразить идею «не забывать революционных мучеников», но и установить связь с лидерами партии и государства в день Национального дня, когда лидеры партии и государства возлагают цветочные корзины к Памятнику народным героям. Поэтому в Китае 30 сентября было объявлено Днем памяти павших героев [8].

День памяти жертв Нанкинской массовой резни запланирован на 13 декабря. В этот день в 1937 г. японские захватчики оккупировали Нанкин (провинция Цзянсу). За более чем один месяц со дня оккупации японская армия убила более 300000 простых китайских гражданских лиц и китайских солдат, которые сложили оружие. В истории Китая этот день запомнился всем.

Для того, чтобы помнить о трагических событиях и почтить память невинных погибших людей, в провинции Цзянсу в течение более 20 лет, начиная с 13 декабря 1994 г., продолжали проводить памятные мероприятия, связанные с резней в Нанкине. 27 февраля 2014 г. правительство Китая приняло решение об учреждении 13 декабря Национального Дня памяти жертв Нанкинской массовой резни. Принятие этой резолюции привело к тому, что в Китае память о жертвах Нанкинской бойни поднялась на государственный уровень.

13 декабря 2014 г. в 10 часов утра в Мемориальном зале резни в Нанкине состоялась первая памятная церемония государственного уровня. Председатель Си Цзиньпин присутствовал на этой церемонии, проводимой в Нанкине вместе с местными жителями. Публичные церемонии включают пение государственных гимнов, звук сигналов ПВО, траурные минуты молчания, возложение венков, чтение мирной декларации, важную

речь Си Цзиньпина, летающих голубей, символизирующих мир, и посещение мемориального зала резни в Нанкине.

Следует отметить, что китайское правительство и народ никогда не забывали эту трагическую историю. Благодаря усилиям китайцев, 9 октября 2015 г. «Архив Нанкинской резни» был официально внесен в «Список «Память мира»» — программу ЮНЕСКО по защите всемирного документального наследия [9].

Китайский ученый Дэн Шаохуэй утверждает, что историческое значение появления в Китае национального государственного праздника «День памяти жертв Нанкинской массовой резни», с одной стороны, заключается в том, чтобы в мирное время напомнить китайцам, что они не должны забывать историю, а поэтому надо дорожить жизнью и охранять мир. С другой стороны, китайцы говорят всему человечеству о любви к миру, напоминают мирным странам и всем людям о том, что необходимо сохранить трагическую память о Второй мировой войне, включая резню в Нанкине, и не допустить повторения исторической трагедии в современном международном обществе [3].

В дополнение к описанным политическим памятным датам китайцы отмечают и другие политические праздники, такие как «День основания КПК», который отмечается 1 июля, «День возвращения Гонконга», который тоже приходится на 1 июля. Заметим, что даты этих двух праздников совпадают: 1-е июля. Это совпадение случайно. Между правительством Цин и Великобританией был заключен договор аренды Гонконга, которая началась 1 июля 1898 г. Срок действия договора аренды составлял 99 лет и истек 30 июня 1997 г. Поэтому возвращение Гонконга под юрисдикцию Китая также произошло 1 июля.

Кроме этих памятных дат, есть еще «День возвращения Макао», который приходится на 20 декабря, «День памяти об антиамериканской помощи Корею», который отмечается 25 октября, и много другие памятные даты.

Для этих политических годовщин нет единого стандарта празднования, и китайцы празднуют эти праздники на добровольной основе. Эти праздники не похожи на традиционные праздники, у них нет тысячелетних истории и обычаев, и при этом для них нет праздничной еды, ритуалов, запретов и т.д. Эти праздники также не похожи на государственные праздники, у них нет единого правила отдыха. Главная цель этих праздников в современном Китае состоит в том, чтобы почтить память жертв определенных событий, героев тех дней и обучить будущие поколения помнить свою историю. Поэтому в дни этих праздников обычно организуют некоторые памятные

ные мероприятия со стороны государства, местных органов власти, университетов, средних школ, начальных школ и т.д. Подчеркнем, что после 2018 г. празднование выше описанных трех праздников («День победы китайского народа в Войне Сопротивления японским захватчикам», «День народных героев», «День памяти жертв Нанкинской массовой резни») поднялось до государственного уровня. Иными словами, государство считает, что можно более эффективно отметить и защитить праздники, напоминающие о мучениках-революционерах и героях Войны, и напомнить людям об их истории.

Профессиональные праздники

В Китае не так много профессиональных праздников — всего их пять. Это «День медицинской сестры», «День врача», «День учителя», «День дворника» и «День журналиста». В Китае во время профессиональных праздников никто не отдыхает. На сегодняшний день, помимо «Дня дворника», четыре других праздника были официально утверждены Государственным советом как профессиональные праздники.

Обозреватель «Пекинской молодежной газеты» Пань Дола утверждает, что государство организовало специальные праздники для определенных профессий в силу трех соображений. Первое — защитить социальный и политический статус отрасли и улучшить экономическое отношение к работникам отрасли, второе — усилить профессиональную ответственность отрасли, стимулировать чувство ответственности практиков отрасли, а третье — привлечь внимание общества к этой отрасли. Важность политического участия государства заключается в том, что оно гарантирует законные права практикующих в отрасли выполнять свои обязанности [10].

«День медицинской сестры» в Китае совпадает с международным, 12 мая в Китае тоже проводятся важные мероприятия в китайских больницах, школах медсестер и т.д., например, «церемония вручения шляп». Как и в большинстве стран мира, в этот день старшие медицинские сестры вручают новым медсестрам белые колпаки, а новые медсестры держат свечи и читать обеты перед статуей Флоренс Найтингейл (сестра милосердия и общественная деятельница Великобритании, 12 мая 1820 г.— 13 августа 1910 г.) В Китае считают, что она — первая настоящая медсестра в мире, которая сделала свою карьеру в сестринском деле. Кроме этого, в Китае каждый год в этот день руководители больниц делают медсестрам праздничные подарки и проводят праздничные мероприятия.

В Китае День медицинской сестры является одновременно как китайским профессиональным праздником, так и заимствованным праздником.

«День китайского врача» является одним из «молодых» праздников в Китае. В Китае у медицинской профессии длинная история и долгое ожидание Дня врача. В последние годы на ежегодных Всекитайских собраниях народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая (ВСНП и НПКСК) народные представители часто предлагали учредить «День китайского врача» [10]. И поэтому 3 ноября 2017 г. Государственный совет Китая принял решение об учреждении Дня китайского врача. Праздник начинает отмечаться с 2018 г., и 19 августа каждого года должен праздноваться каждый год.

Дата праздника 19 августа каждого года выбрана потому, что первая Национальная конференция по охране здоровья была проведена в Пекине 19 августа 2016 г. На встрече было ясно, что работа в сфере гигиены и здоровья — это важное направление политики Коммунистической партии Китая и китайского государства. В первый праздничный «День китайского врача» в 2018 г. Председатель Китая Си Цзиньпин дал важные указания, в которых подчеркнул гуманистический дух спасения раненых и умирающих и подчеркнул необходимость внести новый вклад в улучшение здоровья людей [11].

Президент Ассоциации китайских врачей Чжан Яньлин считает, что учреждение Дня китайского врача имеет большое значение. Прежде всего, этот праздник вызывает уважение к врачам. В то же время это выражение любви к врачам. Во-вторых, праздник может помочь людям лучше понять профессию врачей (в Китае существуют противоречия из-за того, что пациенты не понимают врачей). В-третьих, праздник вызывает гордость за отрасль и помогает повысить самодисциплину в отрасли [12].

Как День медицинских сестер есть праздник медсестер, так и День врача является праздником для врачей. В дополнение к культурным представлениям о деятельности врачей и праздничным подаркам в крупных больницах часто проводятся веселые игры о медицинских навыках и т.д.

«День учителя» в Китае был учрежден в 1985 г., а 10 сентября каждого года был объявлен днём учителя. В Китае учителя известны как инженеры человеческой души, и их деятельность часто называют самой блестящей карьерой под солнцем.

В современной истории Китая появление даты Дня Учителя стало сложным историческим процессом. Первый День учителя в истории Китая появился в 1931 г. В этот исторический период китайские педагоги Цзя Шуанцю и Чэн Цибао собрались в Центральном университете Нанкина, чтобы подготовить запрос, в котором

требовали «улучшить обращение с учителями, гарантировать работу учителей и улучшить подготовку учителей». Эта Декларация была обнародована 6 июня, и этот день стал «Днем учителя», также известный как двойная шестерка. Вскоре правительство Гоминьдана согласилось объявить 6 июня как День учителя.

В 1939 г. правительство Гоминьдана изменило дату Дня учителя на 27 августа, потому что этот день — день рождения Конфуция. Позже, после экспертного исследования, день рождения Конфуция был изменен в календаре на 28 сентября. Поэтому даты дня рождения Конфуция и Дня учителя были изменены на 28 сентября.

После основания КНР (1949) Центральное народное правительство объявило Днем учителя 6 июня, а Министерство образования сообщило всем местным работникам образования, что они могут организовывать свои собственные празднования в соответствии с фактическими условиями. В 1951 г. был образован Китайский союз образования, по политическим причинам учителя были признаны рабочим классом. Поэтому после 1951 г. День учителя и Международный День Труда были объединены в один и тот же день, и День учителя стал отмечаться 1 мая каждого года. После 1957 г. под влиянием культурной революции Дня учителя фактически был упразднен.

На шестом Всекитайском собрании народных представителей Китайской Народной Республики в 1985 г. правительство определило 10 сентября как День учителя. С тех пор новый «День учителя» родился в Китае.

Китайский ученый Ли Хайтао утверждает, что 10 сентября 1985 г. в Китае появился первый День учителя, и с тех пор учителя стали уважать свой праздник, потому что он действительно принадлежит самим учителям и помогает прославить профессию учителя [13]. Китайский ученый Ли Чуаньжуй утверждает, что День учителя — это праздник, созданный для поощрения уважения к учителям и развития образования во всем Китае [1].

В «День учителя» китайцы благодарят и поздравляют учителей. Например, некоторые школы готовят культурные представления для учителей. Руководители школы делают учителям праздничные подарки. Учащиеся отправляют поздравительные открытки и подарки учителям. Некоторые торговые центры и рестораны предлагают большие скидки учителям и т.д.

«День журналиста» был учрежден в 2000 г. Государственный совет Китая согласился назначить 8 ноября Днем журналиста, потому что этот день является датой создания Китайской ассоциации журналистов. Согласно постановлению Государственного совета, День журна-

листа, как и другие профессиональные праздники, также является рабочим днем, без отдыха.

Согласно историческим данным, День журналиста до основания Нового Китая проходил 1-го сентября. Китайский ученый Чжан Ци утверждает, что с 1933 по 1949 гг. 1 сентября китайские журналисты проводили различные церемонии в ознаменование своего профессионального дня [14]. Китайцы согласились с тем, что до 2000 г. в истории Китая не было «Дня журналиста» более 50 лет, потому что после основания Нового Китая в 1949 г. правительство Китая отменило старый День журналиста, но в обнародованном 23 декабря того же года законе об «отпуске во время общенациональных праздников и юбилеев» было четко указано, что необходимо назначить День журналиста, но конкретная дата этого Дня не была определена [15]. Китайский ученый Гэ Пин утверждает, что, поскольку в то время не было конкретной даты профессионального праздника, поэтому у китайских журналистов никогда не было «Дня журналиста» [16].

Сегодня, как и во всех странах, в Китае журналисты являются одной из незаменимых профессий, помогающей получать информацию в своей повседневной жизни. В Китае китайцы из всех слоев общества всегда любили журналистов, и они поддерживаются правительством. В День журналиста для журналистов проводятся благодарственные встречи, веселые спортивные встречи и тематические вечеринки и т.д.

«День дворника» отмечается 26 октября. Это профессиональный праздник, который еще официально не утвержден Государственным советом. Однако в последние годы работникам санитарии уделяется особое внимание со стороны средств массовой информации и общества. Поэтому этот праздник стал очень популярен в разных городах Китая.

26 октября 1959 г. Лю Шаоци, тогдашний президент Китая, встретился с работником санитарной службы Ши Чуансян. Президент Лю Шаоци сказал, что «я — президент страны, ты — работник санитарной службы. У нас только разное разделение труда, а нет различий между высоким и низким. Мы все являемся государственными служащими народа». Слова Лю Шаоци не только вдохновили национальных работников санитарии, но и вызвали уважение всего общества к санитарным работникам. Эти слова руководителя страны помогли китайцам устанавливать правильные ценности. Так день 26 октября стал значимым днем.

В 1987 г. город Муданьцзян провинции Хэйлунцзян первый взял на себя инициативу по организации «Дня дворника», и дата этого праздника была назначена

на 26 октября. Эта новаторская работа вызвала огромные последствия по всей стране. Согласно статистическим данным, по состоянию на 2016 г. более 45,2% провинций, муниципалитетов и автономных районов Китая организовали провинциальный День дворника. Это такие образования, как Гуандун, Гуанси, Хайнань, Тяньцзинь, Шаньдун и другие 14 провинций, муниципалитетов и автономных районов. Городской «День дворника» был организован в 408 городах, включая Шеньян, Куньмин, Ухань, Чэнду, Хух-Хото и т.д., что составляет 61% из 668 городов Китая [17].

В «День дворника» в разных регионах Китая проводятся различные формы мероприятий людей этой профессии. Например, тематическая вечеринка для дворников, местное правительство дает санитарным работникам рис, лапшу, масло и другие продукты и предметы первой необходимости, волонтеры выходят на улицы, чтобы помочь убрать мусор и т.д.

Член постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая Чжан Цзюньцзю предложил как можно скорее организовать «Национальный День дворника». Он считает, что настало время назначить день этого праздника, и следует назначить 26 октября каждого года «Национальным Днем дворника» [18].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Памятные даты Китая являются одним из важных компонентов системы китайских народных

праздников. Эти памятные даты / праздники, их существование соответствует социальному развитию нынешней эпохи, соответствует потребностям китайского правительства и народа, они не статичны, в процессе общественного развития такие праздники постепенно обогащаются, у них появляются собственные культурные и социальные функции.

2. Что касается политических памятных дат Китая, то появление этих праздников соответствует истории Китая, историческому развитию китайского общества и интересам политического руководства Коммунистической партии Китая. Учреждение и празднование таких праздников может не только вызвать интерес современной молодежи к собственной истории, но и удовлетворить политические требования современной эпохи.
3. В Китае существует только четыре официальных профессиональных праздника, признанных государством, среди которых «День врача» — самый молодой праздник, который появился в 2018 г. В дополнение к известным четырем праздникам появился неофициальный праздник — «День дворника». Другими словами, профессиональные праздники в Китае также соответствуют требованиям современной эпохи: содержание праздника постепенно расширяется, и правительство Китая уважает мнение простых людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. 节日·纪念日 / 李传瑞主编. 济南: 山东人民出版社, 2004 年. 365 页. (Праздники и памятные даты / под ред. Ли Чуаньжуй. Цзинань: Народный издательский дом «Шаньдун», 2004. 365 с.)
2. 人民的节日纪念日 / 张玉俊等. 北京: 中国少年儿童出版社, 1980年. 110页. (Народные праздники и юбилеи / под ред. Чжан Юйцзюнь и др. Пекин: Китайское детское издательство, 1980. 110 с.)
3. 邓绍辉. 设立国家纪念日的原因及意义 // 西华大学学报(哲学社会科学版). 2015年. 第34(6)期. 第65-68页. (Дэн Шаохуэй. Причины и значение учреждения Национального дня памяти годовщины государства // Вестник университета Сихуа (философские и социальные науки). 2015. № 34 (6). С. 65-68.)
4. 邓绍辉. 从法理角度看设立抗战胜利纪念日的意义 // 理论周刊. 2015年9月2日. 第06版. 成都日报. (Дэн Шаохуэй. Значение установления Дня Победы в войне против Японии с правовой и теоретической точек зрения // Теоретический еженедельник: Чэндуская ежедневная газета. 2 сентября 2015 г. № 6.)
5. 徐耀强. 论《抗战胜利纪念日》的文化意蕴 // 思想政治工作研究. 2015年. 第2期. 第24-25页. (Сюй Яоцян. О культурном значении «Дня памяти Победы в антияпонской войне» // Исследования идеологической и политической работы. 2015. № 2. С. 24-25.)
6. 盛文明. 功能主义视角下抗战胜利纪念日的社会学分析 // 现代交际. 2016年. 第18期. 第5-6页. (Шен Вэньмин. Социологический анализ Дня победы в антияпонской войне с точки зрения функционализма // Современная коммуникация. 2016. № 18. С. 5-6.)
7. 郭辉, 白杨洋. 改革开放以来抗日战争胜利纪念活动述论 // 安徽史学. 2016年. 第3期. 第159-168页. (Го Хуэй, Бай Яньян. О праздновании победы в антияпонской войне после начала реформ и открытости // История Аньхоя. 2016. № 3. С. 159-168.)
8. 我国拟将9月30日定为烈士纪念日 [Электронный ресурс] // 人民网NEWS.— URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0825/c1001-25535139.html> (Китай планирует считать 30 сентября Днем памяти павших героев // Информационное агентство Жэнь Минь NEWS.)
9. «南京大屠杀档案»列入《世界记忆名录》 [Электронный ресурс] // 新华网NEWS.— URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-10/10/c_128303467.htm («Архив Нанкинской резни» был официально внесен в «Список «Память мира»» (программа ЮНЕСКО по защите всемирного документального наследия) // Информационное агентство Сянь Хуа NEWS.)

10. 潘多拉. 设立《中国医师节》重在强化医师责任 // 中国卫生人才. 2018年. 第1期. 第12 – 13页. (Пань Дола. Учрежден «День китайского врача», направленный на укрепление ответственности врачей // Китайское здравоохранение. 2018. № 1. С. 12–13.)
11. 习近平对首个《“中国医师节”》作出重要指示 [Электронный ресурс] 新华网NEWS.— URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-08/17/c_1123285476.htm?baike (Си Цзиньпин дал важные указания в первый «День китайского врача» // Информационное агентство Синь Хуа NEWS.)
12. Цит. по: 宁艳阳. 尊医重卫不能仅靠一个节日 // 中国卫生. 2017年. 第12期. 第52 – 53页. (Нин Яньян. Уважение к врачам и внимание к гигиене не может быть ограничено только одним праздником // Китайское здоровье. 2017. № 12. С. 52–53.)
13. 李海涛. 教师节的本质在于弘扬教师气节 // 湖南教育(A版). 2014年. 第9期. 第18页. (Ли Хайтао. Суть «Дня учителя» состоит в том, чтобы способствовать честности учителя // Хунаньское образование (Издание А). 2014. № 9. С. 18.)
14. 张奇. 中国记者节的来历 // 新长征 (党建版). 2016年. 第11期. 第59页. (Чжан Ци. О происхождении китайского праздника журналистов // Новый длинный марш (партийное издание). 2016. № 11. С. 59.)
15. 陈为镛. 中国记者节史话 // 新闻知识. 2000年. 第11期. 第9页. (Чэнь Вэйюн. История «Дня китайских журналистов» // Новости знаний. 2000. № 11. С. 9.)
16. 葛萍. 记者节 // 中国档案. — 2015年. 第11期. 第80 – 81页. (Гэ Пин. День журналиста // Китайский архив. 2015. № 11. С. 80–81.)
17. «环卫工». 值得全社会尊敬的群体 写在《环卫工人节》到来之际 // 中华建设. 2016年. 第10期. 第10 – 12页. («Дворник». Профессия, достойная уважения со стороны всего общества. Написано к «Дню работников санитарии» // Строительство Китая. 2016. № 10. С. 10–12.)
18. 应尽快设立《全国环卫工人节》 // 中国职工教育. 2009年. 第4期. 第54 – 55页. («Национальный день санитарии» должен быть учрежден как можно скорее // Обучение китайского персонала. 2009. № 4. С. 54–55.)

© Шан Бофэй (Shangbofei@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ ПАЦИЕНТОВ СО ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫМИ ОПУХОЛЯМИ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

THE SEMANTICS OF PSYCHOLOGICAL TRAUMA OF BREAST CANCER PATIENTS

**A. Alekhin
K. Kondratyeva**

Summary. The article presents data on the study of the semantic space of psychological trauma of young oncological patients with malignant neoplasms of the mammary gland based on the modified method "Semantic differential" by C. Osgood. The results of the study suggest that the main factor in trauma is the individual semantic burden of experiencing the situation of cancer and treatment in the context of a system of significant relationships and social-role functioning. It is shown that patients with a greater number of narcissistic experiences, that is, personally significant relationships in the context of social-role functioning, are more prone to mental trauma in a situation of cancer. It is also shown that patients with fewer emotionally loaded connections in the system of personality relations more successfully cope with the study of psycho-traumatic experience.

Keywords: experience, mental adaptation, semantic differential, breast cancer.

Алехин Анатолий Николаевич

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
termez59@mail.ru

Кондратьева Кристина Орхановна

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург;
Национальный медицинский исследовательский центр
онкологии им. Н. Н. Петрова, г. Санкт-Петербург
cris.condratiewa@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся данные исследования семантического пространства психической травмы онкологических пациентов молодого возраста со злокачественными новообразованиями молочной железы на основании модифицированного метода «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда. Полученные результаты исследования позволяют говорить о том, что основным фактором травматизации является индивидуальная семантическая нагрузка переживания ситуации онкологического заболевания и лечения в контексте системы значимых отношений и социально-ролевого функционирования. Показано, что более подвержены психической травматизации в ситуации онкологического заболевания пациенты, имеющие большее количество нагруженных нарциссическими переживаниями, то есть лично значимых отношений в контексте социально-ролевого функционирования. Также показано, что пациенты, имеющие меньшее количество эмоционально нагруженных связей в системе отношений личности более успешно справляется с проработкой психотравмирующего опыта.

Ключевые слова: переживание, психическая адаптация, семантический дифференциал, рак молочной железы.

Целенаправленное изучение влияния онкологического заболевания на психологическое состояние пациентов началось в 80-х годах XX века, хотя и ранее психологическим, социальным проблемам пациентов уделялось внимание в рамках поддерживающей терапии [1–6].

К настоящему времени выделены основные вопросы, касающиеся социальной и психической адаптации онкологических пациентов: изменение образа жизни, в том числе рискованного поведения для снижения риска рецидивов опухолевого роста, возникновения коморбидных заболеваний и состояний, имеющих влияние на ход лечения онкологического заболевания; контроль физических и психологических симптомов во время лечения, снижающих социальное и психическое функционирование пациента (например, нозогении, боль, астенические состояния различного генеза); проблемы психической и социальной адаптации пациентов в ремиссии; психологическая помощь и поддержка пациентов на паллиативном этапе [7,8].

По данным эпидемиологических исследований за последнее десятилетие наблюдается значительный прирост числа больных онкологическими заболеваниями, первое место среди них занимают злокачественные новообразования молочной железы. Помимо всего прочего наблюдается снижение среднего возраста заболевших женщин с 61 года до 35 лет, увеличение продолжительности жизни, показателей пятилетней выживаемости [9]. Психологические проблемы, возникающие у пациенток с РМЖ, требуют особого внимания, поскольку специфика заболевания и лечения влияет не только на продолжительность жизни, но и затрагивает глубинно-личностные переживания пациентов, связанные с материнством, женственностью. В связи с этой тенденцией проблема социальной и психической адаптации к заболеванию, психологической реабилитации, качества жизни пациентов со злокачественными новообразованиями молочной железы становится крайне актуальной.

В рамках психологической науки изучаются психические реакции и состояния пациентов, их родственников на различных этапах онкологического заболевания, определяется вклад психологических, психофизиологических, социальных факторов в процесс адаптации пациентов к ситуации онкологического заболевания, образу жизни. В последнее время наблюдается рост числа отечественных и зарубежных публикаций, связанных с оценкой психологического состояния онкологических пациентов: чаще всего упоминается выраженность дистресса, степень дезадаптации онкологических пациентов. Согласно таким исследованиям, онкологическое заболевание является психогенным и соматогенным фактором, где онкологическая патология оказывает колоссальное воздействие на физическое и психическое функционирование пациента, приводя к астении смешанного генеза (психической, физической) и формируя соматогенные психические нарушения [10–18].

Диагностирование угрожающего жизни заболевания создаёт ситуацию психической травматизации пациента, способную сформировать психические нарушения психогенно-реактивного характера. Ситуацию онкологического заболевания кроме того, принято считать психотравмирующей по ряду факторов, включающих стигматизацию рака в обществе, инвалидизацию, неопределенность, бесконтрольность, необходимость в резком изменении привычного образа жизни, то есть — индивидуальную для каждого пациента семантическую нагрузку самого конструкта «онкологическое заболевание», включающую весь комплекс представлений и переживаний больного, возникающий еще до обнаружения самой болезни.

Учитывая общепринятую включенность в содержание понятия «онкологическое заболевание» социально-культурных и смысловых значений представляется важным рассмотреть его, по крайней мере, в рамках двух контекстов: культурно-историческом и знаково-символическом.

Содержание представлений об онкологическом заболевании, его мифологизация отражает во многом общественно-политические, культурно-исторические тенденции современного общества, главным образом, своей неопределенностью и бесконтрольностью — контекст, в котором существует современный человек. Чувство неопределенности, потери контроля, возникающее в ситуации онкологического заболевания можно рассматривать как актуализацию переживания того, что до заболевания удавалось маскировать с помощью иллюзорности контроля над собственной жизнью, устойчивыми представлениями о себе и окружающей действительности, редко подвергавшимся сомнению или эмпирической проверке. Переживание ситуации онко-

логического заболевания представляет собой процесс трансформации и нестабильности системы значимых отношений, где все межличностные, внутриличностные конфликты и противоречия на фоне неопределенности, бесконтрольности «обнажаются».

Субъективная (внутренняя) неопределенность является одним из основных факторов психической травматизации за счет семантической многозначности ситуации онкологического заболевания и актуализации переживания онтологической тревоги, неуверенности в собственной идентичности. Определенность при этом, может являться столь же травмирующей, как переживаемая неопределенность: со слов В.П. Зинченко — «снятие» неопределенности неизбежно вновь порождает неопределенность, а значит последняя неопределенность представляет собой динамику самой жизни, противоположностью которой выступает определенность смерти [19, 20].

Ситуация онкологического заболевания представлена чередой противоречивых событий и переживания репрезентаций этих событий [представлений] в психической реальности имеет своей целью обретение некоего «семантического гомеостаза», целостности системы представлений о себе.

В речи пациента мы можем слышать переживание ситуации онкологического заболевания, как результат трансформации знаково-символической системы, изменения представлений о психической реальности. Система «знак-значение» при этом динамична и предполагает свою трансформацию во времени, то есть означивание ситуации онкологического заболевания также динамично и нелинейно: Ж. Лакан говорит о скольжении вдоль цепочки означающих, то есть ни одно значение нельзя признать окончательным и исчерпывающим [21].

В контексте сказанного необходимо понимать, какое *значение* имеет для женщин сама ситуация онкологического заболевания, вспомнив слова Выготского: «при одних и тех же законах мышления процесс будет разный, смотря по тому, в каком человеке он происходит» [22].

«Разворачивание» знака «онкологическое заболевание» опирается на индивидуальный опыт [переживания травматизации] каждого пациента, как процесс «означивания» поскольку «нет вообще знака без значения. Смыслообразование есть главная функция знака» [23–25]. Часто упоминающийся в исследованиях феномен «смерти», *как будто* неразрывно связанный с «онкологическим заболеванием», включенный в знаково-символическую систему в роли *значения* жизнеугрожающего заболевания, оказывается «пустым», «ничего-не-значащим» сам по себе; оказывается знаком, смыслообразую-

Таблица 1. Результаты факторизации оценки ситуации.

№ п/п	Прилагательные	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1	Обретенный — Утраченный	0,992		
2	Дающий возможности — Ограничивающий	- 0,991		
3	Энергичный — Усталый		0,976	
4	Активный — Пассивный			0,715
5	Безопасный — Опасный	0,913		
6	Дружелюбный — Агрессивный			0,376
7	Расслабленный — Напряженный		0,782	
8	Полноценный — Ущербный	0,811		
9	Смелый — Боязливый		0,827	
10	Защищенный — Уязвимый	0,982		
11	Бодрый — Вялый			0,511
12	Отзывчивый — Равнодушный			0,717
13	Тихий — Громкий		0,597	
14	Избавляющий — Уничтожающий			0,674
15	Сильный — Слабый		0,812	
16	Красивый — Безобразный	0,916		
17	Живой — Безжизненный			0,793
18	Быстрый — Медленный		0,712	
19	Обнадеживающий — Безнадежный	0,991		
20	Добрый — Жестокий		0,827	
21	Желанный — Невыносимый	0,935		
22	Радостный — Мучительный			0,717
23	Устойчивый — Изменчивый			- 0,513
24	Мягкий — Твердый		0,983	
Вес		26,531	19,516	17,734

щей единицей, вбирающей в себя некоторые значения Я, такие, как социальные роли, а точнее «события драмы» по Л.С. Выготскому [26]. Такое переживание столкновения мы можем слышать в речи пациента, где он сам «переживает» себя, как объект и «речь помогает ему овладеть этим объектом посредством предварительной организации и планирования собственных действий и поведения». С речью пациента обнаруживается переживание, как процесс упорядочивания, обобщения знаково-символической системы, *когда* он говорит, но не *оттуда*, откуда он говорит. Таким образом, мы можем предположить, что **переживание — это процесс преобразования семантического поля психической травмы с целью психической адаптации.**

С целью апробации вышеизложенного предположения на базе НМИЦ онкологии им. Н.Н. Петрова было проведено исследование семантического пространства психической травмы среди пациентов молодого возраста (36±8) с онкологическими заболеваниями молочной железы (n=50). Условно были выделены подгруппы пациентов на основании системы отношений личности и объектных отношений: пациенты, имеющие детей и партнера (n=12) — «Подгруппа 1»; пациенты, имеющие

только детей (n=9) — «Подгруппа 2»; пациенты, имеющие только партнера (n=11) — «Подгруппа 3»; пациенты, не имеющие детей и партнера (n=18) — «Подгруппа 4».

Исследование проводилось с использованием метода «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда, модифицированного для исследования психической травмы пациенток со злокачественными новообразованиями молочной железы. В качестве переменных использовались отобранные на основании литературного анализа 24 пары противоположных по смыслу прилагательных, представляющие субъективные оценки психотравмирующей ситуации. Категориями оценки служили ролевые позиции — «Я», «Я-женщина», «Я-жена», «Я-мать», «Я в прошлом», «Я в будущем», а также понятия, согласно доступной научной литературе, несущие «травматичность» ситуации заболевания — «смерть», «онкологическое заболевание» [27,28].

Посредством факторного анализа, представляющих разные субъективные оценки, мы выделили основные смысловые оси. Отобранные данные пригодны для проведения факторного анализа (мера Кайзера-Мейера-Олкина 0,612; коэффициент Бартлетта 0,003).

Таблица 2. Результаты исследования по методике «Семантический дифференциал»

Расстояние Понятие	Подгруппа			
	«Подгруппа 1» (n=12)	«Подгруппа 2» (n=9)	«Подгруппа 3» (n=11)	«Подгруппа 4» (n=18)
«Я» — «Я-женщина»	1,130	1,609	0,972	0,136
«Я» — «Я-мать»	0,428	0,608	1,180	1,020
«Я» — «Я-жена»	0,719	2,703	0,312	1,107
«Я» — «Я в прошлом»	0,812	0,836	2,413	1,052
«Я» — «Я в будущем»	2,591	1,816	2,841	0,916
«Онкологическое заболевание» — «Смерть»	0,993	0,302	2,750	2,490

В дальнейшем, с помощью метода главных компонентов было выделено 3 фактора (суммарная дисперсия более 63%).

Первый фактор (26,5%) включал следующие характеристики: с одной стороны — обретенный, возможный, безопасный, полноценный, защищенный, красивый, обнадеживающий, желанный; с другой — утраченный, ограничения, опасный, ущербный, уязвимый, безобразный, безнадежный, невыносимый. Данный фактор характеризует отношение к понятию, связанное с угрозой жизни, он был обозначен, как фактор «Оценка».

Второй фактор (19,5%) включал с одной стороны такие характеристики, как — усталый, напряженный, боязливый, громкий, слабый, медленный, жестокий, твердый; с другой стороны — энергичный, расслабленный, смелый, тихий, сильный, быстрый, добрый, мягкий. Данный набор противоположных по смыслу характеристик позволяет обозначить этот фактор, как «Сила».

Третий фактор (17,7%) на одном полюсе включил прилагательные — активный, дружелюбный, бодрый, отзывчивый, избавляющий, живой, радостный, устойчивый. На противоположном — пассивный, агрессивный, вялый, равнодушный, уничтожающий, безжизненный, мучительный, изменчивый. Фактор был назван нами «Активность».

В соответствие с теоретической моделью, положенной в основу данной методики, полученные 3 фактора рассматриваются нами как основные смысловые оси семантического пространства психической травмы, как она воспринимается испытуемыми. При анализе полученных данных мы использовали метод интервалов, где расстояние между понятиями в подгруппах характеризует их взаимосвязи.

Сравнительный анализ динамики расстояний между значимыми понятиями показал, что для группы пациентов, имеющих детей, в отличие от других групп па-

циентов, характерно усиление идентификации с ролью матери, о чем говорит семантическое расстояние между понятиями «Я»-«Я-мать». Кроме того, близость значений понятий «Я», «Я-мать», «Я-жена» и отдаленность понятия «Я-женщина» от этой группы, может говорить о значимости социально-ролевого функционирования при одновременном обесценивании нарциссических переживаний собственной женственности. В группе пациенток, не имеющих детей наблюдается обратная динамика: усиление идентификации с ролью женщины, превалируют нарциссические переживания, вероятно, связанные с косметическими дефектами в процессе лечения (аллопеция, полная или частичная резекция молочной железы). При этом, наблюдается увеличение расстояния в семантическом пространстве между понятиями «Я», «Я-мать», «Я-жена» в сравнении с группой пациенток, имеющих детей, что может говорить о наличии эмоциональных переживаний в связи с материнством и вступлением в отношения, либо изменением уже имеющих-ся.

Группы замужних и незамужних пациенток демонстрируют значительное расстояние между значениями понятий «Я» и «Я-мать», что может говорить о зоне напряжения в отношении идентификации себя с ролью матери, можно предположить, что лишение груди, как одного из символов материнства влечет за собой склонность женщины к оценке себя, как неспособной быть матерью. Кроме того, в группе незамужних женщин отмечается значительное увеличение расстояния между понятиями «Я», «Я-жена», «Я-женщина», в отличие от остальных групп, что может говорить о наличии эмоциональных переживаний в отношении самоидентификации и выстраивании межличностных отношений с мужчинами.

Анализ временного соотношения образов «Я»-«Я в будущем», «Я»-«Я в прошлом» демонстрирует динамику переживания представлений о себе: во всех группах пациентов отмечается значительное увеличение расстояния между понятиями «Я», «Я в будущем», что может говорить о наличии эмоциональных переживаний, напряжении

в отношении оценки и соотношения себя с известными ролевыми моделями в субъективном представлении о будущем. Кроме того, пациентки, не имеющие детей и незамужние пациентки демонстрируют схожую дистантность и в отношении понятий «Я»-«Я в прошлом», тогда как две другие группы пациенток склонны в большей степени, соотносить понятия «Я» и «Я в прошлом», что в свою очередь может говорить о желании некоторой константности, неизменности переживаемой ситуации.

Рассматривая взаимосвязь понятий «онкологическое заболевание» и «смерть» показывает разобщенность этих образов в различных группах пациенток: в группах пациенток, имеющих детей и замужних пациенток наблюдается сближение понятий, тогда как в двух других группах отмечается значительная отдаленность этих понятий.

Таким образом, исходя из полученных результатов, мы можем говорить о том, что зоной напряжения в семантическом пространстве на различных этапах лечения является соотношения образа «Я» и социально-ролевых моделей пациента, их трансформация и смещение во времени. В свою очередь, понятия «Онкологическое заболевание», «Смерть», также имея динамику в семантическом пространстве в разных группах, являются эмоционально окрашенными, нагруженными переживаниями объектами, связанными в контексте этого переживания со значимыми ролевыми моделями. Травматичность ситуации лечения и заболевания определяется изменчивостью представления о себе, динамикой образов Я в различных ролевых позициях, где само заболевание и сопровождающие его лечебные процедуры лишь опосредовано влияют на семантическое поле переживания пациента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Непомнящая Н. И. Гипотеза о психосоматической природе рака // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 132–145.
2. Русина Н. А. Психологическая диагностика и психотерапевтическая коррекция онкологических больных с калечащими операциями // Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 8 октября 2002 г. / Отв. Ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 236–255.
3. Тарабрина Н. В. Посттравматический стресс у больных угрожающими жизни (онкологическими) заболеваниями // Консультативная психология и психотерапия. — 2014. — No1. — С. 40–63.
4. Davidson J.R.T., Foa E. B. Diagnostic issues in posttraumatic stress disorder: considerations for the DSM-IV // *Abnormal Psychol.* 1991. P. 346–355.
5. Holland J.S., Rowland J. H. Handbook of psychooncology: psychological care of the patient with cancer. N.Y.: Oxford University Press, 1989.
6. Moos R.H., Tsu V. D. The crisis of physical illness an overview // *Coping with physical illness.* N.Y., 1977. P. 3–21.
7. Чулкова В.А., Моисеенко В. М. Психологические проблемы в онкологии // *Практическая онкология.* — 2009. — Т. 10. — No3. — С. 151–157.
8. Чулкова, В.А. О месте онкопсихологии в структуре психологической науки / В. А. Чулкова // Сборник тезисов IV Всероссийского Съезда онкопсихологов. — М., 2012. — С. 8–10.
9. Лесько К.А., Бяхов М. Ю., Абдураимов А. Б., Михайлова З. Ф., Карпова С. Н. Проблемы выбора стратегии скрининга рака молочной железы — Злокачественные опухоли, том 7, № 3, 2017.
10. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 3–18.
11. Архипова И.В., Кокорина Н. П. Клинические и реабилитационные аспекты психических расстройств у женщин с диагнозом «рак молочной железы» на этапе хирургического лечения // *Псих. расстройства в общей медицине.* 2009. № 1. С. 37–41.
12. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина. М., 1999.
13. Великолуг А.Н., Овчарова Р.В. Психологические особенности личности больных злокачественными опухолями различной локализации // *Паллиативная медицина и реабилитация.* М., 1997. № 2. С. 16–20.
14. Ильин Е. П. Переживание как импрессионный компонент эмоционального реагирования // *Эмоции и чувства.* — 2-е издание. — Санкт-Петербург: Питер, 2007. — 784 с.
15. Исаева Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. — СПб.: Издательство СПбГМУ, 2009. — 136 с.
16. Касимова Л.Н., Илюхина Т. В. Результаты психопатологического и психологического исследования онкологических больных / *Психические расстройства в общей медицине.* 2007. Т. 2. № 3. С. 33–36.
17. Куприянова И.Е., Слонимская Е. М., Бехер О. А. Нервно-психические расстройства у женщин, страдающих раком молочной железы / *Психические расстройства в общей медицине.* 2009. № 1. С. 53–57.
18. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология. М.: МЕДпресс-информ, 2005.
19. Зинченко В. П. Порождение и метаморфозы смысла: от метафоры к метаформе // *Культурно-историческая психология.* 2007. № 3. С. 17.
20. Зинченко В. П. Проблема образующих сознания в деятельностной теории психики // *Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология.* — 1988. — No3. — С. 25–33.
21. Лакан Ж. (1953). Функция и поле речи и языка в психоанализе. Пер.с фр./ Перевод. А. К. Черноглазова. М.: Гнозис. 1995. С. 70
22. Выготский Л. С. Психология искусства / *Общ. ред. В. В. Иванова.* 3-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 9.
23. Выготский Л. С. Проблема сознания // *Психология грамматики.* М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 178–196.

24. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. С. 39–386.
25. Выготский Л. С. Проблемы дефектологии. М.: Просвещение, 1995. С. 196–199.
26. Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 60.
27. Вассерман Л. И., Беребин М. А., Косенков Н. И. О системном подходе в оценке психической адаптации // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. — 1994. — No3. — С. 16–25.
28. Вассерман Л. И., Трифонова Е. А., Червинская К. Р. Семантический дифференциал времени: экспертная и психодиагностическая система в медицинской психологии. Пособие для врачей и медицинских психологов. — СПб., 2009а. — 44 с.

© Алехин Анатолий Николаевич (termez59@mail.ru), Кондратьева Кристина Орхановна (cris.condratiewa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОПИНГА И СВЯЗЬ ВОЗРАСТА И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

AGE-SPECIFIC COPING AND THE RELATIONSHIP BETWEEN AGE AND STRATEGIES OF COPING BEHAVIOR

N. Borisova

Summary. The article presents a review of studies for the period 2007–2017, the purpose of which was to study the relationship between the choice of preferred coping strategies and age; a brief analysis of the authors' approaches to the consideration of age-related features of coping behavior in adulthood (in the range from 20 to 60 years); the features of current research areas of coping in foreign and domestic psychology. Most modern researchers believe that coping changes under the influence of the age factor, but experimental studies do not always confirm this. Recent studies have revealed common patterns in the dynamics of the structure of coping: the most productive is the period of early and middle adulthood; late adulthood and more Mature age are perceived as a period of transition from active to passive forms of coping.

Keywords: coping, coping behavior, coping strategies, adulthood, symptoms.

Борисова Наталья Михайловна

Аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет
bonamivita@gmail.com

Аннотация. В статье представлен обзор исследований за период 2007–2017 гг., целью которых было изучение связи выбора предпочитаемых копинг-стратегий и возраста; дан краткий анализ подходов авторов к рассмотрению возрастных особенностей совладающего поведения во взрослости (в диапазоне от 20 до 60 лет); выделены особенности актуальных направлений исследований копинга в зарубежной и отечественной психологии. Большинство современных исследователей исходят из позиции, что совладание изменяется под действием возрастного фактора, однако экспериментальные исследования не всегда это подтверждают. По результатам исследований последних лет выявлены общие закономерности в динамике структуры копинга: наиболее продуктивным признается период ранней и средней взрослости; поздняя взрослость и более зрелые возраста воспринимаются как период перехода от активных форм копинга к пассивным.

Ключевые слова: копинг, совладающее поведение, копинг-стратегии, взрослость, симптомокомплекс.

В современном мире становление и взросление личности напрямую связано с увеличением проблемных ситуаций и уровнем испытываемого стресса. Преодоление стресса связано с использованием эффективного копинг-поведения. Однако вопрос о том, существует ли связь между возрастными изменениями и ростом эффективности и зрелости копинг-стратегий, остается открытым [5, с. 87]. В настоящий момент в науке, по мнению Т.Л. Крюковой, существуют две отличные точки зрения по данному вопросу [6]. Часть авторов (Юнг, Эриксон и др.) напрямую связывают возраст и совершенствование копинг-поведения. Они придерживаются позиции, согласно которой копинг развивается с возрастом, как и личность. Следовательно, копинг совершенствуется всю жизнь, достигая своего расцвета к периоду зрелости. Эти предположения частично подтверждаются лонгитюдными исследованиями (исследования М. Petrovsky и J. Birkimer; F. Blanchard-Fields и L. Sulsky), в которых было выявлено повышение эффективности копинга по мере перехода испытуемых из периода юношества в раннюю взрослость [11, с. 63]. М. Petrovsky и J. Birkimer на испытуемых различных поколений (от 17 до 42 лет) было выявлено, что предпочтение реального решения проблем наряду с внутренним локусом

контроля и снижением общего уровня невротической симптоматики является возрастным новообразованием и свидетельствует, по мнению авторов, о возрастании адаптированности человека по мере приобретения жизненного опыта. F. Blanchard-Fields и L. Sulsky, исследуя респондентов пяти возрастных групп обнаружили отчетливые возрастные закономерности в выборе способов coping. Эмоционально-ориентированные формы с возрастом утрачивают популярность, сохраняя высокую частоту использования лишь у лиц с ярко выраженной фемининностью. А проблемно-ориентированные формы психологического преодоления, напротив, используются чаще, но их применение сильно зависит от рода проблем, с которыми сталкивается субъект.

Другие исследователи (Фолкман, Лазарус и др.), напротив, считают, что на разных возрастных этапах личность попадает в разные стрессовые ситуации, и эффективность копинга необходимо рассматривать индивидуально для каждой ситуации, в зависимости от условий. С их точки зрения, возраст не является детерминирующим фактором развития копинга и не оказывает значительного влияния ни на его успешность, ни на его репертуар. В ряде лонгитюдных исследова-

ний (Балтиморский лонгитюд, исследования G. Vaillant) были получены результаты, подтверждающие эту точку зрения. В настоящий момент вопрос о влиянии возраста на копинг остается дискуссионным. В Балтиморском семилетнем лонгитюде Р. МакКре сравнение «срезов» показало наличие умеренных возрастных и когортных различий в использовании ряда копинг-стратегий (пожилые люди выражали чувства, уходили в мир фантазий, позитивно мыслили и враждебно реагировали реже, чем молодые люди). G. Vaillant, (1977, 1986) рассматривал три возраста в связи с адаптацией и копингом: юность, раннюю зрелость и средний возраст. Он описал увеличение использования “зрелых” защитных и копинг-механизмов и уменьшение незрелых от юности к средней зрелости. Однако различия между молодым и средним возрастом не явные. Выше предложенные точки зрения на копинг и возраст являются классическими. Однако ни одна из позиций не имеет достаточных эмпирических подтверждений, чтобы считаться единственно верной [7, с. 474]. Мы считаем, что решение этого вопроса — одна из первостепенных задач при рассмотрении копинга. Обратимся к современным исследованиям связи копинга и возраста для выявления актуальных тенденций в решении данной проблемы.

За последние годы отечественными учеными было проведено много исследований, направленных на выявление общих закономерностей возрастной динамики копинга, представленных, прежде всего, поперечными срезами выборки.

Большое исследование российской популяции было проведено Е. Р. Исаевой в 2009 году. На примере обширной экспериментальной выборке от 18 до 60 лет были исследованы возрастные и гендерные особенности реализации копинг-стратегий. Исследователь разделила выборку на 4 возрастные категории, между которыми выявила различия в предпочитаемых копинг-стратегиях, а также установила динамику развития копинг-поведения личности. Так, для лиц молодого возраста (мужчины до 20 лет и женщины до 30 лет) характерно редкое обращение к дистанцированию как способу справиться с проблемой и редкое использование стратегии положительной переоценки ситуации. Мужчины в возрасте 31–45 лет и женщины 46–60 лет, наоборот, отдают предпочтение стратегии дистанцирования. Самоконтроль как средство решения проблемы чаще выбирают лица в возрасте 21–30 лет. Плановое решение проблемы как копинг используют чаще всего мужчины и женщины в возрасте 21–45 лет. Обращение за социальной поддержкой характерно для женщин 31–45 лет и для мужчин более раннего возраста 21–30 лет. Обращение к этой стратегии снижается после 46 лет.

На основании этих данных Е. Р. Исаева делает вывод, что копинг не является постоянной величиной и меняется на протяжении жизни человека: «На разных этапах жизни человек использует различные стратегии совладающего поведения, и это связано, на наш взгляд, с тем, что задачи и требования, встающие перед ним, постоянно изменяются на протяжении жизни, меняются пути их решения, выбирается адекватный внутренней и внешней жизненной ситуации репертуар поведения» [4, с. 90]. Исследование показало, что динамика развития копинга выражается в смене активных копинг-стратегий, характерных для молодого возраста на пассивные (философские) совладания в зрелости. Автор объясняет это тем, что накопленный жизненный опыт позволяет личности более трезво оценивать как саму проблемную ситуацию, так и собственные возможности по ее разрешению.

Возрастные особенности копинга в юношестве и ранней зрелости стали предметом исследования Т. Г. Бохан (2002). Исследование проводилось на трех возрастных группах респондентов: 16–17, 18–30, 30–40 лет. Доминирующим типом совладания для всех групп стала стратегия разрешения проблем. Менее выраженной оказалась стратегия поиска социальной поддержки, наиболее мало использованной для всех возрастных групп явились защитные копинг-стратегии (дистанцирование и избегание) [1, с. 70]. Автором не было выявлено существенных возрастных различий для проблемно-ориентированной стратегии и стратегии поиска социальной поддержки. Статистически значимые возрастные различия были обнаружены только для защитного копинга. В частности, наиболее интенсивно защитный копинг используется в юношеском возрасте (16–17 лет), затем в периоде ранней зрелости (18–30) его роль сильно снижается, однако уже в средней зрелости (30–40 лет) влияние защитного копинга возрастает, хотя он и менее выражен, чем в юношеском возрасте. Подобный нелинейный характер возрастных изменений защитного совладания автор статьи связывает с активной личностной позицией, сложившейся системой смыслов, присущей молодой возрастной группе от 18 до 30, которая позволяет им использовать активные копинг-стратегии и минимизировать защитное совладание. На основании высокого уровня защитного копинга в юношестве и средней зрелости автор делает вывод о «сенситивности этих возрастов к формированию и закреплению в структуре их совладающего поведения неадаптивных копинг-стратегий» [1, с. 67].

Изучением особенностей совладающего поведения занималась Е. В. Лапкина (2010) [8]. В исследовании приняло участие 289 человек в возрасте от 17 до 60 лет, испытуемые были разделены на три группы. Исследователем были выявлены значимые различия в предпочитаемых копинг-стратегиях, отражающие возрастную

динамику совладающего поведения. Так, стратегии эмоционально-ориентированного копинга и отвлечения имеют тенденцию к нарастанию с возрастом. Автор связывает данную тенденцию в своих результатах с высокой неопределенностью проблемной ситуации, с которыми респонденты сталкиваются в период взрослости. При совладании с длительными ситуациями с высокой степенью неопределенности проблемно-ориентированный копинг неэффективен, так как усилия растрачиваются впустую, а эмоционально-ориентированный копинг и отвлечения позволяют сохранить ощущение субъективного благополучия и эмоциональной стабильности. При этом для юношеской группы характерно социальное отвлечение, что связано с высокой коммуникабельностью в данном возрасте, а для старших возрастных групп более характерно отвлечение инструментальное. Автором также была проанализирована структура связей между копинг-стилями для разных возрастов. В юношеском возрасте число связей минимально, копинг-стили разобщены, далее число связей по мере взросления личности существенно возрастает и достигает своего пика к 22–35 годам, что связывается автором с фактом, что данный возраст наиболее активный и продуктивный в плане социального взаимодействия и реализации жизненных планов. Далее число связей постепенно снижается.

Возрастные аспекты копинга рассматривались в исследовании М. В. Верещагиной и Т. Н. Чибировой (2014) [2, с. 462]. Выборку респондентов составили 102 человека в возрасте от 20 до 40 лет, выборка была разделена на две возрастные группы. Поиск возрастных различий проводился по трем копинг-стратегиям: решение проблемы, поиск социальной поддержки и избегание. По результатам исследования было выявлено преобладание копинга решения проблем и избегания в старшей возрастной группе, а стратегии поиска социальной поддержки – в младшей. Авторы объясняют выявленные различия тем, что с возрастом респонденты научаются точнее оценивать проблемную ситуацию и на основании своей оценки принимать решение по ее разрешению либо избеганию. Молодежь, в свою очередь, стремится получить социальную поддержку, чтобы компенсировать недостаток собственного опыта.

Взаимосвязь копинга с возрастом не ограничивается только сменой предпочитаемых стратегий совладания. Возрастные изменения связаны с накоплением опыта, переоценкой личности своего «Я», кристаллизацией мировоззренческих установок, что, в свою очередь, затрагивает такие элементы совладания, как копинг-ресурсы, оценку проблемной ситуации и структуру взаимосвязей между копинг-стратегиями.

С. А. Хазовой (2016) было проведено исследование особенностей структуры и мобилизации копинг-ре-

сурсов во взрослости. В исследовании принимало 63 человека в возрасте 25–61 лет. По результатам исследования была сформирована структура копинг-ресурсов во взрослости: 44,3% — эмоционально-волевые, 20,9% — интеллектуальные, 18,6% — коммуникативные, 11,6% — мотивационные, 4,6% — телесные. Ресурсы, имплицитно присутствующие у респондентов, переходят на осознанный уровень вследствие переработки прошлого опыта, например, путем рефлексии. Таким образом, чем старше человек, тем лучше он осведомлен об имеющихся у него копинг-ресурсах. Он может не только осознанно применять их, но и вырабатывать новые, необходимые для решения проблемной ситуации: «на основе концептуализации опыта осознаются изменения в системе ресурсов, которые «появляются», «открываются», «создаются специально», потому что «жизнь учит»» [9, с. 160]. Также исследовались проблемные ситуации, приводящие к мобилизации копинг-ресурсов. Было выявлено, что во взрослости наибольшее воздействие имеют экстремальные и напряженные ситуации, повседневные трудности практически не требуют мобилизации копинг-ресурсов, что автором связывается также с накоплением жизненного опыта.

Возрастная специфика копинга у военнослужащих, побывавших в зоне боевых действий, стала предметом исследования И. Б. Дермановой и Н. В. Чеботаревой (2008) [3, с. 159]. В исследовании приняло участие 151 человек в возрасте от 19 до 45 лет, поделенные на 4 возрастных группы: 19–21 год (юность), 22–25 лет (ранняя взрослость), 26–33 года (средняя взрослость), 34–45 лет (средняя взрослость, второй подпериод). Типичные акты копинг-поведения респондентов в условиях боевых действий были оформлены исследователями в 5 кластеров: 1) специфическая активность и помощь другим; 2) эмоциональное отвлечение и агрессивный выход эмоций; 3) физический уход и когнитивное дистанцирование; 4) «выпрямление» ситуации через молитву или наркотические вещества; 5) неспецифическая активность. Статистически значимых различий между использованием данных копинг-реакций в разных возрастных группах выявлено не было. Однако для первой возрастной группы наиболее значимым является кластер «эмоциональное отвлечение», а для старшей возрастной группы наиболее сильным является кластер неспецифических реакций, включающий в себя такие копинг-реакции, как попытка заняться делом для отвлечения, еда или сон, отвлечение через разговоры или мысли о семье. Эти результаты подтверждают ранее полученные сведения о снижении с возрастом применения эмоционально-ориентированных форм копинга и переориентации на внешнюю активность.

Исследователями были выявлены различия в связях между кластерами совладающего поведения в различ-

ных возрастных группах. Для юношеской возрастной группы характерно наличие попарных положительных корреляционных связей между кластерами, что «указывает на абсолютно сознательный выбор военнослужащими той формы совладания, которая помогает им справиться с ситуацией» [3, с. 155]. В то же время в двух старших возрастных группах (ранняя и средняя зрелость) парные связи исчезают, а на их месте формируется два симптомокомплекса. Один из них характеризуется положительной оценкой респондентами собственных усилий по преодолению проблемных ситуаций, их высокой активностью и включенностью в проблему. Второй, напротив, характеризуется неприятием проблемной ситуации, оценкой действий по ее преодолению как неэффективных, стремлением избежать или дистанцироваться от проблемы. Данные симптомокомплексы представляют собой стереотипизированную рефлекторную реакцию, которая формируется у военнослужащих на основании индивидуального опыта. Для старшей возрастной группы (35–45 лет) характерно полное отсутствие связи между кластерами совладающего поведения, что интерпретируется авторами как возможность выбора индивидуализированного адекватного нестереотипного поведения в ответ на стрессовую ситуацию.

Также авторами было проведено дополнительное исследование преобладающих стилей поведения с помощью методики Лазаруса. Была выявлена возрастная динамика доминирующих копинг-стратегий. В первой возрастной группе преобладающей стратегией является эмоциональный копинг, поиск социальной поддержки, в то время как в более старших возрастных группах значение этих стратегий снижается, а роль стратегии планирования, переоценки и планирования увеличивается, проблемно-ориентированный копинг становится преобладающим в старших возрастных группах.

Проблеме взаимосвязи возраста и совладания также уделяется значительное внимание и за рубежом. Для иностранных авторов характерно частое обращение к исследованию копинга пожилых людей, которые уже перешагнули рубеж продуктивной жизни и вынуждены искать новые пути для совладания со стрессом в условиях ограниченных ресурсов и социальной поддержки. В зарубежных исследованиях активно используются как поперечные, так и продольные срезы выборки, что позволяет проследить возрастную динамику копинга на одной и той же выборке.

В лонгитюдном исследовании J. Erskine, L. Kvavilashvili, L. Myers, S. Leggett, S. Davies (2002–2009) стояла цель доказать предположение о том, что совладание с помощью репрессивного копинга увеличивается с возрастом. В исследовании приняли участие 66 человек, поделенных на две группы: в первой группе (пожилые) средний

возраст составлял 74 года, во вторую группу входили молодые люди, чей средний возраст составлял 27 лет. Для подтверждения своей гипотезы исследователи для начала произвели поперечный срез выборки, исследовав обе группы. В младшей возрастной группе было выявлено 15% респондентов с репрессивным стилем копинга (репрессоры), в старшей – количество таких лиц было в два раза выше (30%). Далее был проведен продольный срез. По его результатам число респондентов с репрессивным копингом увеличилось до 56,4% [12, с. 8]. Данные результаты подтверждаются выводами исследования динамики копинга в процессе старения S. Maeng, который говорит об увеличении консервативности и реактивности в совладании [15]. На основании полученных результатов был сделан вывод, что репрессивное совладание может увеличиваться на протяжении жизни у отдельных индивидуумов и продолжать расти в пожилом возрасте. Репрессивный копинг выступает как психологическая защитная функция, которая приводит к вытеснению травмирующих событий и фактов биографии. Репрессивный копинг позволяет игнорировать физиологические и психологические возрастные изменения, которые влекут за собой негативные последствия для благополучия личности. Таким образом, с течением времени неблагоприятных факторов накапливается больше, что приводит к увеличению репрессивного копинга.

Лонгитюдное исследование M. Diehl, H. Chui, E. Hay, M. Lumley, D. Grün (1992–2004) имело своей целью изучение возрастных изменений копинга и защитных стратегий личности. Эксперимент проводился на широкой выборке от 10 до 87 лет. Авторами было выявлено наличие линейных и нелинейных закономерностей изменения различных форм копинг-поведения [13, с. 640]. В частности, данные показали линейное возрастное снижение в зрелом возрасте для защитных механизмов изоляции и рационализации, и нелинейные изменения для перемещения, сомнения и регрессии. Согласно данным, возрастные изменения ведут к снижению неадаптивных копинг-стратегий вплоть до позднего среднего возраста, в пожилом возрасте они, наоборот, начинают вновь расти. Исследователи связывают эти изменения с когнитивной сложностью личности. В продуктивный жизненный период когнитивная сложность способствует угасанию неадаптивных копинг-стратегий и защитных механизмов, а снижение когнитивной сложности в позднем возрасте, наоборот, способствует их разворачиванию.

Взаимосвязь копинга проблемных ситуаций и возрастных особенностей изучалось M. deMinzi (2005) [14, с. 410]. Респонденты, участвовавшие в исследовании, были разделены на две возрастные группы (20–24 и 40–45 лет), которые сравнивались между собой. По результатам исследования, в старшей возрастной группе доминирующей стратегией совладания является про-

блемно-ориентированный копинг, в юношеской — копинг избегания. Также была выявлена значимая связь между совладанием и особенностью проблемной ситуации для обеих групп. Автор исследования утверждает, что типовые стрессовые ситуации детерминируют выбор предпочитаемой копинг-стратегии. Соответственно, возрастные различия предпочитаемого копинга связаны с различием типичных стрессоров для разных возрастных групп. Однако стоит учесть, что выявленная разница в копинге между выборками вызвана скорее эффектом когорты, чем собственно возрастными особенностями личности.

Таким образом, большинство современных исследователей исходят из позиции, что совладание изменяется под действием возрастного фактора, однако экспериментальные исследования не всегда это подтверждают. Обобщая результаты приведенных работ, можно выявить общие закономерности в динамике структуры копинга, которые объединяют различные исследования, несмотря на отличия в содержательном наполнении

самого копинга. Наиболее продуктивным признается период ранней и средней взрослости, когда личность обладает наиболее разветвленным и интегрированным репертуаром копинг-поведения, направленного на решение проблемных ситуаций тем или иным способом. Характеризуя период юности, авторы сходятся в том, что в данном возрасте происходит становление предпочитаемых копинг-стратегий личности, совладание отличается низкой стереотипизированностью, большим разнообразием применяемых форм поведения, при слабых связях между ними, высока роль поиска социальной поддержки. Поздняя взрослость и более зрелые возраста воспринимаются как период перехода от активных форм копинга к пассивным, поведенческий репертуар личности сокращается, акцент совладания переносится с разрешения проблемы на сохранение личностного благополучия. При этом конкретные формы копинг-поведения на этих этапах могут сильно отличаться от исследования к исследованию, что ставит перед научным сообществом новые вопросы и обозначает необходимость дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бохан Т. Г. Возрастные и социально-психологические характеристики копинг-стратегий в периодах юношества и ранней взрослости // Сибирский психологический журнал. 2002. — № 16–17. С.
2. Верещагина М. В., Чибирова Т. Н. Этнокультурные и половозрастные особенности копинг-стратегий // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Мат-лы V междунар. науч.-практ. конф., Владикавказ.: Северо-Осетинский гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. 2014.
3. Дерманова И. Б., Чеботарева Н. В. Структура совладающего поведения военнослужащих: возрастной аспект // Вест. Санкт-Петерб. ун-та. (Сер. 12. Социология). 2008. Вып. 4.
4. Исаева Е. Р. Возрастные и гендерные особенности стресс-преодолевающего поведения (на примере российской популяции) // Вестн. ТГПУ. 2009. Вып. № 6 (84).
5. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вест. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. № 4.
6. Крюкова Т. Д. Психология совладающего поведения: Моногр. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.
7. Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2008.
8. Лапкина Е. В. Психологическая защита и совладание человека в разные периоды взрослости // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3.
9. Хазова С. А. Позитивная и негативная динамика копинг-ресурсов в период взрослости // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 1.
10. Шакирова М. Р. Особенности страхов и совладающего поведения в зрелом возрасте // Психология — наука будущего: Мат-лы IV Междунар. конф. молодых ученых. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2011.
11. Blanchard-Fields F., Mientkowski A., Seay R. B. Age differences in everyday problem-solving effectiveness: Older adults select more effective strategies for interpersonal problems. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences*. 2007; 62B.
12. Erskine J., Kvilashvili L., Myers L., Leggett S., Georgious G. A longitudinal investigation of repressive coping and ageing // *Aging and Mental Health*, 2015 № 7.
13. Diehl M., Chui H., Hay E., Lumley M., Grün D. Change in Coping and Defense Mechanisms across Adulthood: Longitudinal Findings in a European-American Sample // *Dev Psychol*. 2014 Feb; 50(2).
14. De Minzi M. Stressful Situations and Coping Strategies in Relation to Age // *Psychol Rep*. 2005 Oct; 97(2).
15. Maeng S. Changes in coping strategy with age // ResearchGate. URL: http://www.researchgate.net/publication/318057964_CHANGES_IN_COPING_STRATEGY_WITH_AGE

© Борисова Наталья Михайловна (bonamivita@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ КОРПОРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ТРУДА

INTERPRETATION OF FOREIGN TRENDS IN CORPORATE PSYCHOLOGY IN THE RUSSIAN WORK CULTURE

D. Ginzburg

Summary. Organizational psychology provides a comprehensive framework for understanding, managing and working employees in international and domestic organizations. This article reveals and interprets the transcultural approach to the study of corporate psychology and promotes understanding of the principles of work of a wide range of people in various organizations by identifying both common and subjective features that make people, groups and organizations unique from the point of view of foreign psychology in the context of Russian culture of work. The relevance of this study is emphasized by the fact that in the era of globalization, people of different cultures are increasingly working together, which leads to the establishment of intercultural communication, taking into account foreign and Russian trends in terms of work psychology. A competent interpretation of foreign research within the framework of Russian corporate psychology will help to avoid distorted stereotypes, promote international relations in the labor market and help to make a rational "grain" relevant for use in domestic organizations.

Keywords: corporate culture, corporative culture of an employee, human resources, corporate psychologist.

Гинзбург Денис Александрович

Преподаватель, Открытый гуманитарно-экономический университет, г. Москва
89160116111@mail.ru

Аннотация. Организационная психология обеспечивает всеобъемлющую основу для понимания, управления и работы сотрудников в международных и отечественных организациях. Данная статья раскрывает и интерпретирует транскультурный подход к изучению корпоративной психологии и способствует пониманию принципов трудовой деятельности широкого круга людей в различных организациях путем выявления как общих, так и субъективных черт, которые делают людей, группы и организации уникальными с точки зрения зарубежной психологии в контексте русской культуры труда. Актуальность данного исследования подчеркнута тем фактором, что в эпоху глобализации люди разных культур все чаще и чаще работают вместе, что обуславливает налаживание межкультурной коммуникации с учетом зарубежных и российских тенденций с точки зрения психологии труда. Грамотная интерпретация иностранных исследований в рамках русской корпоративной психологии позволит избежать искаженных стереотипов, будет содействовать налаживанию международных отношений на рынке труда и поможет вынести рациональное «зерно», актуальное для использования при работе в отечественных организациях.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративная культура сотрудника, человеческие ресурсы, корпоративный психолог.

В российских психологических периодических изданиях, в сети Интернет, в рамках научно-практических семинаров и конференций активно обсуждается проблематика современного состояния организационной (корпоративной) психологии, а также возможности практических психологов удовлетворять потребностям заказчиков организационно-психологических услуг. Согласно мнению исследователей Т.Ю. Базарова, А.П. Коняевой (2012), «массовый запрос на профессиональные психологические знания и навыки является неизбежной перспективой» [1, с. 47], при этом, основная часть исследований феномена корпоративной психологии труда опирается на зарубежную теорию и практику.

Как отмечают в своих исследованиях Л.Н. Захарова, Дж.С. Крокстон, Б.Б. Ярмахов (2006), «первой задачей, которую пришлось решать американской корпоративной психологии, была проблема поиска способов повышения успешности человека в системе организационных отношений, его трудовой эффективности» [1, с. 45].

Стоит отметить, что за основу зарубежной психологии труда берется гуманистическая психология. Гуманистический подход выступил в роли реакции против детерминизма психоанализа и бихевиоризма, которые были доминирующими силами в психологии в 1950-х и 60-х гг. Гуманистическая психология отстаивала необходимость изучения личности в целом, субъективного восприятия и феноменологического опыта индивидов. С этой холистической точки зрения поведение не могло быть полностью понято просто с помощью объективных наблюдений, кроме субъективного значения индивидов и их интерсубъективной верификации. Психологи-гуманисты утверждают, что, в конечном счете, люди мотивированы своими убеждениями и восприятием мира, а также врожденными потребностями больше, чем их обстоятельствами [8]. Ровным счетом, как и в корпоративной психологии акцент делается не на нужды компании ради ее блага, а на внутриличностные отношения и психоэмоционально состояние каждого сотрудника в отдельности, гармонизация которых содействует росту, стабильности и благополучию предприятия.

Серьезная интерпретация подобного типа изысканий в настоящий момент осуществляется преимущественно только в кругу учёных-психологов и, соответственно, носит теоретический характер. В то время как многие российские предприятия используют кальку зарубежных корпоративных правил без попытки осознать их сущность. При копировании готовой модели поведения или методик, стоит принимать во внимание особенности менталитета, культуры, географического местоположения, историографию развития и становления народа, религию, которая превалирует у той или иной национальности, темперамент многое другое. Например, в Российских широтах будут неактуальны протестантская этика, сиеста или кодекс самураев, и их введение в корпоративную культуру принесет компании только убытки.

Существует четыре основных подхода, нашедшие отражение в практике российских организаций [6]:

Мотивация. В российском понимании данный феномен интерпретируется, как создание организационных условий, способствующих выявлению лучших качеств в сотрудниках, что требует понимания того, что мотивирует сотрудников или почему люди работают. Соответственно, одной из задач корпоративного психолога является применение теории мотивации труда при организации труда и спектра вознаграждений, которые будут стимулировать к эффективной трудовой деятельности. Аспекты мотивации могут быть расценены как психодинамическая теория, которая подчеркивает общие человеческие качества. Стоит отметить, что в России и за рубежом мотивационные компоненты могут существенно различаться. В то время, как среди отечественных сотрудников наиболее востребованы денежные вознаграждения, например, ежеквартальные выплаты, премии по проектам или выплаты за выслугу лет, то в иностранных компаниях приветствуется, например, номинация «работник месяца» — фотография сотрудника на всеобщем обозрении, который трудился, по мнению руководства, лучше всех за указанный срок.

Удовлетворение от работы. С мотивацией связан вопрос удовлетворенности сотрудниками их работой. Поскольку нет никакой необходимой связи между удовлетворенностью работой и производительностью труда, и поскольку удовлетворенность работой лишь слабо связана с текучестью кадров и прогулами, оценка удовлетворенности отражает общее предположение о том, на что большинство людей тратит треть или более своих бодрствующих часов на работе, чтобы получить удовлетворение от профессиональной деятельности. Исследования могут рассматривать общее удовлетворение или, все чаще, удовлетворение от поставленных задач. Уровни удовлетворенности помогают раскрывать богатую

картину настроений сотрудников, которую руководство может рационально использовать для улучшения вознаграждений, выгод и мотивационных условий.

В зарубежном понимании удовлетворение от работы проистекает от корпоративного патриотизма — данные факторы в сознании иностранного рабочего взаимокоррелируют. В российском сознании удовлетворение от работы формируется не на энтузиазме и патриотизме, а с учетом организации рабочего места, психоэмоциональной атмосферы в коллективе, зарплаты, социального пакета.

Руководство. Задача создания условий труда на основе управления и политики организации возложена на руководителей. Как следствие, изучение лидерского поведения вызывает большую озабоченность у организационных психологов. Выяснение того, что делают лидеры, как люди становятся лидерами, и как подготовить сотрудников к руководящим должностям — все это темы адресованы корпоративным психологам. Интерпретируя принципы профессиональной деятельности топ-менеджеров, российские ученые столкнулись с проблемой дистанционирования руководства от подчиненных, в то время как, например, в Америке демократичное руководство и подчиненные имеют равноценные суждения и мнения, в азиатских странах — жёсткая иерархия.

Организационное развитие. Наконец, многие корпоративные психологи работают в области, известной как «Развитие организации», которая включает в себя различные виды деятельности, в том числе проектные работы, ориентированные на сплочение и единение коллектива, формирование корпоративного духа, в том числе, лидерские упражнения, социально-технические подходы, качество трудовой жизни, самоуправляющиеся рабочие группы, обратную связь, методы повышения согласованности и эффективности групп [6] — любые интеллектуальные и психические «инвестиции» в человеческий ресурс.

Интерпретируя принципы организационного развития сотрудников за рубежом, отечественные психологи сделали акцент на том факторе, что для российских работников важно, чтобы они чувствовали, что приносят пользу предприятию — это подчеркивает их значимость в глазах коллег, начальства и в их собственных глазах. Например, принципы вовлеченности в достижение корпоративных целей и мотивации опирается на методы японского менеджмента.

Стоит отметить, что организационное лидерство (транзакционное или реляционное) может варьироваться от человека к человеку, но практика HR-организаций относительно более стабильна и институциона-

лизирована. В то время как транзакционное лидерство, основанное на модели обмена, фокусируется на вознаграждении и наказании за хорошую и плохую работу соответственно, реляционные аспекты лидерского поведения фокусируются на сотрудниках и их потребностях.

Наиболее очевидный поток реляционных аспектов лидерства, согласно концепции P.C. Flood, N. Ramamurthy, A. McDermott, E. Conway (2008), связан с трансформационной областью лидерства. Однако реляционная ориентация также является важным компонентом в других моделях лидерства, таких как управленческая сетка. Трансформационное лидерство, столь приемлемое за границей, определяется как отношения между лидером и последователем(-ями), основанные на наборе лидерских стереотипов поведения, воспринимаемых подчиненными как проявление идеализированного влияния, мотивационного вдохновения, интеллектуальной стимуляции и индивидуального рассмотрения [5, с. 6], а именно, руководитель является для сотрудников наставником, а не просто властью.

В России еще не привыкли к адекватности и целесообразности трудового союза «руководитель — подчиненный» в рамках коучинга и наставничества, и воспринимается данный феномен как подхалимство со стороны подчиненного и покровительство в ущерб другим со стороны начальства. При этом данный тип лидерства акцентирует внимание на идентификации сотрудников с социальной единицей или рабочей единицей, в которой реализуется лидерство.

Трансформационные лидеры полагаются на персонализированное рассмотрение, обращая внимание на своих подчиненных, регулируя величину и тип внимания, вознаграждения, поддержки, поощрения и коучинг. Тем не менее следует отметить сильную положительную связь между этим стилем руководства и желаемыми результатами, включая организационную приверженность, удовлетворенность работой и снижение потенциальной текучести кадров.

Тем не менее, сегодня почти на каждом предприятии существует своя корпоративная культура, однако, она далеко не всем понятна, в отличие от иностранных компаний, где сотрудники следуют ей осмысленно. Согласно научным исследованиям, «почти 99% представителей иностранных фирм живут по тем корпоративным законам, которые идут напрямую из головных офисов — от формы отчетности до формы одежды. Полное соблюдение этих корпоративных стандартов строго контролируется» [4].

Отличия менталитетов и культур ведёт к тому, что многие неадаптированные заимствованные корпора-

тивные правила кажутся нелепыми, что вызывает еще больший психоэмоциональный диссонанс в организации. Например, за рубежом четко прописывается стиль одежды, диктуемый недопущением провокаций со стороны противоположного пола, в то время как в России жёсткий дресс-код для женщин более дань европейской или американской культуре, чем необходимость, ввиду того, что в России не стоит остро проблема sexual harassment (сексуального домогательства), волнующая американок. Например, «в представительстве компании Boeing ни один мужчина, в соответствии с корпоративным уставом, не станет помогать женщине перенести кипу тяжелых папок. Для США это вполне естественно, потому как за такую помощь он легко может получить повестку в суд за сексуальное домогательство» [4]. Но для русского менталитета это неприемлемо.

Подобные факторы предельно разнят зарубежные и российские представления о корпоративной психологии, этике и культуре, которые тесно коррелирующих друг с другом, что обуславливает необходимость грамотной интерпретации каждого заимствованного элемента во избежание негативного воздействия на отечественную психологию труда в целом.

Таким образом, сегодня корпоративная (организационная) психология находит свое активное применение на предприятиях и пропитывает государственные и коммерческие структуры. Стоит отметить, что в современном понимании данная дефиниция тесно коррелирует с таким понятием, как «корпоративный дух».

Однако в России несколько разнится целеполагание организационной психологии и корпоративного духа: в коммерческих организациях данный феномен расценивается как обязательный компонент успешной трудовой деятельности, а в государственных структурах — как развлекательный элемент узкого круга людей, преимущественно молодежи.

В исследованиях Л.Н. Захаровой (2005, 2006), Дж.С. Крокстон (2006), Б.Б. Ярмахова (2006) «установлено, что для многих предприятий России типична аморфная организационная культура, для которой характерны сильные внутренние противоречия, сдерживающие развитие. Основным вектором организационного развития промышленных предприятий в настоящее время является изменение баланса в организационной культуре в пользу рыночной составляющей с сокращением кланово-бюрократического компонента» [1, с. 49; 3].

Если в российских коммерческих компаниях первичная функция корпоративного психолога — создание благоприятного климата и гармоничных внутриколлективных отношений таким образом, чтобы сотрудники

качественно и продуктивно работали не только из-за денег, но и исходя из профессионального энтузиазма, то в государственных учреждениях формирование корпоративного духа включает в себя, как правило, совместные поездки, тимбилдинги и другие развлекательные мероприятия, объединяющие небольшие группы людей и никаким образом не сказывающиеся на общем психоэмоциональном состоянии всей корпорации.

В последнее время новомодным трендом корпоративной культуры стал «тимбилдинг», на основании которого проводится каждый крупный корпоративный праздник (то есть, как минимум, три праздника за год — Новый год, летом и в день рождения главы предприятия). Во многих компаниях данная форма празднеств превращается в тимбилдинг-акции: «приглашаются тренеры (не всегда квалифицированные), принудительно проводятся ролевые игры, часто не адаптированные под российскую психологию. Подобная практика неэффективна и зачастую вредна для корпоративной идентичности: она не только не дает работникам ничего нового,

но и отнимает законные минуты отдыха и удовольствия» [4].

Таким образом, корпоративные процессы включают в себя организационную культуру; разнообразие рабочей силы; групповую динамику; индивидуальную и организационную мотивацию; лидерство, власть и политику; принятие решений; решение конфликтных ситуаций и помощь в переговорах; личностное и профессиональное развитие каждого сотрудника; организационное развитие. Корпоративная психология предельно информативна, поэтому привлекательна для руководства и конструктивного взаимодействия с подчиненными, и ее содержание применимо ко всем реальным организационным ситуациям и проблемам. Становление корпоративного духа, нацеленного не только на развлекательные мероприятия узкого круга людей, но и на духовное единение всех сотрудников, ориентированное на вектор роста и благополучия компании, опирающееся как на материальное блага, так и на энтузиазм сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров, Т. Ю. Организационная психология: переход от обслуживания менеджеров к партнерству с предпринимателями. Опыт эмпирического исследования и анализ собственной практики / Т. Ю. Базаров, А. П. Коняева // Организационная психология. — 2012. — Вып. 1. — № 1. — С. 42–57.
2. Захарова, Л. Н. Актуальные направления организационно-психологических исследований в России и США (на примере Нижегородского госуниверситета и Университета штата Нью-Йорк) / Л. Н. Захарова, Дж. С. Крокстон, Б. Б. Ярмахов // Вестник Нижегородского университета Им. Н. И. Лобачевского. серия: Социальные науки. — 2006. — № 1 (5). — С. 45–53.
3. Захарова, Л. Н. Аморфная организационная культура и психологические барьеры в управлении / Л. Н. Захарова // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 17–20 ноября 2005 г. — Москва: МГУ. — С. 172–173.
4. Зачем российским компаниям чужая корпоративная культура. URL: <http://elitclub.ru/kkikp/view/3>. Дата обращения: 13.08.2019.
5. Flood, P.C. (2008) Leadership, Human Resource Management and the Content of the Psychological Contract / P. C. Flood, N. Ramamurthy, A. McDermott, E. Conway // Ireland: Dublin City University. — 22 p.
6. Lawson R.B., Shen Zh. (1998) Organizational Psychology: Foundations and Applications. New York: Oxford University Press. — 276 p.
7. Pogodina, A. (2014) Organizational psychologist: a comparative analysis of the expectations of managers of different levels / A. Pogodina // International Annual Edition of Applied Psychology: Theory, Research, and Practice. — № 1. — Pp. 125–139.
8. Wong, P. (2016) Positive Psychology in North America. Nov 1, 2016. Existential Psychology, Positive Psychology, Writing. URL: <http://www.drpaullwong.com/positive-psychology-north-america/>. Dat: 13.08.2019.

© Гинзбург Денис Александрович (89160116111@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ЧУВСТВ КАК ФОРМА АНАЛИЗА МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Градова Нелли Александровна

Психолог, Санкт-Петербургский Государственный
Университет
nelligrad@mail.ru

THE SENSE MODEL AS A FORM OF ANALYSIS OF A PERSON'S WORLDVIEW USING THE SYSTEM APPROACH METHOD

N. Gradova

Summary. The article presents the Model of analysis of higher feelings using the method of a systematic approach. The psychological model demonstrates the correlation of higher feelings as components of a person's worldview, considering higher feelings as separate composite aspects of a worldview. The article considers the possibility of assessing the ratio and level of interaction and integration of the highest feelings of the individual, their importance for social, economic and political activities, the basis of which is the worldview.

Keywords: worldview of a person, higher feelings, ethical feelings, social feelings, aesthetic feelings, cognitive feelings.

Аннотация. В статье представлена Модель анализа высших чувств с использованием метода системного подхода. Психологическая модель демонстрирует соотношение высших чувств как компонентов мировоззрения личности, рассматривая высшие чувства как отдельные составные аспекты мировоззрения. В статье рассмотрена возможность оценки соотношения и уровня взаимодействия и интеграции высших чувств личности, их значение для социальной, экономической и политической деятельности, основой которых и является мировоззрение.

Ключевые слова: мировоззрение личности, высшие чувства, этические чувства, социальные чувства, эстетические чувства, познавательные чувства.

Мировоззрение личности — это основа ориентации в окружающем мире, в политической и экономической действительности. Мировоззрение — это не обязательно сформулированная, осознанная, вербализованная жизненная позиция. Но это всегда некое внутреннее ощущение. Какие же психические процессы могут быть задействованы при формировании, развитии и реализации мировоззрения личности в ежедневно возникающих вопросах взаимодействия личности и общества. Согласно нашей гипотезе, этими психическими процессами являются высшие чувства. При рассмотрении определений мировоззрения и высших чувств, очевидны их общие цели и задачи: «мировоззрение — система взглядов на мир и место человека, общества и человечества в нем, на отношение человека к миру и самому себе, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентации» [10, с. 470]. Высшие чувства определяются как «эмоциональные процессы, выражающие целостное отношение человека к миру и окружающим его людям, отражающие его морально-нравственную позицию» [9, с. 87].

Влияние эмоций и чувств на политическое поведение всегда рассматривались и рассматриваются в новой и новейшей истории, как философами-моралистами 18 века, так и политическими психологами 20–21 веков.

И не только как влияние конкретного эмоционального состояния на непосредственное поведение, но и на более базовом уровне — уровне формирования мировоззрения. Философы-моралисты 18 века во главу угла всех общественных процессов ставили чувства, называемые тогда нравственными. Шотландский философ-просветитель доктор Френсис Хатчесон (1694–1746) в работе «Исследование о добродетели» [5] в 1725 году ввел понятие «нравственного чувства» именно как независимого от действий разума, имеющего некое сходство с внешними чувствами, так как они способны быть — одни «непосредственными и предшествующими чувствами, другие — чувствами рефлексивными и последующими», он первый говорит о независимости моральных чувств: моральных суждений и их мотивов от внешнего влияния. О моральных чувствах писали английский философ, ученик Джона Локка, Энтони Эшли Купер, лорд Шефтсбери (1671–1713) [6], проповедник англиканской церкви Джон Скотт (1639–1695). Последний заявлял, что моральное знание вытекает «не из образования, не из размышления, но из природы наших эмоций, в которых самим устройством нашей природы заложена симпатия к добродетели и антипатия к пороку» [11, с. 26]. Все они, как и многие другие философы конца 17 — начала 18 века, утверждали, что «ведущая роль в нравственной жизни принадлежит не столько разуму, сколько эмоционально-чувственной сфере нашего сознания» [4, с. 5].

Адам Смит, прекрасно объединив исследования своих предшественников и современников в широко известной в те годы книге «Теория нравственных чувств», писал, что «хотя разум, несомненно, является источником всех общих правил нравственности и всех суждений, формируемых нами при содействии этих правил, нелепо и невозможно предположить, чтобы даже в отдельных случаях, послуживших для составления общих правил, первоначальные представления о справедливом и несправедливом исходили бы от разума. Первоначальные представления эти, как и все, на которых основаны общие правила, не могут быть предметом разума, но составляют предмет непосредственного чувства и переживания» [4, с. 309]. Адам Смит относит к нравственным чувствам — чувство справедливости, чувства благодарности, благоразумия, чувство прекрасного, чувствительность и самообладание, гнев, тщеславие, чувство «приличия поступков», чувство негодования, любовь и благорасположение, чувство долга, священного уважения к общим правилам. Он считал, что: «характеры людей, подобно изобретениям и новшествам в институтах гражданского управления, могут или упрочивать или нарушать благоденствие как отдельного человека, так и всего общества» [4, с. 187]. За двадцать лет до написания своей самой известной книги «Исследование о природе и причинах богатства народов» в 1776 году Адам Смит рассматривал уровень развития нравственных чувств каждого гражданина как гораздо более важный аспект политической стабильности и экономического развития: «Какое политическое устройство более способно для упрочения счастья людей, нежели господство мудрости и добродетели? Нет правительства, которое могло бы возместить недостаток нравственности: как бы оно ни было благотворно само по себе, оно может принести всю ожидаемую от него пользу только при содействии добродетелей частных лиц. Напротив, какое правительство может быть до такой же степени вредно и пагубно для людей, что и их собственные пороки? Само правительство может быть дурным и вредным только по тому, что оно недостаточно заботится о предупреждении бедствий, порожденных пороками человека» [4, с. 188].

Триада психологических понятий «эмоциональные, волевые и познавательные процессы» существует до сих пор в форме «эмоциональных, когнитивных и регулятивных процессов», на что указывает в своих работах В. А. Ганзен [1, с. 32]. По мнению Н. Д. Левитова «как и все явления психической жизни, психические состояния не спонтанны, но детерминированы прежде всего внешними воздействиями. В возникновении психических состояний очень велика роль общественных условий» [3, с. 27]. Эмоции — это особый вид психологических состояний человека, своего рода специфический ответ на те или иные обстоятельства, ситуации, затрагивающие

его интересы (потребности) индивида. Они проявляются в виде переживаний, ощущений, настроений, чувств. Чувства же отличает устойчивость эмоционального переживания, возникающих в процессе отношений с окружающим миром. Чувства формируются в ходе развития и воспитания человека и они надситуативны и устойчивы, то есть могут идти в разрез с текущим эмоциональным состоянием. В то время как эмоции, как формы оперативного реагирования и регулирования, при частом повторении, как реакции на внешние обстоятельства, становятся в дальнейшем психическими состояниями — устойчивыми формами, высшими чувствами.

Так как предметом наших исследований являются такие особенности психики, которые отражают мировоззрение личности, как в части экономического, так и политического поведения, то нас и интересуют высшие чувства, в той или иной степени участвующие в экономическом и политическом поведении гражданина.

В данном исследовании мы останавливаемся на этических, социальных, эстетических и познавательных чувствах.

Адам Смит определял социальные чувства, как порожденные желанием одобрения других людей, членов одной социальной группы. При этом этические чувства Адам Смит относил к чувствам общей полезности, иногда не принятые всеми членами общества. Эстетические чувства по Адаму Смиту — это культурные стереотипы как результат восприятия окружающего мира как нормы гармонии. Исследователь эмоций 20 века Г. Х. Шингаров предлагает различать чувства «не только по форме их проявления, сложности структуры, но и по содержанию. ... как правило, духовными потребностями человека становятся отношения между людьми (производственные, личные и т.д.), отношения человека к обществу, процессу познания, прекрасному в человека и природе и т.д.» [7, с. 155]. Он считал, что эмоции и чувства отражают глубокую внутреннюю диалектику личности и общества. В этических, эстетических, познавательных чувствах особенно ярко выражена сущность человека. Г. Х. Шингаров определяет общественный труд и общение людей между собой в каждом конкретном коллективе как факторы, формирующие чувство долга, товарищества, патриотизма, истины и прекрасного и т.д. [7, с. 156]. Он указывает на непосредственную связь социума, потребностей, эмоций и чувств: «Превращение ряда общественных требований, норм общежития и поведения в обществе во внутренние убеждения (принципы деятельности личности) ведет к возникновению идеала личности. Это превращение всегда связано с этическими переживаниями. Без них этические понятия, прививаемые личности, не находят почвы для своего развития. Рано или поздно они теряют свою ценность для мотивации поведения»

ния, для детерминации деятельности личности. В этом процессе превращения требований общества в идеалы личности этические чувства играют роль, аналогичную роли безусловного подкрепления или электрического раздражения «подкрепляющих» зон в головном мозгу при образовании условных рефлексов». [7, с. 161].

Из высших чувств особое место Г.Х. Шингаров отводит этическим чувствам, которые, по его мнению, возникают в процессе усвоения личностью этических норм общества через сравнение личных поступков, намерений и помыслов с требованиями общественной морали. Роль эмоций становится своего рода критерием оценки приемлемости поведения. Это чувство стыда, недовольство собой, желание убежать от людей, чувство позора, ужаса и т.д. Когда другие люди не соответствуют усвоенным этическим идеалам личности, возникают чувства протеста, возмущения, порицания, ненависти, смеха и т.д. Этические чувства выполняют функции «обратной связи», регулирующей поступки личности до уровня ее идеалов.

Следует различать социальные и этические чувства. Первые проявляются в непосредственных нормах общения, отражают социальные потребности, вторые являются индикатором моральных идеалов, стандартом этики; это сложные переживания, позволяющие оценивать поступки и действия себя и других людей с позиции норм данной общественной культуры. Мораль общества, нравственные идеи, этические понятия становятся нравственным идеалом личности, вызывая сложные эмоциональные реакции и регулируя поведение. Именно этические чувства, как сложные образования, играют важную роль в психической жизни личности. Они связаны с нравственными убеждениями, идеалами. В то же время, социальные чувства отражают форы принятого в конкретном обществе стандарта общения через выражаемые и вызываемые этим поведением эмоции.

Следующими мы представим познавательные/интеллектуальные чувства, формирующиеся в процессе познания человеком социальной и природной действительности. Познание человека традиционно рассматривается как эмоциональный поиск истины, связанный с преодолением трудностей, с чувством удовольствия и с чувством неудовольствия, при успешной или при неудачной умственной деятельности. С самого начала элементарные познавательные чувства возникают в связи «с первой, чувственной ступенью познания в качестве эмоционального тона ощущений, приятных и неприятных переживаний образного познания» [7, с. 165–166]. Предшествующими и сопутствующими их развитию являются чувства любопытства, ясности мысли, удивления, недоумения, догадки, уверенности и сомнения в пра-

вильности, чувства творческого подъема и депрессии и т.д. Это и поиск новых фактов и явлений, поиск разнообразных способов решения задач, проведение экспериментов, истолкование их с точки зрения уже существующих теорий, создание новых гипотез для их объяснения, объяснение известных фактов с позиции новой теории, смена одних научных представлений другими. К самым первым и самым необходимым для каждой интеллектуальной деятельности надо отнести чувство любознательности, чувство любви к истине, которые проявляются уже в самом раннем детстве.

Следующая группа чувств — это эстетические чувства, возникающие при восприятии красивых или безобразных явлений природы и общества, произведений искусства и принятой формы реагирования. По своей структуре, содержанию и форме проявления эстетические чувства присущи только человеческой психике. Они возникли в процессе трудовой творческой жизни людей. Они способны оставить глубокий след в психике, и этим, в частности, объясняется воздействие великих произведений искусства. Произведения искусства, книги, музыка, архитектура, являются своего рода образно-эмоционально-эстетической моделью действительности, взаимоотношений людей и общественных событий, присущей именно этому обществу. Критерии красоты в определенной степени связаны с особенностями среды обитания, обусловленными ею экономическими особенностями функционирования социума. Но имеют и универсальные стандарты, например, золотое сечение. Конечно, на сегодняшний день искусство самых разных стилей перешагнуло через границы стран и континентов, при этом выработав новые и сохранив уже имеющиеся границы социальных слоев.

Попробуем представить **Модель чувств**, включающую высшие чувства как выражение мировоззрения личности:

Этические чувства как внутреннее ощущение норм, закона и порядка, как, нравственный, религиозный канон, по которому живет или стремится жить каждый член общества, конкретного общества.

Социальные чувства как чувства, возникающие в процессе общения и регламентирующие сам процесс общения, форму, виды взаимодействия между людьми в конкретном обществе, на личном, бытовом, производственном уровнях.

Познавательные чувства как стремление к поиску истину, некую внутреннюю потребность двигаться вперёд, к цели, интеллектуальную активность, склонность к решению задач, поиск новых путей. Или наоборот, при обратном векторе, это следование готовым решениям,

боязнь возникновения собственных самостоятельных мыслей.

Эстетические чувства — как устойчивое представление о красоте и гармонии, времени, сформированное в результате познания окружающего мира, регулярного использования определенных эстетических форм, носящих явные культурные, национальные и экономически оправданные особенности.

Для анализа места и роли чувств в психической жизни индивида, его мировоззрения, экономического и политического поведения, мы обращаемся к системному подходу, принятому в психологии и подтвердившему свою эффективность и актуальность. Исследования чувств с применением системного подхода необходимы для анализа чувств и синтеза системы их представленности и взаимодействия в мировоззрении, политическом и экономическом поведении личности. Мы предполагаем соотнести их с функциональной структурой психики человека, представленной В.А. Ганzenом в 1983 году [1]. Системный подход был и остается важным инструментом, широко применяемым в рамках Ленинградско-Санкт-Петербургской психологической школы. Общенаучный базис и пентабазис широко используется как в общей, так и в политической психологии. Они представлены в работах по общей психологии В.А. Ганzenа, и в политической психологии — в работах А.И. Юрьева [8], А.Г. Конфисахора [2].

В.А. Ганzen дал подробное логическое аргументированное распределение представлений, разделов психологии, психических функций в соответствии с пентабазисом в работе «Системный подход в психологии», и именно на его классификации мы опираемся в построении этой модели.

Следуя его мысли, мы предлагаем следующее распределение социально значимых высших чувств. Термином «системный подход» он обозначил группа методов, с помощью которых реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих компонентов. При котором «общими задачами системных исследований являются анализ и синтез систем. В процессе анализа система выделяется из среды, определяются состав и структура системы, ее функции, интегральные характеристики (свойства), системообразующие факторы, взаимосвязи со средой, в процессе синтеза строится модель реальной системы» [1, с. 5]. Он отмечает функцию интеграции информации об объекте как главную, при том, что описание объектов как систем выполняют те же функции, что и любые другие научные описания: объяснительную и предсказательную. В качестве примера эффективного использования базисов для анализа реальных объектов он приводит объединение

двух базисов: субстрат — время — пространство — энергия — информация и базиса гармоничного целого: единство — повторяемость — уравновешенность — соподчиненность — соразмерность. К разделу базиса ПРОСТРАНСТВО В.А. Ганzen относит Уравновешенность, к разделу ВРЕМЯ — Повторяемость, ЭНЕРГИЯ — Соподчиненность, ИНФОРМАЦИЯ — Соразмерность. Проследим его логику в дальнейшем анализе основных направлений психологической науки и основных психологических процессов. На основании его логических заключений, которые для нас совершенно органичны, доказаны и жизнеспособны, мы предложим собственную Модель Чувств, как реактивной и регулирующей функций психики, особенно важной для общественного социального — экономического и политического поведения.

Владимир Александрович Ганzen установил следующее соответствие между компонентами базиса СПВЭИ и основными делениями психологии: элементу С соответствует раздел «Общая психология», элементу П — «Социальная психология», элементу В — «Психология развития», элементу Э — «Психология деятельности», элементу И — «Психология различий». Для определения функциональной структуры психики он применил системный анализ и системный синтез. Целостность является фундаментальным свойством психики человека. Для обеспечения целостности разнообразных психических проявлений необходим объединяющий фактор. Посредством психики обеспечивается взаимодействие, объединение человека с объективной реальностью: это проявление интегративной функции сознания. Взаимодействие человека с окружающим миром происходит в двух основных формах: человек отражает объективную реальность, строит модель мира, и при этом, он активно изменяет окружающий мир и самого себя. Два этих вида взаимодействия осуществляются при помощи психического отражения и психического регулирования. И при определенном уровне развития личности становятся мировоззрением личности. «Процессы отражения и регулирования противоположны по своей сущности: целью отражения является повторение, копирование внешнего воздействия, а целью регулирования является нейтрализация, блокирование внешнего воздействия. Таким образом, раздвоив общую функцию психики — интеграцию — на психическое отражение и психическое регулирование, мы совершили первый шаг в системном анализе психики, раздвоив единое на две противоположности. Это раздвоение должно следовать принципу «разделить, но не разорвать». Действительно, психическое отражение и психическое регулирование тесно взаимосвязаны: отражение регулируется, а регулирование невозможно без отражения». [1, с. 28–29]

Надо помнить, что человек это активная система, и в окружающем его мире также много активных объек-

Таблица 1

ЭНЕРГИЯ Соподчиненность ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Произвольное внимание Воля МОТИВ ДЕЙСТВИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ/ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА		ИНФОРМАЦИЯ Соразмерность ПСИХОЛОГИЯ РАЗЛИЧИЙ Произвольная память Речь РЕЧЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА
	СУБСТРАТ Единство ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ Сознание МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
ВРЕМЯ Повторяемость ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ Непроизвольное внимание Аффект ЧУВСТВО ЭМОЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА		ПРОСТРАНСТВО Уравновешенность СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ Перцепция Непроизвольное внимание ОЩУЩЕНИЕ ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

Таблица 2

ЭНЕРГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ/ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА		ИНФОРМАЦИЯ ЭТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА
	СУБСТРАТ МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
ВРЕМЯ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА		ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

тов. Поэтому возможен второй акт раздвоения: необходимо различать активное и реактивное отражение и активное и реактивное регулирование. В результате двух последовательных делений функции интеграции, Ганзен получил трехуровневую иерархическую структуру функций психики человека (функциональную структуру), описанную в общенаучных категориях. И представил ее описание в психологических категориях:

«Сознание + внимание + память реализует функцию интеграции

Перцепция + ощущение + восприятие — функцию реактивного отражения;

Мышление + представления + речь — функцию активного отражения

Воля + мотив + действие — функцию реактивного регулирования» [1, с. 30].

При группировании представленных В.А. Ганзеном базисов и мировоззрения личности через высшие чувства, получаем следующее соотношение (таблица 1).

Где категории ПРОСТРАНСТВО Уравновешенность СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ Перцепция Непроизвольное внимание ОЩУЩЕНИЕ ВОСПРИЯТИЕ соотносятся с СОЦИАЛЬНЫМИ ЧУВСТВАМИ. Так как социальные чувства и есть форма построения, реагирования и регулирования пространства личности.

Категории ВРЕМЯ Повторяемость ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ Непроизвольное внимание Аффект ЧУВСТВО ЭМОЦИИ становятся функциями реагирования и регулирования такого вида высших чувств как ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ/ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА соотносятся с ЭНЕРГИЕЙ, ПСИХОЛОГИЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, Произвольным вниманием, Волей, МОТИВАМИ и ДЕЙСТВИЯМИ как процесс направления, аккумулярования энергии познания.

Категории ИНФОРМАЦИЯ Соразмерность ПСИХОЛОГИЯ РАЗЛИЧИЙ Произвольная память РЕЧЬ ПРЕДСТАВ-

ЛЕНИЕ в данной Модели соотносим с ЭТИЧЕСКИМИ ЧУВСТВАМИ, как системой реагирования и регулирования, так как представления регулируют границы принимаемой информации и определения различий, сохраняемых в некотором информационном коде или этическом кодексе.

То есть собственно Модель Мироззрения личности (Высших Чувств) выглядит так (таблица 2).

Здесь нами получена модель базовых чувств, определяющих, формирующих и регулирующих мировоззренческую, экономическую, политическую, морально-нравственную идентичности. Она демонстрирует функции регулирования и уровень развития и участия высших чувств в деятельности.

Так как данная система учитывает регулятивную функцию чувств, как результата накопления эмоциональных реакций, то ее можно считать Моделью непроизвольного регулятора поведения, соответствующего мировоззрению личности.

Дальнейшая задача наших исследований определить, как экономические и политические предпочтения могут передаваться от одного поколения последующему через формирование и развитие высших чувств.

Значение эмоций невозможно преувеличить: «Эмоциональные реакции личности — одно из важнейших внутренних условий ее психической деятельности, через которые преломляются все внешние воздействия. Каков будет поведенческий акт личности в ответ на то или иное событие, в огромной степени зависит от ее эмоциональной реакции на это событие. Для этического поведения направленность эмоциональных реакций имеет особенно важное значение. Поэтому и эти-

ка как наука о поведении человека в обществе не может не интересоваться проблемой эмоций. Она изучает одну из сторон эмоциональной жизни — проблему источника этических переживаний, их содержательные характеристики» [7, с. 219].

В психологии, при изучении особенностей экономического и политического поведения, проблема взаимосвязи эмоций и потребностей представляет интерес прежде всего со следующих точек зрения «1) правильное понимание взаимоотношений потребностей и эмоций — для ответа на вопрос, каким образом явления социальной и природной среды при определенных условиях, на определенном этапе развития личности превращаются в потребности, в идеалы и мотивы ее деятельности и 2) какую роль играют потребности в мотивации поведения, как потребности определяют активность человеческого сознания» [7, с. 109]. Адам Смит в своей известной книге «Теория нравственных чувств» в 1759 году писал: «Но если по недостатку внимательности к общим правилам мы так часто нарушаем требования вежливости (которые столь легко соблюдать и для нарушения которых нет серьезных мотивов), то, что же случилось бы с требованиями справедливости, искренности, целомудрия, добросовестности, которые иногда так трудно бывает выполнить и которые так часто приходится переступать? От исполнения этих требований зависит существование общества, которое вскоре распалось бы, если бы людям не внушалось уважение к правилам нравственности, имеющим столь важное значение» [4, с. 165].

Как формируются и развиваются высшие чувства, какие факторы влияют на их развитие и как уже сформированные высшие чувства регулируют экономическое и политическое поведение личности, это вопрос наших будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганзен В. А. Системный подход в психологии. Конспект лекций. Ленинград, 1983, Ленинградский университет, 1983, 52 с
2. Конфисахор А. Г. Психология власти. Издательство: Питер, 2004, 235 с
3. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. Из-во «Просвещение», М.: 1964, — 344 с
4. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика. 1997. — 351 с
5. Хатчесон Ф. Юм Д. Смит А. Эстетика, М., «Искусство», 1973 г. — с.480
6. Шефтсбери «Эстетические опыты», Москва «Искусство» 1975 г., 544 с
7. Шингаров Г. Х., Эмоции и чувства как формы отражения действительности, Издательство «Наука», Москва, 1971 г., 224 с
8. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. Из-во СПбГУ 1992, 232 с.
9. Психология человека от рождения до смерти / Под общей ред. А. А Реана -СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 656с. «Психологическая энциклопедия».
10. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004.
11. Voitle R. B. Shaftesbury's Moral Sense //Studies in Philology. 1955 Vol. 52.

© Градова Нелли Александровна (nelligrad@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ФАКТОРОВ СМЫСЛОВОГО БУДУЩЕГО В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СТУДЕНТОВ

THE ROLE OF SEMANTIC FUTURE FACTORS IN THE PROFESSIONAL SELF- DETERMINATION OF STUDENTS

*T. Egorova
E. Golubeva*

Summary. the article defines the role and place of the semantic future in the process of professional formation of students. The definition of this phenomenon is given, the main components of the semantic future are given. The results of the study are presented, showing the role of the dominant factors of the semantic future of college students in relation to the chosen direction of professional training.

Keywords: profession, professional self-determination, semantic future, relevance, economic efficiency, reflective assessment of one's own professional preparedness, factor analysis, cross tabulation method, internal personality disposition, student, research, young specialist, hotel service, tourism.

Егорова Татьяна Евгеньевна

*Д.псих.н., доцент, Российская Академия Народного
Хозяйства и Государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

Голубева Елена Андреевна

*Аспирант, Российская Академия Народного
Хозяйства и Государственной службы при Президенте
Российской Федерации
ele74232429@yandex.ru*

Аннотация. в статье определяется роль и место смыслового будущего в процессе профессионального становления студентов. Дается определение данного феномена, приводятся основные компоненты смыслового будущего. Представляются результаты исследования, показывающие роль доминирующих факторов смыслового будущего обучающихся в колледже применительно к выбранному направлению профессиональной подготовки.

Ключевые слова: профессия, профессиональное самоопределение, смысловое будущее, релевантность, экономическая эффективность, рефлексивная оценка собственной профессиональной подготовленности, факторный анализ, метод кросс табуляции, интернальная личностная диспозиция, студент, исследование, молодой специалист, гостиничный сервис, туризм.

На определенном этапе жизни перед каждым молодым человеком встает проблема выбора профессии, проецирование себя в свое профессиональное будущее. Большая помощь в этом выборе оказывается профориентационной работой образовательных учреждений. Продуктивность этой работы во многом зависит от степени изученности в науке факторов, снижающих у молодых людей риски возникновения противоречий выбора [1]. Обычно такие противоречия обнаруживаются на первых ступенях профессионализации субъекта, когда его ожидания сталкиваются с реальными профессиональными задачами. Сегодня образовательные учреждения испытывают трудности при оказании профориентационной поддержки молодым людям. Связано это с недостаточной изученностью в науке самого феномена смыслового будущего, его характеристик (факторов), позволяющих человеку адекватно оценивать себя применительно к будущей профессии. А именно, видеть свои перспективы, правильно определять достоинства профессии, трудоёмкость задач, с которыми может столкнуться будущий специалист, её объективные риски [3,4], а так же обнаруживать и соотносить свои качества с профессиональными требованиями.

Выявленные нами противоречия позволили увидеть ряд исследовательских задач, одна из которых обсуждается в данной статье.

В ходе исследования было важно определить детерминирующие факторы профессионального самоопределения студентов и выявить степень их проявления у студентов разных профессиональных направленностей.

Теоретический анализ позволил определить смысловое будущее, как проецирование человеком своих личностных качеств в будущую профессию, а так же выявить его составляющие. Такие как: культурная релевантность (способность реализоваться в жизни как профессионал), экономическая эффективность (система знаний и навыков), рефлексивные оценки собственной профессиональной подготовленности и результативность (постановка целей)[2].

Это позволило конкретизировать основные функции будущего специалиста, в числе которых были выделены функции, связанные с социально-культурной реализацией потребностей человека; функции, связанные с производством продукта и которые определяются через надёжность и качество работы профессионала; функции, связанные с планированием целевых программ профессиональной деятельности; функции, которые связаны с обеспечением саморазвития и самоактуализации профессионального развития.

Опытно-экспериментальная база исследования — Нижегородский колледж малого бизнеса. В вы-

Таблица 1. Сравнительный анализ уровней «социально-психологической адаптированности» у студентов Нижегородского колледжа малого бизнеса, выбравшие специальности гостиничный сервис и туризм

Направление профессиональной подготовки	Уровень «социально-психологической адаптированности»			всего
	низкий	средний	высокий	
Гостиничный сервис	22 (15.7%)	102 (72.9%)	16 (11.4%)	140 (100%)
Туризм	14 (12.6%)	78 (70.3%)	19 (17.1%)	111 (100%)
Всего	36 (14.3%)	180 (71.7%)	35 (13.9%)	251 (100%)

Таблица 2. Сравнительный анализ уровней «позиции лидерства» студентов направлений туризм и гостиничный сервис

Направление профессиональной подготовки	Уровень «позиции лидерства»			Всего
	низкий	средний	высокий	
Гостиничный сервис	33 (22.0%)	97 (64.0%)	21 (14.0%)	151 (100%)
Туризм	7 (7.0%)	72 (72.0%)	21 (21.0%)	100 (100%)
всего	40 (16.0%)	169 (67.2%)	42 (16.8%)	251 (100%)

борку испытуемых вошли студенты колледжа, обучающиеся по специальности «Гостиничный сервис» и «Туризм» в количестве 251 человек.

Для решения поставленных задач были применены следующие методики: Дж. Роттера Е. Бажина, А. Голинкиной, А. Эткинды, К. Роджерса, Р. Даймонда, В. Мильмана, Т. Элерса, Т. Лир, Б. Додонова. Кроме того, в исследовании был применен факторно-аналитический подход.

Использование метода факторного анализа позволило нам вычислить количественные показатели по восьми выделенным факторам («интернальной личностной диспозиции», «социально-психологической адаптивности», «мотивации достижения успеха», «готовности к социальному взаимодействию», «позиции лидерства», «личностной креативности», «познавательной личностной диспозиции», «комфорта и коммуникации»). Использование факторного анализа свело весь массив данных в легко интерпретируемые латентные личностные факторы, однако для определения уровней выражения этих личностных факторов был применен метод направленный на выявление особенностей выражения личностных факторов у студентов, дифференцированных по критерию «направление профессиональной подготовки». С этой целью исследуемые

были разделены на две группы: группа 1 — студенты, выбравшие специальность гостиничный сервис; группа 2 — студенты, выбравшие специальность туризм. Чтобы выявить возможные процентные тенденции в уровне выражения личностных факторов у студентов, дифференцированных по критерию «направление профессиональной подготовки», был применен метод кростабуляции.

Сравнение процентных тенденций распределения интернальных атрибутивных характеристик у студентов в направлениях гостиничный сервис и туризм не выявило существенных различий между ними. Процентные показатели среднего и высокого уровней отличаются не слишком существенно (13,6% на высоком уровне у студентов, которые выбрали специальность гостиничный сервис против 14,4% в этом же уровне у студентов по специальности туризм и, соответственно, 68,6% против 71,2% на среднем уровне), что свидетельствует о почти одинаковых интернальных личностных установках студентов обеих групп по отношению к значимым событиям и ситуациям личной, профессиональной и общественной жизни.

Относительно социально-психологической адаптированности можно утверждать о высоких показателях

Таблица 3. Сравнительный анализ уровней «личностной креативности» студентов направлений туризм и гостиничный сервис

Направление профессиональной подготовки	Уровень «личностной креативности»			Всего
	низкий	средний	высокий	
Гостиничный сервис	29 (19.2%)	90 (59.6%)	32 (21.2%)	151 (100%)
Туризм	20 (20.0%)	70 (70.0%)	10 (10.0%)	100 (100%)
всего	49 (19.5%)	160 (63.7%)	42 (16.7%)	251 (100%)

процентных тенденций на высоком уровне у студентов направления туризм (17,1% специальность туризм против 11,4% гостиничный сервис), что является закономерным.

Анализ данных, показывает достоверные различия в процентных показателях двух групп испытуемых на всех уровнях готовности к социальному взаимодействию и значит, что исследуемые студенты, выбравшие специальность гостиничный сервис менее готовы к социальному взаимодействию, поскольку их показатель «высокого» уровня составляет лишь 12,1% против 23,4% у студентов направления туризм. Разница процентных показателей на этом уровне фактора готовности к социальному взаимодействию составляет 11,3%.

В таблице 2 показываются достоверные различия в процентных показателях двух групп испытуемых на всех уровнях позиции лидерства и позволяет сделать вывод, что исследуемые студенты специальности «Туризм» в большей степени претендуют на лидерство, чем «Гостиничный сервис».

Сравнительный анализ уровней *личностной креативности* у студентов разных специальностей показал, что существуют достоверные различия по средним и высоким уровням выражения этого фактора. Процентные показатели указывают на доминирование учащихся по направлению «Туризм» по высокому уровню выражения этого фактора (см. табл. 3).

Если исходить из определения креативности как тенденции генерировать или распознавать идеи и альтернативы, которые являются полезными для решения различных задач, коммуникации с другими людьми, развлечения себя и других [5], то студенты, обучающиеся по направлению «Туризм», более настроены на использование своих ресурсов, опыта, знаний, чтобы удовлетворить свои потребности именно в этом. Высокие показатели у студентов, выбравших направление «Гостиничный сервис», на среднем уровне указывают на их превосходящую склонность к творческой реализации,

однако они сдерживают ее, вероятно, боясь быть отвергнутыми обществом.

Что касается познавательной личностной диспозиции, то студенты «Гостиничного сервиса» имеют значительно более низкие показатели на высоком (9,0%) уровне по сравнению со студентами по направлению обучения «Туризм» (15,2%), но несколько выше на низком (10,6% — «Туризм», 16% — «Гостиничный сервис») и почти не отличаются на среднем (74,2% — «Туризм», 75,0% — «Гостиничный сервис») уровнях. Поэтому можно утверждать, что положительные эмоции от получения новой информации, стремление быть в гармонии с окружающими более характерны для туризма.

Сравнительный анализ уровней *комфорта и коммуникации* у студентов разного направления обучения выявил достоверные различия на низком и высоком уровнях выражение фактора. Учитывая то, что только 6% студентов «Гостиничный сервис» в противовес 20,0% по направлению «Туризм» на высоком уровне (разница составляет 14%) проявляют стремление к комфорту и коммуникации, можно констатировать доминирование группы «Туризм» по этому фактору.

Эмпирически установлено, что процесс профессионального самоопределения выбранной группы студентов обусловлено мотивационными факторами как определенной структурой личностных свойств. Доказано, что факторами профессионального самоопределения студентов, выбравших специальности гостиничный сервис и туризм в комплексе их личностных свойств являются: высокая мотивация социальной полезности, общей активности, социального статуса, жизнеобеспечения и успеха, высокие показатели интернальности в сфере достижений, производственных и семейных отношений, в сфере неудач и межличностных отношений (фактор интернальной личностной диспозиции); особенности социального взаимодействия, выражающиеся в неуступчивости, самостоятельности, корысти, недоверчивости и излишней независимости (фактор низкой готовности к социальному взаимодействию).

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова Т. Е. Никольская А. А., Скуратовский С. М. Теоретические аспекты исследования понятия внутренней свободы в контексте субъектности и активности человека. *Международный научно-исследовательский журнал Успехи современной науки* № 2. 2017, с. 96–99
2. Еремеева О. А. Научные достижения и открытия в системе профессионального образования: методические и организационные аспекты. — Казань: Познание, 2018. — 158 с.
3. Заболотная С. Г. Образ профессионального будущего студентов медицинского вуза в понятийном поле педагогики // *Научное обозрение. Педагогические науки*. — 2017. — № 4. — С. 49–56; URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1640> (дата обращения: 08.05.2019).
4. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Асимметричное профессиональное будущее современной молодежи / *Педагогическое образование в России*. 2013. № 4. — С. 258–263
5. Фрэнкин Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты. — 5-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — С. 559.

© Егорова Татьяна Евгеньевна, Голубева Елена Андреевна (ele74232429@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

МЕРА СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВРАЧА И ПАСТЫРЯ ПРИ ЛЕЧЕНИИ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ БОЛЬНЫХ

MEASURE OF FREEDOM AND RESPONSIBILITY OF A DOCTOR AND A PRIEST IN THE TREATMENT OF HIV-INFECTED PATIENTS

A. Kadyshv

Summary. The article discusses the ethical problems that doctors face in their work with HIV-infected patients. A special place is occupied by the problem of human freedom and responsibility. It is indicated that despite the fact that the freedom of the doctor is ensured by his moral principles, to which his work is subject, at the same time it is limited by numerous circumstances and regulations, among which the principle of informed consent for any medical intervention or examination occupies a special place. Refusal of examinations is very common precisely in risk groups. The problems of speedophobia and the reasons for its occurrence, as well as the sources of the conflict between the two principles of medical ethics are examined: the human right to keep his diagnosis secret and the doctor's duty to warn other people about the danger of being infected from this person. The article shows how to overcome the difficulties encountered by doctors of a similar nature. It is alleged that they are in close cooperation with the Church, which for thousands of years has successfully solved the numerous problems of treating the sick and comforting the afflicted. Having in its arsenal of only one inherent methods for the care of patients and the healing of their souls, the Church may turn out to be the missing link between the doctor and HIV-infected patients, thereby becoming a natural partner of the doctor.

Keywords: freedom; medical and ethical problems; HIV-infected; speedophobia; Church, as a public institution.

Кадышев Алексей Сергеевич (игумен Антоний)

К.м.н., к. богословия, докторант, Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия;
Врач-стоматолог, АНО ЦКБ св. Алексия, г. Москва
i8e2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы этического характера, с которыми сталкиваются врачи в своей работе с ВИЧ-инфицированными пациентами. Особое место занимает проблема свободы и ответственности человека. Указывается, что несмотря на то, что свобода врача обеспечивается его нравственными принципами, которым подчиняется его деятельность, в то же время она ограничивается многочисленными обстоятельствами и регламентациями, среди которых особое место занимает принцип информированного согласия на любое медицинское вмешательство или обследование. Отказ от обследований весьма распространен именно в группах риска. Рассмотрены проблемы спидофобии и причины ее возникновения, а также источники возникновения конфликта между двумя принципами медицинской этики: правом человека на сохранение в тайне своего диагноза и обязанностью врача предупредить других людей об опасности быть зараженными от этого человека. В статье показаны пути преодоления возникающих у врачей трудностей подобного свойства. Утверждается, что они лежат в тесном сотрудничестве с Церковью, которая на протяжении тысячелетий достаточно успешно решала многочисленные проблемы лечения больных и утешения страждущих. Имея в своем арсенале только ей одной присущие методы попечения больных и врачевания их душ, Церковь может оказаться недостающим звеном между врачом и ВИЧ-инфицированными пациентами, тем самым становясь естественным партнером врача.

Ключевые слова: свобода; медицинские и этические проблемы; ВИЧ-инфицированные; спидофобия; Церковь, как общественный институт.

Несмотря на снижение заболеваемости и уменьшение смертности от ВИЧ-инфекции, проблема ВИЧ-инфекции в настоящее время пока далека от разрешения. Болезнь продолжает поражать наиболее трудоактивные возрастные группы людей. При этом, молодые люди в возрасте 15–29 лет практически не интересуются информацией о ВИЧ и о необходимости ответственного поведения, делая их потенциальными жертвами ВИЧ-инфекции. Одновременно с этим в обществе существуют такие социальные явления как паника, общественная истерия и *спидофобия*. Это привело к осознанию того, что с эпидемией следует бороться всем миром.

Главная задача во время эпидемии — это оказание медицинской помощи людям. Но на состояние здоро-

вья человека, живущего с ВИЧ, в не меньшей степени влияют и социальные, нравственные и духовные аспекты. Медицинская помощь — дело врача. Духовное врачевание человека — дело священника, а Церковь — это лечебница, исцеляющая душу человека. Поэтому Церковь и медицина — это естественные партнеры [2].

Сложность в работе с ВИЧ-инфицированными людьми обуславливается многими *этическими проблемами*. По своему долгу врач первым сталкивается с ними. Особое место среди прочих проблем — это проблема *свободы и ответственности человека*. Свобода — это состояние субъекта (индивида), в котором он является определяющей причиной своих действий, то есть они не обусловлены непосредственно иными факторами, в том числе природными, социальными, межличност-

но-коммуникативными и индивидуально-родовыми [3]. Но свобода не является синонимом *вседозволенности*, и за нарушение прав и свобод других субъектов индивид будет нести ответственность по законам, принятым социумом [4, 5].

У врача формой проявления свободы всегда выступал *моральный выбор*. В соответствии со своим моральным выбором врач способен перейти от размышлений или сомнений к действиям. А *мера свободы* в деятельности врача определяется его отношением к добру и злу. *Свободный выбор* совершается врачом с момента принесения клятвы делать людям добро, и все свои дальнейшие действия совершаются врачом в соответствии со *своим мировоззрением*: «В любое время помогать каждому больному, независимо от его социального происхождения, вероисповедания и национальности». А *нравственные требования общества* заставят его действовать более ответственно, напоминая ему: «Не навреди», «Не убий» и др. [4].

Таким образом, свобода врача гарантируется *нравственными принципами*, которым подчиняется его деятельность. Естественным ограничением может быть уровень развития медицины, фармакологии, уровень экономического развития страны и ее политический режим, уровень культуры населения и пр. При этом, чтобы защититься от собственных безнравственных поступков или от произвола других (администрации или необоснованных претензий больного или его родственников), от врача требуется определенная предосторожность в соблюдении этих принципов [4, 5].

Свобода действий врача неразрывно связана с его правами, которых не так много. Действия врача регламентированы и ограничены клятвой Гиппократова, методиками (иногда устаревшими), инструкциями, приказами, распоряжениями — от Минздрава до главврача больницы. В рамках запретов и разрешений сложно быть свободным. И врачи, работающие с ВИЧ-инфицированными, сталкиваются с этими ограничениями уже на этапе обследований больных и получения их согласия на сдачу анализов на ВИЧ.

В современном обществе действующая норма в здравоохранении — это принцип *информированного согласия* на любое медицинское вмешательство или обследование. Этот принцип — превращенная форма демократического права пациента распоряжаться собственным телом. Отказ от обследований весьма распространен именно в группах риска. Между тем, обследование на ВИЧ в эпидемиологических целях чрезвычайно необходимо для мониторинга и организации предупреждения этого заболевания.

В настоящее время для многих стран, и для России, актуальными остаются вопросы:

первый — обязан ли каждый человек пройти тестирование на ВИЧ-инфекцию?

И второй — возможно ли разрешать этические дилеммы на основании обязательного государственного учета ВИЧ-инфицированных, или на основании приоритета *прав автономии пациента*?

В настоящее время решить эти вопросы невозможно, так как господствующая международная идеология *прав человека* не допускает никаких медицинских вмешательств без согласия человека. Общество не может принудить человека пройти тест на ВИЧ. В этом случае возникает конфликт прав. Правом не информировать общество о своей болезни — с правом оградить себя от случайного заражения [5].

Но именно принцип автономии личности и прав человека порождает *дискриминацию и стигматизацию* ВИЧ-инфицированных, в основе которых лежит «спидофобия». И хотя права ВИЧ-инфицированных в России защищены Федеральным и международными законами, больные всё равно встречаются со случаями дискриминации почти повсюду. А дискриминация ВИЧ-инфицированных попирает права человека и основополагающие принципы общественного здравоохранения. Она вызывает у больного чувства отчаяния, вины, отчуждения и мести. Такой человек в дальнейшем будет намеренно распространять инфекцию. А это подрывает усилия общества в борьбе с эпидемией.

Со спидофобией и стигматизацией больных связаны и проблемы врачебной тайны и конфиденциальности. Право граждан на неприкосновенность частной жизни и право на неразглашение врачебной тайны обеспечивается Конституцией РФ. Это один из основополагающих принципов биомедицинской этики. Однако, согласно закону, при угрозе распространения инфекционных заболеваний, *допускается* предоставление сведений о носителях инфекции без его согласия. И опять возникает конфликт между двумя принципами медицинской этики: *правом человека на сохранение в тайне своего диагноза и обязанностью врача предупредить других людей об опасности быть зараженными от этого человека*.

Условия возможности нарушить врачебную тайну в этом случае зависят от многих обстоятельств. В том числе и от того, как оценивается врачом степень адекватности и ответственности ВИЧ-инфицированного пациента.

Стигматизирующее отношение к ВИЧ-инфицированным бывает и среди работников здравоохранения.

Отказ некоторых медработников оказывать помощь ВИЧ-инфицированным — это реальная проблема, с точки зрения профессиональной этики. Ее решение лежит в области исполнения принципа доминанты интересов больного над интересами врача. Врач должен ставить во главу угла сострадание и уважение к человеческому достоинству пациента и полностью отвечать за все аспекты медицинской помощи [4, 5].

А как относится к медицине и врачам ВИЧ-инфицированные? Как ни грустно — не всегда хорошо. И врач, и клиника связываются у больного с болью и страданиями, с зависимостью от незнакомых и не всегда симпатичных людей; смерть осознается уже как близкая реальность. У больных возникает страх разглашения диагноза, чувство тревоги о состоянии своего здоровья и здоровья своих близких. У пациентов закономерно появляется недоверие к медработникам и, как следствие, формируются негативные установки на лечение. Больничные правила часто вызывают у человека чувство злобы и ненависти ко всему окружающему. Пациенты предвидят подчинение своей жизни дисциплине лечению и большие расходы на него в дальнейшем. Дискриминация и стигматизация больных ВИЧ приводит к тому, что больные избегают посещения лечебно-профилактических учреждений. Это ведет к ухудшению их состояния здоровья, росту инвалидизации и к увеличению материальных затрат государства на их лечение [5].

То есть, в основе всех проблем взаимоотношений врач-пациент лежат дискриминация и стигматизация ВИЧ-инфицированных.

Что же должна делать Церковь в таких условиях и какова роль священника?

С нашей точки зрения, Церковь и есть как раз недостающее звено между врачом и пациентом. Поэтому очень важно, чтобы во всех центрах тестирования на ВИЧ-инфекцию была доступна информация не только о центрах психологической поддержки ВИЧ-инфицированных, но и координаты церквей и сестричеств милосердия, которые работают с такими больными [2].

Церковь предлагает свои прекрасные дары всякому желающему их. Таких даров два: земной и небесный, мистический.

Земной дар Церкви — это всегда присущее и реально осуществляемое дело утешения страждущих. Дело утешения происходит и на приходах, и в стационарах.

Работа священников при этом происходит по трем направлениям:

Первое направление решения проблем ВИЧ-инфицированных начинается с просвещения людей на приходах в вопросах безопасности контактов с ВИЧ-инфицированными, совместного причащения с ними, недопустимости их стигматизации и дискриминации и с разъяснения, к чему может привести стигматизация. Следует постоянно подчеркивать, что благожелательность должна распространяться на людей оступившихся, нуждающихся в сострадании и поддержке, а не на их грех и безнравственность.

Второе направление — служить молебны о здравии ВИЧ-инфицированных. Информация о таких молебнах должно быть доступно в центрах-СПИД, поликлиниках, на сайтах церквей. Эти молебны могут посещаться и ВИЧ-инфицированными, и их близкими, и всеми, кто проявляет сочувствие к больным.

Третье направление — пастырская работа, направленная на формирование у ВИЧ-инфицированных прихожан осознания необходимости принятия медицинской помощи и лечения.

Вот на этом направлении и происходит работа священника с больным человеком по формированию у него чувства ответственности перед Богом и людьми, чувства обязанности пройти тестирование на ВИЧ-инфекцию, если у него есть подозрение на ее наличие. А если человек уже получил ВИЧ-диагноз, то принимать медицинскую помощь.

Священник должен объяснить больному человеку, что, прежде всего, нельзя падать духом; что всё дается нам от Бога, и хотя оно не всегда бывает приятным, но всегда дается для того, чтобы чему-то нас научить. А раз человека можно еще научить, то его нельзя считать погибшим. Объяснить, что человеку и самому надо хорошо поразмыслить, чему необходимо научиться именно ему в сложившихся обстоятельствах. А телесная болезнь должна помочь нам исправить наши душевные недуги, и что в этом как раз и состоит главный ее урок.

Священник должен донести до больного необходимость доверять врачам и принимать лечение, потому что врачевание — от Бога. Сам Иисус Христос во время Своего земного пребывания исцелял больных.

Но Церковь предлагает не только земной, но и небесный, мистический дар. Многим введомо сила таинств Православной Церкви. Поэтому нельзя лишать их больных. Всякий желающий должен быть окрещен, исповедован, особорован, приобщен святых Христовых Таин и, таким образом, имел бы возможность прибегнуть непосредственно к животворящей Божией благодати.

Наши исследования показали, что 35% ВИЧ-инфицированных больных крестились в Православии уже получив диагноз ВИЧ, а со многими психологическими проблемами к Церкви за помощью обращаются в 17 раз чаще, чем к профессиональным психологам [2].

Голос Церкви, как общественного института, очень важен. Если больной узнает от священника, что он не одинок, а страдания его имеют смысл, то ему откроется путь

к такой свободе, о которой прекрасно выразился архимандрит Иоанн (Маслов): «Только надлежащая переоценка прежних духовных ценностей, перенесение центра стремлений, желаний и помышлений с внешних предметов на внутренний мир, освобождение от всего греховного, что отдаляет от Бога, доставляют человеку истинную свободу и очищение сердца, духовную целеустремленность, сосредоточенность, способность ко всякому доброму делу как в Церкви Христовой, так и в обществе» [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Духовные рассуждения и нравственные уроки Схиархимандрита Иоанна Маслова. Под ред. Н. В. Маслова. — М.: Самшит-издат, 2011. — 816 с.
2. Игумен Антоний (Кадышев), Егорова О. Ю. Пастырская работа с ВИЧ-инфицированными пациентами в условиях стационара. Методические рекомендации для священников РПЦ и сестер милосердия. — М.: Издательский дом «ПОЗНАНИЕ», 2019. — 128 с.
3. Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2000. — Т. 1–4. — 2659 с.
4. Силуянова, И. В. Современная медицина и православие. — М.: Изд. Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998. — 105 с.
5. Силуянова, И. В. Биомедицинская этика: учебник и практикум для академического бакалавриата. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 312 с.

© Кадышев Алексей Сергеевич (игумен Антоний) (i8e2008@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ГИПНОТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ МАСС В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ ПОМОЩИ ПРОДАЖИ ТОВАРОВ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF HYPNOTIC MANIPULATION OF THE CONSCIOUSNESS OF THE MASSES IN THE MEDIA SPACE THROUGH THE SALE OF GOODS

A. Manukyan

Summary. The purpose of the article is to determine the main directions of hypnotic manipulation of people's minds through exposure to them through neuromarketing. Research objectives: to characterize the concepts of neuromarketing, hypnotic manipulation of mass consciousness; to analyze the manipulation of neuromarketing to influence the mind of the buyer; to identify the features of neuromarketing technology used to promote products by specialists in the field of marketing and merchandising; to describe the main ways of hypnotic manipulation of the minds of customers in modern conditions. To solve the problems in the article, such research methods are used as: observation, analysis, synthesis, description. The hypothesis of the study lies in the fact that today there are effective methods of hypnotic manipulation of the minds of customers, allowing you to enter people in the so-called trance state, under the influence of which a person acquires a particular product. The results of the study consist in the fact that the basic socio-psychological mechanisms of hypnotic manipulation of the consciousness of the masses used in neuromarketing have been established and described.

Keywords: aromamarketing, the limbic system, manipulation, neuromarketing, a consciousness, a supermarket.

Манукян Арменуи Мнацакановна

*К.п.н., доцент, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна
arminemanukyan@rambler.ru*

Аннотация. Цель статьи — определить основные направления гипнотического манипулирования сознанием людей посредством воздействия на них через нейромаркетинг. Задачи исследования: охарактеризовать понятия нейромаркетинга, гипнотического манипулирования сознания масс; проанализировать манипуляции нейромаркетинга с целью воздействия на сознание покупателя; выявить особенности техники нейромаркетинга, применяемой для продвижения продукции специалистами в области маркетинга и мерчандайзинга; описать основные пути гипнотического манипулирования сознанием покупателей в современных условиях. Для решения поставленных задач в работе использованы такие методы исследования как: наблюдение, анализ, синтез, описание. Гипотеза исследования заключается в том, что на сегодняшний день существуют эффективные приёмы гипнотического манипулирования сознанием покупателей, позволяющие ввести людей в так называемое состояние транса, под воздействием которого человек приобретает тот или иной товар. Результаты исследования состоят в том, что установлены и описаны основные социально-психологические механизмы гипнотического манипулирования сознанием масс, применяемые в нейромаркетинге.

Ключевые слова: аромамаркетинг, лимбическая система, манипуляции, нейромаркетинг, сознание, супермаркет.

Современная жизнь имеет свою специфику и уникальность. Люди любят бренды, люди становятся брендами. Люди покупают то, что когда-то видели, либо то, о чем когда-то слышали. У всех появилась паранойя «узнаваемости». Кофе только с пенкой, телефон с известным «яблоком», рестораны с узнаваемым шеф-поваром, отдых там, где можно встретить знаменитость. Размыты границы индивидуальности, хотя все пытаются быть уникальными. Уникальными с конвейерными привычками.

Иногда сложно в этом признаться, но населением управляют специалисты из маркетинговой сферы. Именно они определяют, какой шампунь купит хозяйка, какие памперсы будет носить малыш, на какой машине будет ездить папа. Иногда полезно взглянуть на «мир покупок»

не через призму покупателя, а через призму маркетингового мира.

За покупателей давно сделали выбор, загипнотизировали на «нужное» решение.

Человек делает выбор товара эмоционально, маркетологи манипулируют сознанием покупателя, заставляя купить больше продуктов и товаров, и лишь приходя домой человек понимает, что купил много не нужного. Таким образом, как маркетологи буквально залазят в мозг покупателя, манипулируя сознанием, для того чтобы покупатели потратили как можно больше денег. Они знают, как усыпить сознание так, чтобы манипулировать эмоциями, с помощью света, музыки, запахов и цвета. И это срабатывает, хотя покупатель этого не замечает.

Когда покупатели ходят среди полок, забитых огромным количеством товара, просто глаза «разбегаются» от такого огромного выбора. И мозг чтобы защититься от информационной перегрузки входит в состояние транса. Это состояние знакомо каждому, за несколько секунд взгляд застывает, голоса окружающих становятся едва слышны, человек углубляется в себя. Вместо 32 раз в минуту глаза моргают 14, а движения становятся замедленными. Это похоже на легкое действие цыганского гипноза. То же самое происходит в супермаркете.

Состояние транса — это состояние повышенной внушаемости, а в супермаркете прилагают все усилия, чтобы ввести покупателя в это состояние.

Состояние транса зарождается в коре головного мозга, отвечающей за рациональные действия, которая дает разрешение подкорки головного мозга, то есть подсознанию. Вот так покупателем начинает руководить участок мозга названный лимбической системой, отсюда берутся все чувства и эмоции. Как огромный компьютер лимбическая система хранит в подсознании все эмоциональные реакции и опыт многих поколений.

Недавно проведенные исследования показали, что в 90% случаев человек делает выбор не осознанно, например покупатели видят айсберг на этикетке воды и подсознание сразу говорит, что вода кристально чистая и прохладная. Чувствуют запах жаренного мяса, и руки сами тянутся к полке с мясом и кетчупом. Слышат романтическую музыку и вот ассоциация с любовью, розами, шоколадом. Вот таким образом в тележке появляются продукты, которые не нужны, покупатели их купили, руководствуясь эмоциями.

Маркетологи это знают, и они стараются задержать людей в торговом зале как можно дольше, так как каждая лишняя минута опустошает их кошелек на определенную сумму денег.

Человеком, находящимся в трансовом состоянии, можно легко манипулировать, воздействуя на все органы чувств. Возбудить сильные эмоции и укоренить в памяти полученное удовольствие от совершенных покупок именно этим и занимается нейромаркетинг в европейских странах с целью увеличения объема продаж.

В России тоже стали внедрять опыт европейских коллег. Поэтому повсеместно используются запахи, игра цветов и освещение, а мозг покупателя фиксирует все. Например, звучит медленная музыка, и посетители будут двигаться по супермаркету не спеша.

Маркетологи говорят, что правильно подобранная музыка до 40% увеличивает объемы продаж в супер-

маркете, Манипуляция музыкальным фоном — это самая простая манипуляция. С помощью музыки можно вызвать у покупателя чувство голода, жажды, существуют специальные разработки, при помощи которых кодируют любую команду, и человек ее выполняет.

Современные технологии манипуляции сознанием, способны внедрить в мозг человека любое желание. Эти технологии манипуляции активно используют супермаркеты для повышения уровня продаж. И один из самых действенных методов манипуляции сознанием потребителя, это закодированная музыка, то есть метод психотропного программирования. Никто не отслеживал, какая музыка звучит в супермаркетах, а она может быть закодированной специальными фразами.

Российский исследователь Игорь Смирнов открыл особую звуковую частоту, которая на уровне подсознания вызывает у человека желание совершить поступок. Эффективность выполнения действий под влиянием команд, заложенных на этой частоте, составляет 92%. Этот метод влияния на подсознание был открыт академиком Игорем Смирновым для лечения психологических нарушений [3].

Большинство специалистов считают этот метод универсальным, ведь можно закодировать любую команду и манипулировать человеческим сознанием. Например, снизить уровень краж в супермаркете или повысить работоспособность и уровень ответственности.

Для этого записывают нужную фразу — установку (например: хочу пить или хочу есть), и с помощью специальной компьютерной программы превращают в шум. И маскируют эту запись под музыку или что другое. А человеческий мозг расшифровывает шум и воспринимает в виде слов, которые были произнесены. А человек даже об этом не догадывается, что была произнесена какая — то фраза, но мозг все запомнил, принял приказ, который обязательно исполнит.

Без манипуляции цветовой гаммой не обходиться не один супермаркет. Все объявления о акциях в супермаркетах оформлены в желто — красных тонах и это неспроста. Маркетологи осведомлены, что среди всех цветов именно желтый глаза замечают первым, всего лишь за 50 мл секунд информацию о цвете нейроны направляют к лимбической системе головного мозга. Вследствие чего появляется четкая ассоциация: желтый — это тепло, радость, движение. Возникает доверие, подталкивающее к покупке [4].

Благодаря удачно подобранной цветовой гамме, маркетологи руководят выбором товара (подталкивают потребителя покупать больше). Также цветом можно

вызвать сильные вкусовые ассоциации. Маркетологи знают, что у многих людей совпадает ассоциация цвета с определенным продуктом.

Так, например, вода ассоциируется с белым цветом, соль — с серым, лимон — с зеленым, шоколад и сахар с желтым, бекон и перец — с коричневым [4].

Специалисты нейромаркетинга, научились эффективно применять этот секрет. Они точно знают, как им воспользоваться, чтобы еще больше стимулировать желание покупать. Если цвета не совпадают с восприятием продукта, на уровне подсознания покупателя не станут ее покупать, а логически объяснят себе, что не понравилась цена, вес или производитель.

Многие магазины пользуются «образом цвета» для увеличения уровня продаж. Холодные цвета: белый, голубой, для рыбного отдела, салатный, зеленый в отделе фруктов и овощей. Желтый и красный в мясном отделе. На красном фоне мясо кажется более свежим, привлекательным, появляется желание покупать больше и больше. Нравится почти всем белый цвет, так как он нейтральный.

Так же сильное влияние имеют на потребителя «эмоционально заряженные» картинки: вкусно изображенные продукты или улыбающиеся дети и женщины. Стоит покупателю только взглянуть на них, и рука сама тянется к полкам. Поскольку картинки сочные, аппетитные, включают мозг на получение максимального удовольствия, что вызывает интенсивное выделение слюны у покупателя.

В кофейном отделе одного из супермаркетов специалисты по аромамаркетингу провели интересный эксперимент, чтобы продемонстрировать эффективность ароматизации воздуха для стимулирования продаж и благоприятном влиянии на поведение потребителя.

Эксперимент заключался в следующем: сначала использовали визуальный образ, демонстрировали, как заваривают и пьют кофе, картинка буквально источала удовольствие и роскошь. А затем к визуальному образу решили присоединить «тайное оружие» — кофейный ароматизатор. Запах кофе очень сильно влияет на подсознание, как только аромат кофе попадает в нос, нейроны мгновенно посылают информацию в мозг. Информация о запахах проходит быстрее в мозг, чем визуальный или звуковой сигнал. Эту особенность мозга активно применяют в аромамаркетинге [4].

Возможности запахов уникальны, ничто так не способно стимулировать память и ассоциации как запахи. Ароматы откладываются в глубины подсознания на всю

жизнь, например, запах свежеспеченного хлеба. К примеру, повсеместное присутствие аромата выпечки создается специально распылением запаха, чтобы вызвать у покупателя чувство голода и желания утолить его как можно быстрее.

Стремясь увеличить объем продаж, все больше супермаркетов стали использовать для стимуляции потребителя запахи кофе, клубники, дыни, чистоты. Все эти запахи продаются в специальных флаконах, которые закрепляются над полками. Покупатель, проходя мимо полок с продуктами, чувствует, что ему захотелось купить. Специалисты по аромамаркетингу уверяют, что при применении ароматизации продажи вырастают на 20%, с этой цифрой согласно руководство супермаркетов, она реальна и не преувеличена.

Запахи воздействуют прямо на эмоции и избежать этого влияния невозможно, а как известно большинство покупок человек совершает, поддаваясь влиянию эмоций.

Лимбическая система более всего откликается при взаимодействии, всех трех внешних раздражителей. Некоторые детали зависят от психологического типа человека, если у потребителя стойкая психика с повышенным уровнем самоконтроля, то раздражители менее всего влияют на готовность делать не запланированные покупки. А у эмоционального человека, наоборот мозг «сходит с ума» от всевозможных раздражителей. И как только эмоциональный человек заходит в супермаркет, слышит музыку, которая сочетается с запахом супермаркета, все, его ум «захвачен», он уже не принадлежит себе.

Многие думают, что сами решают в каком направлении двигаться по торговому залу, но и здесь покупатели ошибаются. Все уже решили за них, и каждый шаг уже спланирован заранее. Первое что нужно супермаркету — это разделить мужа и жену, чтобы они не смогли ограничивать друг друга в покупках. Для этого на входе размещают навигационные обозначения: сигареты, пиво, автотовары. Женщины, прежде чем что-то купить долго выбирают, и чтобы мужчина не подгонял её и не стоял «над душой», он должен в это время находиться в другом месте.

Мужчины не выгодные покупатели в глазах маркетологов, мужчина всегда четко знает, что он хочет, они рациональные. Есть, конечно, и исключения среди мужчин — это очень эмоциональные представители мужского пола, но все же женщины делают около 80% всех покупок.

В супермаркетах все расставлено и сконструировано так чтобы человек обошел максимальное количество

товаров, чем дольше покупатель находится в торговом зале, тем больше товаров он купит.

Вот пример: провели на полу линию и человек пойдет по этой линии, даже не зная, куда она ведет, и зачем, линия просто привлекла внимание. Лампы освещения используют тоже как направляющие линии, с помощью света какие — то проходы затемняют или располагают, яркое освещение вдоль стеллажа, заставляя нас пройти по всему его периметру. Человек так устроен, что всегда будет идти не свет. Если на полке лежат два одинаковых товара и один из них освещен более ярко, то он купит тот продукт, который ярче освещен, рука сама потянется к ярко освещенным апельсинам, подсознание считает их лучшими.

К тому же витрину нужно подсветить только определенным тоном света, чтобы продукты выглядели более эффектно. Рыбу подсвечивают холодным светом, мясо — красноватым, так оно кажется более ярким, сочным, хлеб — желтым светом. Так используют особенности мозга, ведь восприятие товара построено на ассоциациях и образах.

В любом супермаркете есть «горячие зоны», здесь продают товаров больше всего. И чтобы этих «горячих зон» было как можно больше, востребованные товары, такие как хлеб, молоко, мясо, располагают по дальше друг от друга, по правилу «золотого треугольника». Именно здесь потребитель тратит большую часть денег.

Еще один прием заставить купить больше, это загроможденные проходы между полками, почти все попадают на эту уловку. Ящики с товаром создают впечатление, что товар так быстро раскупают, и его просто не успевают выставлять на полки.

Полки, расположенные на уровне глаз, называют золотыми, производители платят не малые деньги супермаркету, чтобы их товар располагался именно на этих местах.

«Горячая зона», это так же место у кассы, здесь покупатели приобретают ненужного товара от 10% стоимости чека. Идея приобрести жвачку, шоколадку возникает как раз на кассе, это недорогие товары и каждый может себе это позволить.

Задача у супермаркета создать иллюзию что у покупателя все хорошо, и он будет ходить в магазин, чтобы поднять себе настроение. Приемы нейромаркетинга стимулируют около половины человеческих инстинктов, при разумном сочетании и использовании всех приемов нейромаркетинга, вероятность приобретения не запланированных товаров возрастает до 40%, а золотых полок продают абсолютно все.

Воздействия нейромаркетинга избежать невозможно, но есть несколько приемов, которые помогут сэкономить деньги. Для этого необходимо подробно планировать будущие покупки.

В качестве вывода приведем пример 10 способов манипулирования покупателями от Дэвида Льюиса: [4]

1. Аромат в заведениях. Его используют, когда нужно вызвать воспоминания, стимулировать аппетит, сделать так, чтобы покупатели чувствовали себя более расслабленно или возбужденно, чтобы они проводили в магазине больше времени, и, в конечном счете, повысить продажи. Взять, например, наши супермаркеты с собственной выпечкой. Там хочется находиться вечно.
2. Захватывающие декорации и манипулирование толпой. Ярким примером служит компания Walt Disney. По всему периметру парка трехмерные иллюзии. За счет этого объекты в парке расположены дальше и ближе, чем они больше или меньше, чем в реальности. Еще один способ управления толпой — не точно указанное время. Над каждым аттракционным висит табличка со временем, которое посетителям придется прождать в очереди, но оно завышено по сравнению с реальным, чтобы вы обрадовались, когда зашли раньше указанного времени, а не разочаровались, что приходится долго ждать.
3. Менталитет покупателей. Если Ваш клиент из Азии, вы будете уделять ему больше внимания, чем европейцам или французам. Обычно азиатам нужен совет и рекомендация при покупке, а вот европейцы знают, чего они хотят, и им совершенно неважно, есть ли рядом продавец. Выходец из Азии почувствует обиду, если, когда он входит в магазин, никто не бросается сопровождать его. Этот прием используется в магазинах аэропортов.
4. Якорение. Среднестатистический покупатель не очень хорошо разбирается в ценах, большинство обычно знает, сколько стоят продукты, которые они покупают чаще всего, и поэтому может сравнить конкурирующие магазины. Придерживая низкие цены на основную группу товаров, покупателю внушают уверенность, что все остальные продукты покупать у них тоже выгодно. Хотя на самом деле дела обстоят иначе.
5. Сгибание рук увеличивает желание. Покупатели, которые ходят по магазину с корзинкой (сгибание рук), находятся в более «покупательном» настроении, чем те, которые толкают перед собой тележку (выпрямление рук). Выпрямление рук вызывает желание отторжения, а сгибание — желание приобретения.

6. Искажение левой цифры. Искажение цены, при котором левая цифра не меняется, не вводит к негативному отношению. Если ранее кофе стоил 2,20 \$, а сейчас стал стоить 2,90 \$, то такое увеличение цены не отразится на отношении клиента к покупке, но если ранее кофе стоил 2,80 \$, а стал стоить 3,20 \$, то покупатель останется недоволен ситуацией в целом и его покупкой. Потребитель обращает внимание при покупке только на левую цифру и не видит ту цифру, которая находится справа.
7. Влияние нашего внутреннего тела. Телесные нужды влияют на потребительский выбор. Если покупатель голоден, когда идет в магазин, то объем покупок увеличивается в 2 раза, по сравнению с тем, когда покупатель сыт. Если нам тепло и уютно по температуре, то покупатели проводят в магазине в 2 раза больше времени.
8. Размещение товаров — «инвариантное право». В магазине покупатели предпочитают витрины справа тем, что находятся слева. Это предпочтение настолько ярко выражено, что появился термин «инвариантное право». Хотя есть исключение: если человек левша, то это правило действует наоборот.
9. Убедительная сила сексуальности. Когда человек возбужден, он делает покупки «неосознанно». Создается что-то в виде «туннельного видения». Мужчины во время сексуального возбуждения более импульсивно и менее рационально принимают решения о покупке. Относительно женщин, то их сексуальное возбуждение менее влияет на выбор товара.
10. Цены помогают продажам. Потребители скорее замечают изменение цены, чем изменение количества, объема пачки, или даже новое название компании производителя. Например, оставив ту же высоту и ширину упаковки, однако изменив ее глубину, — чтобы силуэт казался таким, как и прежде.

Таким образом, заходя в супермаркет, покупатель сразу же оказывается во власти маркетинга, мерчендайзинга и других передовых психологических приемов продвижения товара на рынке. Причем большинство людей даже не осознают, что их выбором умело манипулируют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. — СПб: СКИФИЯ, 2008. — 416 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2005. — 832 с.
3. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. — Харьков: Гуманитарный центр, 2005. — 632 с.
4. Льюис Д. Нейромаркетинг в действии. Как проникнуть в мозг покупателя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://static-eu.insales.ru/files/1/6129/2390001/original/nejromarketing-v-dejstvii.pdf> (Дата обращения: 23.03.2019).

ДИАГНОСТИКА СТЕПЕНИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ

DIAGNOSTICS OF THE LEVEL OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF MILITARY SERVICEMEN TO MILITARY SERVICE

M. Pravenky

Summary. The level of psychological adaptation affects the efficiency of performance by military servicemen of their professional duties in trying circumstances. The higher the level of their psychological adaptation is, the more successful are the military servicemen in performing their duties. The opposite is also true. This article explores the psychological adaptation of military servicemen, who did their military service under conscription, who had the same ranks and the same living environment. The personal qualities of these military servicemen were diagnosed; the results were processed; then the comparative analysis of the personal qualities was performed among the military servicemen, who were adapted and who were not adapted to the military service

Keywords: psychological adaptation; personal qualities; social and psychological adaptation; intentional self-regulation; stress resistance; emotional stability; personal adaptive potential.

Правенький Михаил Александрович

Аспирант, Таганрогский институт управления
и экономики
pravenki@mail.ru

Аннотация. Уровень психологической адаптации влияет на эффективность выполнения военнослужащим своих профессиональных обязанностей в сложных условиях. Чем выше уровень, тем успешнее он будет их выполнять, и наоборот. В данной статье исследована психологическая адаптация военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, которые занимают равные должности и находятся в одинаковых условиях жизнедеятельности, проведена диагностика личностных качеств военнослужащих и обработаны результаты, сделан сравнительный анализ личностных качеств военнослужащих, адаптированных и неадаптированных к воинской службе.

Ключевые слова: психологическая адаптация; личностные качества; социально-психологическая адаптация; волевая саморегуляция; стрессоустойчивость; эмоциональная стабильность; личностный адаптационный потенциал.

С помощью экспериментальных исследований в области психологии удалось выявить личностные качества военнослужащих, которые имеют первостепенное значение для эффективного процесса адаптации этих военнослужащих к условиям военно-профессиональной деятельности. А. Г. Маклаков считал, что личностный адаптационный потенциал является совокупностью данных качеств. Уровень развития адаптационного потенциала влияет на эффективность выполнения военнослужащим своих профессиональных обязанностей в сложных условиях. Чем выше уровень, тем успешнее он будет их выполнять, и наоборот [1, с. 46].

Теоретическая основа концепции личностного адаптационного потенциала строится на представлении адаптации активным и непрерывным процессом приспособления к условиям окружающей природной и социальной среды, который затрагивает все уровни функционирования человеческой психики и организма в целом. Успешное завершение процесса психологической адаптации в условиях военной службы, зависит, прежде всего, от личностных характеристик самого военнослужащего, а так же других психологических осо-

бенностей. Следовательно, процесс психологической адаптации заключается в том, что военнослужащий должен самостоятельно изменить себя, скорректировать собственные установки и привычные поведенческие стереотипы [2, с. 75].

Чтобы понимать процессы психологической адаптации необходимо обратить внимание на характерные черты армейской среды, в которой находится индивид, а также особенности его социально-психологического статуса. После того, как индивид обязуется нести службу в рядах ВС, он вынужден отказаться от привычной для него жизни, отложить на определенное время реализацию своих жизненных планов или по возможности изменить ее тактику [3, с. 25]. Важную роль в регуляции поведения и отношений в армии играют такие явления, как символика и ритуал. Армия является одной из немногих сфер деятельности, где эти явления можно не только наблюдать в современном обществе, но и зафиксировать их связь с социальным контекстом. Нельзя оставлять без внимания тот факт, что в армии одновременно существуют два вида традиций: официальные (уставные) и альтернативные (неуставные). В армейской среде очень быстро протекает процесс социально-психологических

Таблица 1. Сводная таблица уровня адаптации военнослужащих

Методики	Низкий уровень	Средний уровень
Таблица наблюдения за адаптацией военнослужащих		
Морально-психологическое состояние	4	2
Взаимоотношение с коллективом	4	3
Воинская дисциплина	5	3
Реакции гнева, агрессии	3	2
Реакции страха	4	2
Познавательная активность	4	3
Двигательная активность	3	3
Состояние здоровья	3	2
Уровень боевой подготовки	3	2
«Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда		
Адаптация	60	85
Самоприятие	28	28
Приятие других	16	18
Эмоциональная комфортность	13	17
Интернальность	30	34
Стремление к доминированию	7	8
«Исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана		
Волевая саморегуляция	10	15
Настойчивость	7	9
Самообладание	5	8
«Тест на стрессоустойчивость» Т. Холмса и Р. Page		
Степень сопротивляемости стрессу	285	240
«Шкала эмоциональной стабильности — нестабильности (нейротизма)» Г. Айзенка		
Шкала эмоциональной стабильности	19	15

изменений, что обусловлено быстрой сменой «поколений» военнослужащих (срок службы составляет один год, а разница между призывами всего полгода) [4, с. 67].

Армия — это закрытая организация, что осложняет процесс ее взаимодействия с социальным окружением. Само общество имеет мало информации о жизни в армии, которую в свою очередь можно разделить на официальную и альтернативную (рассказы бывших военнослужащих по призыву, «дембельские альбомы», армейский фольклор и т.д.) [5, с. 112].

На основании концепции изучения факторов, влияющих на процесс психологической адаптации, в данной статье было проведено пилотажное исследование параметров личностного адаптационного потенциала военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

В состав выборки вошли военнослужащие срочной службы на втором месяце службы в количестве 60 человек, в возрасте от 18 до 22 лет. Для изучения процесса психологической адаптации военнослужащих нами было проведено эмпирическое наблюдение за адаптацией военнослужащих срочной службы. В ходе наблюдения было изучено 9 показателей адап-

тации военнослужащих к военной службе и уровни их проявления: 1. Морально-психологическое состояние (7 уровней проявления); 2. Взаимоотношение с коллективом (6 уровней); 3. Воинская дисциплина (6 уровней); 4. Реакции агрессии, гнева (6 уровней); 5. Страх (5 уровней); 6. Познавательная активность (5 уровней); 7. Двигательная активность (4 уровня); 8. Состояние здоровья (5 уровней); 9. Общая оценка боевой подготовки (4 уровня).

На основании проведенного наблюдения, мы смогли разделить военнослужащих на две большие группы, имеющие разный уровень адаптации. В первую группу были включены военнослужащие с низким уровнем адаптации (20%), во вторую группу — со средним уровнем адаптации (80%).

Для обоснования результатов наблюдения, нами было проведено психологическое тестирование военнослужащих по следующим методикам:

1. «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда;
2. «Исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана;
3. «Тест на стрессоустойчивость» Т. Холмса и Р. Page;

4. «Шкала эмоциональной стабильности — нестабильности (нейротизма)» Г. Айзенка [7, с. 448].

Обобщив и систематизировав результаты наблюдения и психологического тестирования, нами были получены средние для групп результаты в виде числовых значений, которые представлены в таблице 1.

На основании результатов проведенной диагностики степени психологической адаптации военнослужащих к воинской службе, мы можем дать подробную психологическую характеристику каждой группе военнослужащих. Далее приведем психологическую характеристику каждой из групп военнослужащих. Согласно данным, полученным в результате проведения эмпирического наблюдения, группа испытуемых имеет следующие психологические характеристики:

- ◆ Морально-психологическое состояние (шкала от 1 до 7 баллов, МПС = 4) — общая вялость, рассеянность;
- ◆ Взаимоотношение с коллективом (шкала от 1 до 7 баллов, ВК = 4) — робость, малоинициативность и избирательность в общении;
- ◆ Воинская дисциплина (шкала от 1 до 7 баллов, ВД = 5) — часто отвлекаются на занятиях, не проявляют должной ответственности при выполнении приказов командиров;
- ◆ Реакции агрессии и гнева (шкала от 1 до 7 баллов, РАГ = 3) — реакции гнева отсутствуют, что обусловлено сниженным настроением;
- ◆ Реакции страха (шкала от 1 до 5 баллов, РС = 4) — робость, застенчивость и растерянность ярко выражены;
- ◆ Познавательная активность (шкала от 1 до 5 баллов, ПА = 4) — проходят программу боевой подготовки без видимого желания;
- ◆ Двигательная активность (шкала от 1 до 4 баллов, ДА = 3) — стараются избегать различные аспекты военной службы, требующие физической активности;
- ◆ Состояние здоровья (шкала от 1 до 5 баллов, СЗ = 3) — периодически предъявляют жалобы на недомогания;
- ◆ Общая оценка боевой подготовки (шкала от 1 до 4 баллов, БП = 3) — удовлетворительно;

По результатам, полученным при проведении методики на диагностику социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, было определено, что данная группа характеризуется низким уровнем адаптивности (шкала от 68 до 136 баллов, А = 60) и эмоциональной комфортности (шкала от 14 до 28 баллов, Е = 13). Средним уровнем приятия других (шкала от 12 до 24 баллов, L = 16) и доминирования (шкала от 6 до 12 баллов, D = 7) с тенденцией к низкому. Средним уровнем

приятия себя (шкала от 22 до 42 баллов, S = 28) и интернальности (шкала от 26 до 52 баллов, I = 30).

По итогам проведения методики «исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана, определены уровни развития волевой саморегуляции военнослужащих данной группы. Так общая волевая саморегуляция (шкала от 0 до 24 баллов, В = 10) находится на низком уровне, что выражается в чувствительности, эмоциональной неустойчивости, ранимости и неуверенности в себе. Данные военнослужащие обладают невысокой рефлексивностью, пониженным общим фоном активности, импульсивностью и неустойчивостью намерений. Все это может являться следствием как незрелости, так и выраженной утонченностью натуры, у которой отсутствует способность к рефлексии и самоконтролю. Субшкала настойчивости (шкала от 0 до 16 баллов, Н = 7) находится на низком уровне, что свидетельствует о повышенном уровне лабильности, неуверенности в себе и импульсивности, которые могут вызывать как непоследовательность, так и разбросанность поведения. Уровень самообладания (шкала от 0 до 13 баллов, С = 5) так же имеет низкий уровень развития, что является следствием спонтанности, импульсивности и обидчивости.

По методике «Тест на стрессоустойчивость» Т. Холмса и Р. Праге выявлена степень сопротивляемости стрессу (шкала от 0 до 300 и более баллов, St = 285), что соответствует пороговой (средней) степени сопротивляемости стресса (с тенденцией к низкой). Это означает, что если в жизни военнослужащих происходит увеличение стрессовых ситуаций, то их стрессоустойчивость снижается. Из-за этого, военнослужащим необходимо тратить значительную часть энергии и ресурсов организма для борьбы с негативными психическими состояниями возникающих под влиянием стресса.

По результатам методики «Шкала эмоциональной стабильности — нестабильности (нейротизма)» Г. Айзенка было определено, что эмоциональная стабильность (шкала от 0 до 24 баллов, N = 19) данной группы находится на низком уровне, что подтверждается результатами наблюдения и характеристиками данных военнослужащих со стороны, хорошо знающих их сослуживцев.

Согласно данным, полученным в результате проведения эмпирического наблюдения, группа испытуемых имеет следующие психологические характеристики:

- ◆ Морально-психологическое состояние (шкала от 1 до 7 баллов, МПС = 2) — эпизодически сниженное настроение;
- ◆ Взаимоотношение с коллективом (шкала от 1 до 7 баллов, ВК = 3) — отсутствие инициативы в установлении контактов с сослуживцами, однако,

Таблица 2. Определение различий уровня адаптации между группами военнослужащих

Психологические характеристики	U _{эмп}	Уровень значимости
Морально-психологическое состояние	U _{эмп} = 176	p ≤ 0,01
Взаимоотношение с коллективом	U _{эмп} = 179	p ≤ 0,01
Воинская дисциплина	U _{эмп} = 182	p ≤ 0,01
Реакции гнева, агрессии	U _{эмп} = 183	p ≤ 0,01
Реакции страха	U _{эмп} = 178	p ≤ 0,01
Познавательная активность	-	Не значимы
Двигательная активность	-	Не значимы
Состояние здоровья	U _{эмп} = 174	p ≤ 0,01
Общая оценка боевой подготовки	U _{эмп} = 180	p ≤ 0,01
Адаптация	U _{эмп} = 169	p ≤ 0,01
Самопрятие	U _{эмп} = 190	p ≤ 0,01
Приятие других	U _{эмп} = 189	p ≤ 0,01
Эмоциональная комфортность	U _{эмп} = 187	p ≤ 0,01
Интернальность	-	Не значимы
Стремление к доминированию	-	Не значимы
Волевая саморегуляция	U _{эмп} = 181	p ≤ 0,01
Настойчивость	-	Не значимы
Самообладание	U _{эмп} = 175	p ≤ 0,01
Степень сопротивляемости стрессу	U _{эмп} = 178	p ≤ 0,01
Эмоциональная стабильность	U _{эмп} = 180	p ≤ 0,01

при случае выражают готовность к общению и сотрудничеству;

- ◆ Воинская дисциплина (шкала от 1 до 7 баллов, ВД = 3) — пытаются идти в ногу с коллективом, но это не всегда получается из-за несобранности;
- ◆ Реакции агрессии и гнева (шкала от 1 до 7 баллов, РАГ = 2) — реакции гнева как правило отсутствуют в силу особенностей характера;
- ◆ Реакции страха (шкала от 1 до 5 баллов, РС = 2) — эпизодические проявления робости, застенчивости и стеснительности;
- ◆ Познавательная активность (шкала от 1 до 5 баллов, ПА = 3) — проявляют избирательный интерес к определенным разделам боевой подготовки и остаются равнодушными к другим;
- ◆ Двигательная активность (шкала от 1 до 4 баллов, ДА = 3) — стараются избегать различные аспекты военной службы, требующие физической активности;
- ◆ Состояние здоровья (шкала от 1 до 5 баллов, СЗ = 2) — активные жалобы на здоровье не предъявляют, но тем не менее после занятий присутствует чувство усталости;
- ◆ Общая оценка боевой подготовки (шкала от 1 до 4 баллов, БП = 2) — хорошо;

По результатам, полученным при проведении методики на диагностику социально-психологической адап-

тации К. Роджерса и Р. Даймонда, было определено, что данная группа характеризуется средним уровнем адаптивности (шкала от 68 до 136 баллов, А = 85), приятия себя (шкала от 22 до 42 баллов, S = 28) и интернальности (шкала от 26 до 52 баллов, I = 34). Средним уровнем приятия других (шкала от 12 до 24 баллов, L = 18), эмоциональной комфортности (шкала от 14 до 28 баллов, E = 17), и доминирования (шкала от 6 до 12 баллов, D = 8) с тенденцией к низкому.

По итогам проведения методики «исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана, определены уровни развития волевой саморегуляции военнослужащих данной группы. Так общая волевая саморегуляция (шкала от 0 до 24 баллов, В = 15) находится на среднем уровне. В отличие от первой группы данные военнослужащие способны рефлексировать личные мотивы, более эффективно распределять усилия и осуществлять контроль за своими поступками. Но тем не менее, в сложных ситуациях у них может происходить нарастание эмоциональной напряженности, которое может повлечь за собой такие негативные ее проявления как: чрезмерная и неадекватная активность с поспешными решениями, неспособность сосредоточиться на решаемой задаче, внешняя суетливость. Субшкала настойчивости (шкала от 0 до 16 баллов, Н = 9) находится на среднем уровне с выраженной тенденцией к низкому. Но в отличие от группы 1 они являются более

работоспособными и деятельными, но, к сожалению, это не исключает возможности возникновения у данных военнослужащих неуверенности в себе и импульсивности в процессе их служебно-боевой деятельности. Уровень самообладания (шкала от 0 до 13 баллов, $C = 8$) так же имеет средний уровень развития с выраженной тенденцией к низкому. Представители данной группы более эмоционально устойчивы и лучше владеют собой в различных ситуациях, чем представители первой группы, однако, это требует значительного напряжения психических возможностей организма, которое может привести к повышению эмоциональной напряженности и утомляемости.

По методике «Тест на стрессоустойчивость» Т. Холмса и Р. Раге выявлена степень сопротивляемости стрессу (шкала от 0 до 300 и более баллов, $St = 240$), что соответствует пороговой (средней) степени сопротивляемости стресса. Это означает, что если в жизни военнослужащих происходит увеличение стрессовых ситуаций, то их стрессоустойчивость снижается. Но в отличие от первой группы, для борьбы с негативными психическими состояниями возникающих под влиянием стресса, военнослужащие приходится расходовать меньше энергии и ресурсов своего организма.

По результатам методики «Шкала эмоциональной стабильности — нестабильности (нейротизма)» Г. Айзенка было определено, что эмоциональная стабильность (шкала от 0 до 24 баллов, $N = 15$) данной группы находится на среднем уровне, что подтверждается результатами наблюдения и характеристиками данных военнослужащих со стороны, хорошо знающих их сослуживцев.

Далее, основываясь на результатах психологической диагностики, был проведен сравнительный анализ личностных качеств военнослужащих, адаптированных и неадаптированных к воинской службе с использованием U -критерия Манна-Уитни, с целью определения значимых отличий уровня адаптации между группами военнослужащих. Ниже приведена таблица с результатами сравнительного анализа и теоретическое обоснование результатов сравнения.

Данные результаты, позволили нам определить значимые отличия психологических характеристик между первой и второй группой военнослужащих. Так, в ходе обработки данных наблюдения за адаптацией военнослужащих срочной службы были выявлены значимые отличия между первой и второй группой испытуемых, которые заключаются в том, что первая группа имеет более низкий уровень морально-психологического состояния ($U_{эмп} = 176, p \leq 0,01$), взаимоотношения с коллективом ($U_{эмп} = 179, p \leq 0,01$), воинской дисциплины ($U_{эмп} = 182, p \leq 0,01$), состояния здоровья ($U_{эмп} = 174,$

$p \leq 0,01$) и боевой подготовки ($U_{эмп} = 180, p \leq 0,01$) соответственно, а так же для них характерен более высокий уровень проявления реакций гнева, агрессии ($U_{эмп} = 183, p \leq 0,01$) и страха ($U_{эмп} = 178, p \leq 0,01$). По результатам диагностики социально-психологической адаптации определено, что показатели первой группы по шкалам адаптация ($U_{эмп} = 169, p \leq 0,01$), эмоциональная комфортность ($U_{эмп} = 187, p \leq 0,01$), самопрятие ($U_{эмп} = 190, p \leq 0,01$) и прятие других ($U_{эмп} = 189, p \leq 0,01$) значительно отличаются от показателей второй группы и находятся на более низком уровне. Среди шкал методики исследования волевой саморегуляции определены значимые отличия показателей первой группы по шкале волевая саморегуляция ($U_{эмп} = 181, p \leq 0,01$) и самообладание ($U_{эмп} = 175, p \leq 0,01$), что так же свидетельствует о том, что данные психологические характеристики среди испытуемых второй группы находятся на более высоком уровне. Основываясь на результатах методик «тест на стрессоустойчивость» и «шкала эмоциональной стабильности — нестабильности» выявлены значимые отличия по степени сопротивляемости стрессу ($U_{эмп} = 178, p \leq 0,01$) и эмоциональной стабильности ($U_{эмп} = 180, p \leq 0,01$), что свидетельствует о том, что уровень данных психологических характеристик у первой группы имеет более низкий уровень, чем у второй. В целом по всем остальным шкалам результаты распределены равномерно.

Итак, с помощью диагностики степени психологической адаптации военнослужащих к воинской службе мы смогли не только выявить уровни адаптированности данных военнослужащих к условиям военной службы и разбить их на соответствующие группы, но и дать подробную психологическую характеристику каждой группе. Так же основываясь на результатах данной психологической диагностики, мы смогли провести сравнительный анализ личностных качеств военнослужащих, адаптированных и неадаптированных к воинской службе.

В заключении следует отметить, что психологическая адаптация военнослужащих — это сложное, комплексное явление, которое представляет собой непрерывный, индивидуальный процесс интеграции в воинский коллектив и учебно-боевую деятельность, а так же выработку новых форм поведения для достижения определенных целей и личностной самореализации [6, с. 264].

Основной критерий успешности процесса психологической адаптации военнослужащего срочной службы — продуктивное выполнение задач своей военно-профессиональной деятельности, добросовестное отношение к служебным обязанностям, а так же интеграция в социально-бытовую жизнь подразделения [8, с. 35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Говорин Н. В. Психическое здоровье призывного контингента. — Чита: Экспресс, 2011. — 204 с.
2. Григорьев А. В. Отношение к социальной активности во взаимосвязи с субъектными характеристиками личности, направленностью реализуемой активности и социально-психологической адаптацией: дис. кан. пед. наук. — Саратов, 2014. — 178 с.
3. Дулепова Ю. В. Формирование общекультурных компетенций будущих военных специалистов в вузе средствами модульного обучения: дис. кан. пед. наук. — Орел, 2014. — 169 с.
4. Ермолов Е. М. Становление и развитие качеств лидера воинского коллектива у кадет и суворовцев: дис. кан. пед. наук. — Санкт-Петербург, 2015. — 186 с.
5. Караяни А. Г. Психология страха. Материалы межрегиональной научнопрактической конференции психологов силовых структур (Москва, 16 апреля 2014 г.) / Военный университет МО РФ, Общество психологов силовых структур, Школа современных психотехнологий. — М.: ВУ, 2014. — 254 с.
6. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Военная психология. Учебник для специалистов психологической работы ВС РФ. — М.: ВУ, 2016. — 500 с.
7. Маклаков, А. Г. Общая психология: Учебник для вузов / А. Г. Маклаков. — СПб.: Питер, 2013. — 583 с.
8. Самусь В. Н., Саевич Т. Н., Селивончик Н. М. Основы военной психологии и педагогики. — Минск: БНТУ, 2012. — 83 с.

© Правенький Михаил Александрович (pravenki@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Таганрог

ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

RESEARCH OF CAREER ORIENTATIONS AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF SPECIALISTS OF DIFFERENT PROFESSIONAL GROUPS

**M. Rensh
V. Mikhailova**

Summary. This article investigates the traits of determining the career orientations and their impact on the construction of the occupational concept. As important statistical indicators of the whole sample the work experience in the field of work, the level of education, the type of education, the change of place of work, the change of field of work, the attitude to the profession were considered. On the basis of the research done the author makes a conclusion that the allocated subgroups have differences between career orientations and personality characteristics, and that the perception of "self-real" and "self-ideal" is changing due to the professional activity.

Keywords: career orientations, professional groups, professional formation, professional competences, self-identity.

Реньш Марина Александровна

*К.ф.н., доцент, Уральский государственный аграрный университет
rensh@mail.ru*

Михайлова Валерия Анатольевна

*Старший преподаватель, Екатеринбургский государственный театральный институт
zazolka_5@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности определения карьерных ориентации и их влияние на построение профессиональной концепции. В качестве важных статистических показателей у всей выборки рассматривались показатели по стажу работы в профессии, уровень образования, вид образования, смена места работы, смена профессии, отношение к профессии. На основе проведенного исследования автором сделаны выводы о том, что в выделенных нами подгруппах существуют различия в карьерных ориентациях и личностных особенностях, а представления о «Я-реальном» и «Я-идеальном» меняются в процессе профессиональной деятельности.

Ключевые слова: карьера, карьерные ориентации, профессиональные группы, профессиональное становление, профессиональные компетенции, «Я-концепция».

Сложность развития карьеры обусловлена её многофакторностью, прежде всего связанной как с особенностями личности работника, строящего карьеру, так и среды, в которой развивается карьера, а также особенностями развития общества, в котором взаимодействуют человек и среда. Для полного изучения механизмов воздействия на характер карьерных траекторий необходимо учитывать, как сложность элементов структуры карьеры, так и сложность построения траекторий личностного и профессионального развития.

В истории исследований карьерных ориентаций, структуры и траекторий карьеры прослеживается большое разнообразие подходов, методологических оснований, а также вариантов определения самого феномена карьеры и карьерных траекторий. Исследователи изучают взаимосвязь карьеры и карьерных ориентаций личности, факторы обуславливающие траектории построения карьеры, взаимосвязи карьерных ориентаций и структуры личности человека и другие явления, так или иначе объясняющие сущность изучаемого явления.

Однако, на наш взгляд, тенденции современного общественного развития определяют необходимость

дальнейшего изучения карьеры в ином аспекте, а именно в её динамическом развитии и специфических особенностях построения карьеры в профессиональном и трансперсональном аспектах. Немаловажную роль в контексте настоящего исследования играет аксиологический аспект рассмотрения карьерных траекторий как фактор определяющий источник их формирования и развития.

В нашем исследовании карьера рассматривается как процесс профессионального роста человека, роста его влияния, власти, авторитета, статуса в среде, развития квалификационной лестницы, ценностно-смысловой, трансперсональной и транспрофессиональной динамики человека.

Таким образом, карьера — это процессы самореализации личности, ее возможностей в профессиональной деятельности, сущностной характеристикой которых является продвижение, рассматриваемое как в широком смысле в виде последовательности этапов развития человека в основных сферах жизни: семейной, трудовой; так и в узком как взаимосвязь с динамикой социального положения, статуса и активности личности.

Постановка научной проблемы настоящего исследования рассматривается в контексте таких проблем современной психологической науки, которые осуществляют попытки разрешить противоречия между требованиями современных экономических, социально-политических и информационных директов и потребностью личности в самоопределении, мотивацией достижения успеха, потребностью приобретения осмысленности и ценностных ориентиров собственного развития, возможностями планировать и прогнозировать свою судьбу как в личностном, так и в профессиональном планах.

Задачу, которую предполагает решить настоящее исследование, можно определить как попытку исследования взаимосвязи карьерных ориентаций личности и особенностей карьерных ориентаций, а так же иных аспектов обуславливающих динамику развития человека. Особое внимание в исследовании уделяется факторам, влияющим на карьерные ориентации, таким как «Я-концепция», ценностно-динамические аспекты личности, профессиональная концепция личности и другие.

Данный подход к рассмотрению проблемы взаимосвязи личностных особенностей и карьерных ориентаций может быть использован в процессах направленных на социально-профессиональное воспитание личности, в деятельности связанной с профессиональной ориентацией, в процессах связанных с управлением в карьерном продвижении персонала и формирования кадрового резерва, которые на сегодняшний день рассматриваются как первоочередные в реформировании экономики, образования, молодёжной политики, социальных процессов.

Изучение общепрофессиональных свойств личности является актуальным, прежде всего, с теоретической стороны, так как это позволяет раскрыть научную основу свойств личности в целом и общепрофессиональных в частности. С практической стороны эти данные необходимы для разработки путей формирования общепрофессиональных свойств личности, универсальных компетенций, достижения профессионального успеха, а также для составления конкретной программы ее развития.

Материалы и методы

Исследование проведено в уральском регионе в период с 2014 по 2016 годы, в исследовании приняли участие работники промышленных предприятий, коммерческих организаций, служащие банка, работники образовательных организаций. Общая численность выборочной совокупности составляет более 200 человек.

Критериями для отбора в выборочную совокупность послужили следующие показатели стажу работы в про-

фессии (до 5 лет, от 5–10 лет, более 10 лет), различные уровни образования, фактор смены места работы, фактор изменения профессии и другие.

Для сбора необходимой информации и данных была сформирована батарея методик, включающая: методика диагностики карьерных ориентаций «Якоря карьеры» (Э. Шейн), «16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16-ФЛО-105-С)» [1], классический семантический дифференциал Ч. Осгуда [2] и разработанная нами анкета.

Методом сбора информации был констатирующий эксперимент.

Для обработки и анализа информации были использованы методы: факторный анализ, непараметрический метод корреляционного анализа Спирмена, непараметрические критерии сравнительного анализа Манна-Уитни. Обработка данных производилась с помощью программы SPSS.

Исследуя теоретико-методологические основания заявленной проблемы, мы отмечаем различия в подходах к исследуемому феномену, при этом достаточно чётко можно выделить два. А именно социально-психологический и социально-профессиональный. В рамках первого подхода карьера трактуется как индивидуальный путь человека в определенных видах профессиональной деятельности, должностное продвижение, достижение определенного социального статуса, связанный с образом жизни, прошлым опытом и личностными качествами, реализующий призвание человека, предполагающий получение материального и морального вознаграждений. Сложность карьеры определяется обусловленностью ее множеством факторов, способствующих и препятствующих карьерному движению (И. Д. Ладанов) [3].

Обзор литературы

В исследованиях, основанных на данном подходе выделяются различные аспекты изучения этого феномена: формирование карьерной ориентации студентов техникума, как оптационной карьеры [4]; взаимосвязь креативности и карьерных ориентаций менеджеров [5]; особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе вузовского обучения, как предпрофессиональной карьеры [6]; динамика карьерных ориентаций личности руководителя [7]; особенностей влияния карьерных ориентаций женщин на воспитание детей [8]; особенностей карьерных ориентаций специалистов различных профессиональных групп, включая соционамические, технические и иные [7,8,9,10,11,12,13].

В данном подходе, определенный интерес представляет исследование, изучающие карьерные ориентации как внутренний источник карьерных целей человека, взаимосвязанный с ценностно-смысловым основанием профессиональной деятельности. Карьерные ориентации представляют собой некоторый смысл, который человек хочет реализовать при выборе и реализацию своей карьеры. Сегодня «карьерные ориентации» можно смело соотносить с потребностями высшего уровня, которые являются устойчивым образованием и определяют профессиональный жизненный путь человека [14, 15].

С задачами настоящего исследования, согласуется подход Э. Шейна. В своей теории Э. Шейн уравнивает два понятия «карьерные ориентации» и «якоря карьеры». «Якорь карьеры» в свою очередь является важным составляющим элементом профессиональной «Я-концепции», который возникает в процессе социализации человека на основе и в результате накопления профессионального опыта и служит для управления и стабилизации индивидуальной карьеры и её интеграции в структуру личности [13].

В ряде современных исследований современных исследований особое место занимает проблема исследования внутренних и внешних факторов, оказывающих существенное влияние на проектирование индивидуальной профессиональной траектории (карьерного продвижения). В этом ключе выделяют мотивационные, познавательные и нравственно этические качества и свойства личности — мотивы, интересы, направленность, а так же способности, уровень знаний, личностный опыт, ценностные ориентации, определяющие процессы формирования и развития представлений о карьере и её построении как внутренние факторы.

К внешним факторам относят престиж профессии, её востребованность на рынке труда, высокую заработную плату, реальную возможность получить профессию, мнения и желания близких [1,3,11,16,17,18].

Внимание к вопросам карьерных ориентаций и факторов, определяющих развитие карьеры, привлекает и зарубежных исследователей. Методологию проблематики включают как универсальные концепции, определяющие фундаментальные основания карьерных ориентиров, так и операциональные концепции, выделяющие отдельные личностные или социальные аспекты карьерных ориентиров. Так нам представляется возможным выделить следующие подходы:

- ◆ психоаналитические концепции: психодинамическая модель выбора карьеры и теория происхождения профессиональных интересов, и личностная теория выбора карьеры (Personality Theory of

Career Choice) (A. Roe, 1957; A. Roe, M. Siegelman, 1964) [19];

- ◆ подход «развивающей перспективы» (E. Ginzberg, S.W. Ginsburg, S. Axelrad, J.L. Herma, 1951; D.E. Super, R. Starishevsky, N. Matlin, J.P. Jordaan, 1963; D.V. Tiedeman, R. P. O'Hara, 1963) [19];
- ◆ теории личностных черт — теория выбора карьеры (J.L. Holland, 1985; J.L. Holland, C.D. Gottfredson, H.G. Bacer, 1990) и теория «приспособления к работе» (G.W. Dewis, L. Lofguist, 1984; J.B. Rounds, G.W. Dawis, L. Lofguist, 1987; R.W. Rice, D.B. McFarlin, D.E. Bennet, 1989) [19];
- ◆ теория «подкрепления», или социального научения (A.M. Mitchell, G.B. Jones, J.D. Krumboltz, 1979; A. Bandura, 1977a; 1989; J.B. Rotter, 1966; 1975; 1982) [19].

Ряд зарубежных исследователей карьерных ориентаций в рамках социально-психологического подхода рассматривают возможность влияния на карьерные ориентации, характерологических особенностей личности. Так в своих работах Е. Г. Молл говорит о том, что на развитие карьеры могут оказывать влияние ситуационные, институционализированные (организационные и социальные) и индивидуальные факторы развития личности [20].

Некоторые авторы в своих работах рассматривают этот вопрос намного шире, объединяя в большую группу внешних факторов все «жизненные обстоятельства», рассматривающийся как факторы, которые неподвластны индивидуальной воле человека. Индивидуально-личностные факторы в такой дихотомической типологии можно назвать группой внутренних факторов. Например, в ряде исследований изучается явление профессиональной воли. Профессиональная воля, понимаемая как индивидуальная способность делать свободные карьерные выборы, включая выбор первой профессии и все последующие карьерные решения, является более важной детерминантой успешного карьерного развития, нежели внешние ситуационные переменные. Доказательством этой мысли являются теории, подтверждающие опосредующую роль внешних факторов [20].

В контексте второго подхода, социально-профессионального, карьерные ориентации исследуются в контексте взаимосвязи с профессиональным становлением личности. Фактически процессы профессионального продвижения и карьерного продвижения рассматриваются как параллельные, но не синонимичные. Однако и те и другие имеют схожие факторы внешнего влияния, к которым относятся нормативные события, изменяющие траекторию профессионального развития (например, обучение в, трудоустройство, повышение в должности и т.п.), и ненормативные (прекращение учебы в профессиональных образовательных организациях,

потеря трудоспособности, вынужденное увольнение и др.).

В целом анализируя основные подходы зарубежных авторов к исследованию проблем карьерного развития можно выделить несколько направлений в которых основаниями или источниками профессионального и карьерного выбора, а также развитие карьеры являются:

- ◆ в дифференциально-диагностическом направлении — индивидуальные особенности (свойства, качества) личности (Ф. Парсенсона, Г. Мюнстенберга) [21];
- ◆ психодиагностическое направление — потребности личности рассматриваются как основание профессионального выбора и развития (З. Фрейда, У. Мозера, Л. Зонди, Э. Роэ) [21];
- ◆ типологическое направление — самооценка личности рассматривается как основание профессионального выбора и развития Д. Холанда [21];
- ◆ теория решений — система ориентировок в профессиональных альтернативах рассматривается как основание профессионального выбора и развития Х. Томэ, Г. Рие, П. Циллера, Д. Тидемана, Р.П. О'Хара [21];
- ◆ теория развития — процессуальные характеристики онтогенического развития рассматриваются как основание профессионального выбора и развития работавших Э. Гинсберга, Д. Сьюпера, У. Джейд [21, 22].

Иной подход к исследованию вопросов связанных с карьерным продвижением прослеживается в работах ученых Гринхауса и Д. Сьюпера. В широком смысле толкование карьеры, определяется как разбитый на определенные промежутки времени жизненный путь человека, связанный с его работой [23], или как последовательность и комбинация ролей, которые человек выполняет в течение всей жизни [24].

Так же Дж. Гринхаус выделяет семь групп характеристик, связанных с профессиональным успехом: стратегии карьеры, межличностные отношения, семейные отношения, инвестиции в человеческий капитал, мотивационные факторы, организационные характеристики и характеристики личности. Гринхаус Дж. [23].

Современные концепции карьеры направляют фокус исследований в область служебной деятельности. Проблемы карьеры рассматриваются в контексте служебных продвижений и факторов, влияющих или препятствующих ее развитию. Определенный интерес в этом аспекте представляет концепция поливариантной карьеры Д. Холла и Ф. Мирвиса [22]. Основа данного подхода заключается в том, что универсальная модель профессионального развития уходит на второй план, а на первое

место ставится именно уникальное развитие каждого. Карьерные циклы рассматриваются в качестве «мини-стадий» профессионального становления и развития, которые в свою очередь чередуются с интенсивными периодами обучения.

Основная идея строиться вокруг того, что работник обладает не конкретными навыками и умениями, которые строго ограничены, а некими «метоумениями», которые рассматриваются как способность быстрой адаптации и резко изменяющимся социально-профессиональным условиям и способность к самообучению, приносящему эффект, что и будет являться ценностными ориентациями и источником карьерного продвижения. Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что личность в данной теории является ведущим фактором, а вот такие факторы как социальные, экономические и организационные уходят на второй план.

На основании систематизации подходов зарубежных авторов к проблеме профессионального развития можно констатировать сходство их методологических позиций в поисках детерминант профессионального выбора, к которым относятся как биологические предпосылки, так и социальные факторы, особенно социального окружения и воспитания, а также свойства, определяющие субъективную активность человека [19]. В этом смысле рассматриваемые концепции соответствуют направлениям исследований отечественных авторов. Отличительной чертой зарубежных теорий является поиск наиболее эффективных и универсальных характеристик личности, обеспечивающих профессиональное, а следовательно, и карьерное развитие, при учёте прочих факторов, влияющих на него.

Таким образом, можно говорить о том, что на успешность карьеры чаще всего влияют именно независимые друг от друга факторы, что влечет за собой сложность проведения любых карьерных исследований. При такой разрозненной многофакторной «картине» влияния на карьерный процесс роль исследователя заключается в вычленении взаимозависимых переменных для выстраивания комплексных карьерных моделей. Таким образом, можно говорить о том, что на построение успешной профессиональной траектории развития обязательно влияют индивидуальные личностные особенности, об этом в своих теориях говорит каждый автор, разводя лишь понимание личностных характеристик.

Результаты

Следуя задачам исследования проведён анализ полученных результатов. С целью определения особенностей выборочной совокупности нами проанализи-

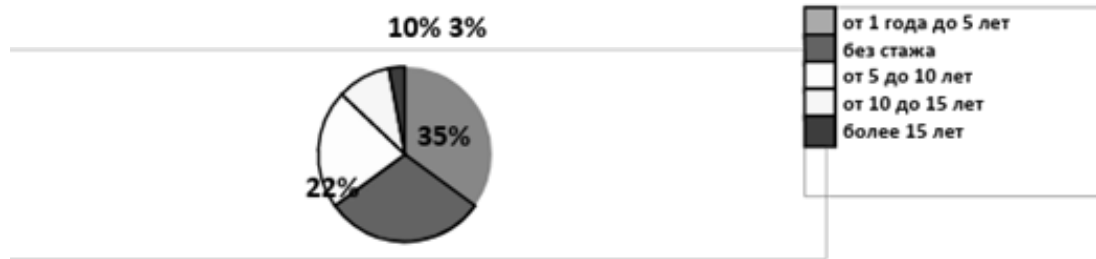

Рис. 1. Стаж работы по базовому образованию

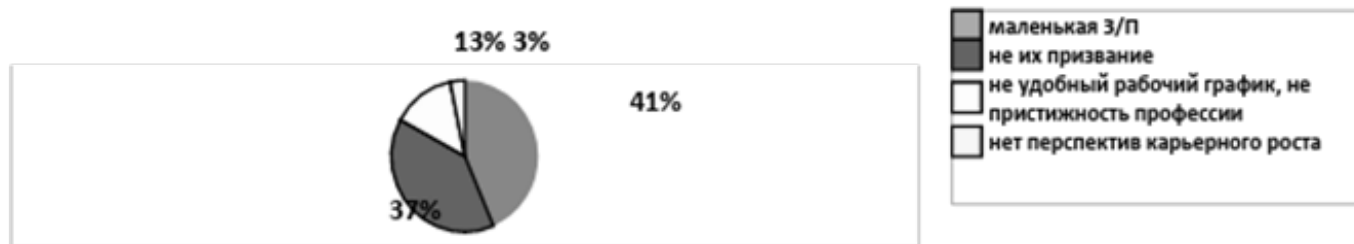

Рис. 2. Причины ухода из профессии

зированы данные дескриптивной статистики по ряду показателей.

1. Выборочная совокупность различается по стажу работы в соответствии с профессиональным образованием (рис. 1). 35% выборки составляют работники имеющие стаж работы от 1 года до 5 лет, 30% — не имеют стажа работы в соответствии с профессиональным образованием, 22% — имеют стаж работы от 5 до 10 лет в соответствии с выбранной специальностью, 10% — имеет стаж работы от 10 до 15 лет в соответствии с выбранной специальностью, 3% — имеют стаж более 15 лет по выбранной специальности.
2. Выборочная совокупность различается по фактору причин «ухода из профессии» (рис. 2). 41% опрошенных указали низкую заработную плату, 37% поняли, «что это не их призвание», 13% указали как причины ухода неудобный график работы, непрестижность профессии, 3% указали как причину ухода отсутствие карьерных перспектив.

Для выполнения задач исследования на основе анализа данных об особенностях карьерных построений вся выборочная совокупность была разделена на группы по видам карьеры: стремительная карьера (не обусловленная технологическими производственными процессами), медленный карьерный рост (обусловленная спецификой производства). В подгруппах проведён анализ методом семантического дифференциала. Нами проанализированы элемента профессиональной «Я-концепции» специалиста («Я-реальное») и профессиональных карьерных притязаний специалиста («Я-идеальное»).

По группе специалистов со стремительной карьерой мы получили следующие результаты: 1) в первой группе участников исследования не имеющих стажа профессиональной деятельности; 2) в первый фактор Я-реального, назовём его «Активность», объясняет 43,1% общей дисперсии. «Я-реальный» профессионал описывается как «хаотичный (,985) и быстрый (,982)». Второй фактор, составляющий 21% общей дисперсии, назван «оценка». Профессионал в данном случае «глупый (,947) и плохой (,941)». Третий фактор «сила», объясняющий 16% общей дисперсии, включает такие описания как «лёгкий (,945), дорогой (,945) и слабый (,945)».

На массиве данных оценивания «Я-реальное» в группе специалистов *со стажем работы от 1 года до 5 лет* первый фактор, объясняющий 31,3% общей дисперсии, условно можно обозначить как «активность», описывает идеального профессионала как «жизнерадостного (,981) и активного (,981)». Второй фактор (24% дисперсии) — «оценка». «Я-реальный» «тёплый (,965), влажный (,959)». Третий фактор — условное название «сила», объясняет 14,7% общей дисперсии. Оппозитом «лёгкого (,943) и большого (,880)» и является такая характеристика как «свежий (-,430)».

На массиве данных оценивания «Я-реальное» в группе специалистов *со стажем работы более 5 лет* мы так же ограничились трёхфакторным решением. Первый фактор (26,6% общей дисперсии) назван «сила». «Я-реальный» специалист характеризуется как «сильный (,986), лёгкий (,986) и большой (,986)». Второй фактор (21,3% общей дисперсии) условно назван «активность» включает такие описания как «быстрый (,953),

родной (.953) и лёгкий (.953). Третий фактор — «оценка» (17,6% дисперсии). Если объект «Я-реальный» «гладкий (.945), влажный (.806) и тёплый (.746)» то он уже не «жизнерадостный (-,425)».

Результаты факторного анализа оценок «Я — идеал». Рассмотрим полученные результаты в первой группе участников исследования — без стажа профессиональной деятельности.

Первый фактор — условное название «активность», объясняет 51,8% общей дисперсии. В описании образа молодых специалистов присутствуют такие характеристики как «острый (.943), радостный (.943) и простой (.943)». Второй фактор, составивший 16,6% общей дисперсии, назван «сила». Оппозитом «горячего (.897), гладкого (.897) и противного (.897) выступает родной (-,469) и глупый (-,469)». Возможно, профессионалы роднее если будут менее противными. Третий фактор — «оценка», объясняющий 13,1% дисперсии определяет «Я-идеал» как «родного (.796) и глупого (.796)».

На массиве данных оценивания объекта «Я-идеал», в группе специалистов *со стажем работы от 1 года до 5 лет*, первый фактор, объясняющий 35,4% общей дисперсии условно можно обозначить как «оценка», включает описания «родного (.993), влажного (.993), свежего (.993)» в представлениях «Я-идеальное» как профессионала. Второй фактор (29,3% дисперсии) — «сила». «Я-идеальный» «родной (.946) и злой (.934)». Третий фактор — условное название «активность», объясняет 17% общей дисперсии. «Я-идеальный» выступает «слабый (.961), легкий (.961) и мягкий (.961)».

На массиве данных оценивания «Я-идеал» в третьей группе (*стаж профессиональной деятельности более 5 лет*) мы так же ограничились трёхфакторным решением. На массиве данных оценивания «Я-идеальное» в группе специалистов со стажем работы более 5 лет мы так же ограничились трёхфакторным решением. В первый фактор Я-идеальное, назовём его «Оценка», объясняет 34,1% общей дисперсии. Оппозитом «глупый (.995), влажный (.995), чистый (.995)», является «быстрый (-,509)». Возможно профессиональное стремление быть быстрым специалистом условно исключает глупую и влажную позицию. Второй фактор, составляющий 20,4% общей дисперсии, назван «сила». Если профессионал «лёгкий (.966), мягкий (.965), то уже не «острый (-,434)». Третий фактор «активность», объясняющий 15,2% общей дисперсии, включает описание «хаотичный (.951) и злой (.949)».

По группе специалистов с медленным карьерным ростом мы получили следующие результаты:

1. Рассмотрим полученные результаты в первой группе участников исследования — без стажа

профессиональной деятельности. В первый фактор Я-реального, назовём его «Активность», объясняет 28,1% общей дисперсии. Оппозитом «радостного (.880), быстрого (.836), жизнерадостного (.822)», является «противный (-,572)». Возможно профессиональное стремление быть приятным специалистом условно исключает тяжёлую и напряжённую позицию. Второй фактор, составляющий 15,4% общей дисперсии, назван «сила». Если профессионал «чистый (.566), слабый (.663), мягкий (.778) то уже не «активный (-,693) и не большой (-,656)». Третий фактор «оценка», объясняющий 12,1% общей дисперсии, включает описание с одной стороны «гладкий (.708) и родной (.596), с другой хаотичный (-,574). беспорядочность молодых специалистов в их покладистости и близости.

2. На массиве данных оценивания «Я-реальное» в группе специалистов со стажем работы от 1 года до 5 лет первый фактор, объясняющий 39,6% общей дисперсии условно можно обозначить как «активность», так как оппозитом «гладкого (.938), родного (.815), слабого (.796)» в представлениях «Я-реального» как профессионала выступает «глупый (-,865), злой (-,845), лёгкий (-,746), радостный (-,746)». Второй фактор (30,4% дисперсии) — «сила». «Я-реальный» «дорогой (.858), хаотичный (.698) и быстрый (.694)», но при этом не «простой (-,932)», не «большой (-,831)», и не «расслабленный (-,817)». Возможно, профессионалы будут проще и расслабленнее если станут медленнее. Третий фактор — условное название «оценка», объясняет 13,8% общей дисперсии. «Я-реальный» выступает «противным (.601) и хаотичным (.592)» и при этом характеризуется как «свежий (-,523)».
3. На массиве данных оценивания «Я-реальное» в группе специалистов со стажем работы более 5 лет мы так же ограничились трёхфакторным решением. Первый фактор (31,1% общей дисперсии) назван «сила». «Жизнерадостный (.817), лёгкий (.792) и свежий (.782)» противостоит «слабому (-,835), плохому (-,768) и противоположному (-,746)». Второй фактор (14,6% общей дисперсии) условно назван «активность» включает такие описания как «горячий (.635), глупый (.629) и влажный (.594). Третий фактор — «оценка» (11,9% дисперсии). Если объект «Я-реальный» «расслабленный (.518), мягкий (.520), гладкий (.580) и глупый (.522)» то он уже не «влажный (-,522)».

Результаты факторного анализа оценок «Я — идеал»

1. Рассмотрим полученные результаты в первой группе участников исследования — без стажа профессиональной деятельности. Первый фак-

тор — условное название «оценка», объясняет 35,6% общей дисперсии. Оппозитом «жизнерадостного (,831) и активного (,784)» в описании образа молодых специалистов стал «противный (-,866)». Возможно профессиональное стремление быть активным и жизнерадостным специалистом условно исключает неприязнь. Второй фактор, составивший 15,5% общей дисперсии, назван «сила». Оппозитом «простого (,716) выступает большой (-,520)». Третий фактор — «активность», объясняющий 9,5% дисперсии определяет «Я-идеал» как «быстрого (,596), но при этом не «простой (-,554)».

2. На массиве данных оценивания объекта «Я-идеал» в группе специалистов со стажем работы от 1 года до 5 лет мы ограничились трёхфакторным решением. Первый фактор (45,5% общей дисперсии) назван «оценка». «Я-идеал» представляется как «мягкий (,995) и глупый (,995)», оппозитом при этом выступает характеристика «свежий (-,995) и активный (-,995)». Вторым фактор (22,4% общей дисперсии) условно назван как «активность». Оппозитом «злого (,841) выступает горячий (-,823)». Третий фактор — «сила» (14% дисперсии). Если объект «Я-идеал» «радостный (,686), то он становится любимым (-843)» в восприятии профессионалов.
3. На массиве данных оценивания «Я-идеал» в третьей группе (стаж профессиональной деятельности более 5 лет) мы так же ограничились трёхфакторным решением. Первый фактор, объясняющий 42,7% общей дисперсии, условно можно обозначить как «оценка», оппозитом «свежего (,952)», в представлениях об объекте «Я-идеал» как профессионал выступает «противный (-,900)». Вторым фактор (20,2% дисперсии) — «сила», шкалы получившие максимальную нагрузку — «острый (-,690), глупый (,803)». Третий фактор — условное название «активность», объясняет 10,9% общей дисперсии. «Я-идеал» выступает жизнерадостный (,677) и при этом данной оценки является «злой (-,576)».

Анализируя полученные результаты можно определить следующую закономерность: чем больше сотрудник получает позитивную оценку результатов своей профессиональной деятельности, чем более позитивны смыслы этих результатов, чем более ценны для него продукты его деятельности, чем меньше препятствий и напряжений вызывает у него процесс труда, тем более он ориентирован на построение карьеры в данной профессиональной группе. Кроме того, чем больше стаж работников профессии, тем большее значение они придают наличию оценки профессиональных и карьерных достижений.

Кроме того, анализ полученных результатов позволяет утверждать о том что, инвариантом идеального образа карьеры являются наличие ее быстрого темпа построения, возможность осуществления профессиональной деятельности по заранее выстроенному плану и получение высоких доходов от деятельности. Но, имеются различия в представлении идеального образа карьеры для работников, не имеющих стажа работы (выделяется фактор динамичного построения карьеры), и работников, имеющих длительный стаж работы (выделяется фактор планирования карьеры).

Таким образом, на формирование реального и идеального образа карьеры влияет наличие позитивной оценки результатов профессиональной деятельности и смыслов труда.

Кроме того, фактором влияния на специфику построения карьерных траекторий является стаж работы. Люди с большим стажем работы ориентированы на внутренние факторы построения профессиональных траекторий, такие как оценка профессиональных достижений как условие формирования позитивной «Я-концепции».

Далее, мы отмечаем особенности взаимосвязи образа «Я-идеальное» с карьерной ориентацией. Идеальный карьерный образ связан с быстрой, легкой карьерой, отсутствие которой в реальности может служить фактором смены профессии.

Далее для изучения вопроса о причинах смены работы и изменения профессиональной траектории нами проведён сравнительный анализ подгрупп, разделённых по показателям уровня и вида профессионального образования, показателем привлекательности труда, отношения к содержанию труда.

Проведённый анализ полученных результатов позволяет утверждать, что сотрудники, имеющие профессиональное образование по гуманитарным специальностям более ориентированы на индивидуальные профессиональные траектории, независимую карьеру и рассматривают карьеру именно как способ самореализации и самовыражения, достижения высокой степени свободы. Свободный выбор в карьерном построении рассматривается как ценность профессии.

Сотрудники с экономическим «(+)-общительность — (-)-замкнутость» (30,75 при $p=0,002$), В «интеллект» (30,17 при $p=0,016$) и Е «(+)-доминантность — (-)-подчинение» (28,42 при $p=0,044$). и техническим профессиональным образованием «(+)-мечтательность — (-)-практичность» (19,56 при $p=0,020$), О «(+)-тревожность — (-)-спокойствие» (19,33 при $p=0,050$) и Q4 «(+)-напряжённость — (-)-расслабленность» (19,73 при $p=0,042$) больше ориен-

тированы на стандарты и нормы построения карьеры установленные конкретной организацией, упорядоченный способ организации труда. Поэтому рассматривают карьеру не как процесс проектирования собственной профессиональной траектории, а как заданный плановый процесс профессионального развития. Поэтому они ориентированы на организационные формы построения карьеры.

Обсуждения результатов

Обсуждение полученных результатов позволяют говорить о наличии особенностей построения карьерных ориентаций обусловленных рядом факторов. А именно факторы труда и факторы стажа, которые можно отнести к ведущим в определении карьерных ориентаций. Так при осмыслении собственной карьеры работники ориентированы на получение позитивной оценки результатов своей деятельности. Это в свою очередь формирует определенную ценностно-смысловую базу для дальнейшего развития человека в профессии. Карьерная траектория при этом рассматривается как возможность продуктивной самореализации.

Стаж работы при осмыслении реальной карьерной траектории воспринимается работником как значимый вклад в собственную карьеру, что так же придаёт ей некоторый аксиологический смысл.

При планировании карьеры и построении идеальной траектории, которой уже задан позитивный смысл, работник организации ориентирован на возможность управлять своей карьерой или хотя бы сохранять уверенность в её возможности.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет обсуждение вопроса о различиях в карьерных притязаниях работников, отнесённых к разным профессиональным группам (социологическим, гуманитарным и инженерно-техническим). Фактором различия в данном контексте является наличие свободы в карьерном самоопределении.

Дальнейшее развитие проблема исследования может получить в систематизации факторов карьерных притязаний, более детальной проработки вопроса влияния психологических особенностей личности на особенности построения карьеры, а так же самой структуры карьеры ими определяемой. Затронутые в исследовании вопросы ценностно-смыслового наполнения карьерных ориентаций могут быть затронуты в контексте определения степени их влияния на профессиональную, организационную и личностную мобильность. Это в конечном итоге продолжит исследование проблем самоопределения личности, личностной компетентности, проблем самореализации.

Заключение

В выделенных нами подгруппах существуют различия в карьерных ориентациях и личностных особенностях у специалистов. Рабочие со стажем работы от года до пяти лет обладают более абстрактным мышлением, высоким уровнем общей культуры. При этом рабочие с большим стажем работы имеют более богатое воображение, что переориентирует их с практических суждений на «витание в облаках».

В карьерных ориентациях рабочие со стажем работы ориентированы на стабильность работы, в отличие от рабочих без стажа работы. Таким образом, работники уже получившие рабочее место в организации ценят его, держатся за него, для них наиболее важно задержаться в компании.

Рабочие без стажа находясь в поиске работы возможно ещё не успели познать насколько им важна постоянная работа, стабильность. Они пока не боятся потерять работу. Группы рабочих в зависимости от стажа работы имеют различные представления об «Я-идеальном» сотруднике. Если рабочие без стажа работы видят идеального специалиста как простого, быстрого, активного и жизнерадостного, то рабочие со стажем от года до пяти видят его мягким, злым и глупым, но не активным. Но в процессе увеличения стажа работы представления об идеальном сотруднике возвращаются к исходным как об активном и жизнерадостном.

Таким образом, можно говорить о том, что представления о «Я-идеальном» меняются в процессе профессиональной деятельности. Так как мы рассматривали работников профессиональной группы, у которой карьерный рост происходит достаточно медленно и зависит от стажа работы. Можно говорить о том, что чем выше карьерный статус у человека, тем радужнее и идеальнее у него представления о «Я-идеальном» сотруднике.

Представления об «Я-реальном» также изменяются в процессе накопления опыта работы. Без стажа работы рабочие себя как реального специалиста видят как радостного, быстрого, чистого и родного, но не противного, большого и хаотичного. Рабочие со стажем от года до пяти лет напротив себя реального видят как слабого, злого, хаотичного и противного, но не глупого и не ослабленного, а рабочие со стажем более пяти лет видят себя реального как жизнерадостного, лёгкого, свежего, расслабленного и горячего, но не плохого и противного.

Так как построение карьеры в данной группе долгий процесс, специалисты приходят в организацию с позитивными представлениями о «Я-реальном» сотруднике. В процессе работы представления ухудшаются. Это мо-

жет быть связано с разрушением представлений, с тем что, например, обещанное на собеседованиях при трудоустройстве не имеет место быть, с медленным карьерным ростом или его отсутствием.

В последствие образ «Я-реального» сотрудника обретает положительный окрас. В процессе обретения опы-

та у сотрудника появляется больше перспектив роста и ожидания оправдываются.

Поэтому можно говорить о том, что образ и «Я-реального» и «Я-идеального» в промышленных группах у рабочих положительно меняется с увеличением стажа работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плешаков В.А., Воинова О. И., Плешакова К. А. Трансформация социального воспитания в XXI веке: о реализации идей В. А. Славстёнина и А. В. Мудрика в киберпедагогике // Сибирский педагогический журнал. — 2013. — № 2. — С. 32–37.
2. Огстуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствознание. — М.: Мир, 1972. — С. 355–359.
3. Кудрявцев Т.В., Шегурова В. Ю. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности // Вопросы психологии. — 1983. — № 2. — С. 51–59.
4. Поминова О. Л. Формирование карьерной ориентации студентов техникума: дис. . . . канд. пед. наук. — СПб., 2001. — 181 с.
5. Андрухина Л.М. и др. Креативно-антропологические основы подготовки педагогов профессионального обучения и развития в системе высшего образования / Под ред. С. З. Гончарова, Е. В. Поповой. [Электронный ресурс] Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, — 2017. — 370 с. — URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0632-7>
6. Терновская О. П. Особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе обучения в вузе // Прикладная психология и психоанализ. — 2006. — № 2. — С. 65–73.
7. Гнедина Т.В., Невструева Т. Х. Динамика карьерных ориентаций личности руководителя. — Хабаровск: ДВГУПС, 2006. — 197 с.
8. Киселева Е. В. Особенности влияния карьерных ориентаций женщин на воспитание детей в семье: дис. . . . канд. пед. Наук. — Архангельск, 2006. — 198 с.
9. Соколова, А. С. Влияние социальноэкономических факторов на формирование и развитие карьеры // V Междунар. науч.-практ. конф. «Человек — образование — профессия». 6–8 июля 2009 г. / Под ред. Л. М. Митиной. — М.: ПИ РАО, МГППУ, 2009. — С. 126–128.
10. Бурмакова Ю.А. К вопросу о психологических основах подготовки специалистов рекламного дела // Альма Матер: вестник высшей школы. — 2006. — № 9. — С. 58–59.
11. Славстенин В. А. Образование как социокультурный феномен // Педагогическое образование и наука. — 2005. — № 6. — С. 4–14.
12. Терновская О. П. Особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе обучения в вузе // Прикладная психология и психоанализ. — 2006. — № 2. — С. 65–73.
13. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. — СПб.: Питер, 2008. — 336 с.
14. Почебут Л.Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология: учебное пособие. — СПб.: Речь, 2002. 2–98 с.
15. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. — М.: Академия, 2008. — 320 с.
16. Поваренков Ю. П. Психология профессионального становления личности: основные психологические концепции профессионализма. — Курск: КГПИ, 1991. — 132 с.
17. Пряжников Н. С. Активизирующие опросники профессионального и личностного самоопределения. — М., 1997. — 106 с.
18. Митина Л. М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. — 1997. — № 4. — С. 28–38.
19. Глэддинг С. Психологическое консультирование. 4-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 736 с.
20. Молл Е. Управленческая карьера в России / Проблемы теории и практики в управления. — 1996. — № 6. — С. 93–99.
21. Глуханюк Н. С. Психология профессионализации педагога. — Екатеринбург: Рос. Гос. Проф.-пед. ун-т, 2005.
22. Hall D.T., Mirvis P. H. The new career contract developing the whole person at midlife and beyond // Journal of Vocational Behavior. — 1995. — Vol. 35.
23. Greenhaus J. H. Career management. — N. Y.: Dryden Press, 1987.
24. Super D.E., Bahn M. Y. Occupational psychology. — L.: Tavistock. 1971. — 209 p.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL
CONDITIONS OF FORMATION
OF ANTI-CORRUPTION DIRECTION
OF THE PERSONALITY OF PERSONS
OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
OF THE FSIN OF RUSSIA

V. Sundukova

Summary. Modern statistical indicators show an increase in the number of convicted of corruption crimes. The Federal Penitentiary Service due to the existing corruption risks is no exception. This leads to an increase in the requirements for official behavior and personal qualities of the penal correction system employees, formed in the process of training in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. For successful professional activities, graduates of departmental educational organizations need to develop certain personal characteristics, which include the anti-corruption orientation of the individual. The article discusses the psychological and pedagogical conditions that affect the process of formation of the anti-corruption orientation of the person during training in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: anti-corruption orientation, cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, structural components of the anti-corruption orientation of the personality, psychological and pedagogical conditions, interpsychic determinants, intrapsychic determinants.

Сундукова Виктория Викторовна

Адъюнкт, Академия ФСИН России
vika.sundukova94@mail.ru

Аннотация. Современные статистические показатели говорят об увеличении количества осужденных на коррупционные преступления. Федеральная служба исполнения наказаний в силу имеющихся коррупционных рисков не является исключением. Это приводит к повышению требований к служебному поведению и личностным качествам сотрудников УИС, формируемым в процессе обучения в образовательных организациях ФСИН России. Выпускникам ведомственных образовательных организаций для успешной профессиональной деятельности необходимо развивать определенные личностные характеристики, в число которых входит и антикоррупционная направленность личности. В статье рассмотрены психолого-педагогические условия, влияющие на процесс формирования антикоррупционной направленности личности при обучении в образовательных организациях ФСИН России.

Ключевые слова: антикоррупционная направленность, курсанты образовательных организаций ФСИН России, структурные компоненты антикоррупционной направленности личности, психолого-педагогические условия, интерпсихические детерминанты, интрапсихические детерминанты.

Противодействие коррупции — важная задача современности, стоящая перед гражданским обществом и государством. Эффективное формирование и реализация антикоррупционной политики достигается не только путем совершенствования нормативно-правовых актов, но при помощи использования результатов экспериментальных исследований по изучению феномена коррупции.

В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования содержится описание профессиональной подготовки выпускников в виде формируемых компетенций. Данный подход к подготовке высококвалифицированных специалистов требует пересмотра системы высшего образования, создание и совершенствование психолого-педагогических техно-

логий, способствующих развитию у будущих специалистов профессиональных и личностных качеств, необходимых для выполнения служебных задач. Целостность и системность антикоррупционного образования может обеспечиваться через научную обоснованность применяемого комплекса мер по предупреждению коррупционного поведения в образовательных организациях. Одним из способов развития нетерпимости к коррупционному поведению выступает формирование антикоррупционной направленности личности [1].

Центральным в понятии «антикоррупционной направленности личности» является термин «направленность». Проанализировав и обобщив основные трактовки различных научных направлений можно сказать, что она понимается как системообразующее качество

личности, представляющее собой совокупность целей и мотивов деятельности индивида, её субъективные отношения к различным сторонам действительности, ориентирующие деятельность личности. Учитывая анализ результатов изучения феномена коррупции и определение понятия направленности личности можно сделать вывод о том, что антикоррупционная направленность личности представляет собой интегративное качество, которое обеспечивает соблюдение норм антикоррупционного законодательства в профессиональной деятельности за счет сформированности структурных компонентов направленности личности.

Эмпирическое изучение антикоррупционной направленности личности представляет собой процесс изучения компонентов направленности личности под воздействием психолого-педагогических условий. Изучение влияния психолого-педагогических условий на процесс формирования антикоррупционной направленности личности требует всестороннего и углубленного исследования интерпсихических и интрапсихических детерминант учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях ФСИН России.

Под интерпсихическим детерминантами понимаются факторы окружающей действительности, оказывающие непосредственное влияние на формирование антикоррупционной направленности личности в период обучения в образовательной организации.

К ним необходимо отнести такие факторы, как учебно-служебная деятельность и воспитательное воздействие.

Учебно-служебная деятельность курсантов образовательных организаций ФСИН России имеет свою специфику. Она жестко регламентирована распорядком дня и совмещена со службой в нарядах, строится на принципе строгой отчетности и умении рационально планировать свою деятельность. Учебный процесс в курсантских учебных группах, строится на принципе единоначалия, что требует соблюдения служебной этики и субординации [3].

Под воспитательным воздействием понимается целенаправленный процесс организации совместной активности субъекта и объекта воспитания, которые в качестве основных целей имеют изменение психологических характеристик и перестройку стратегий поведения воспитуемых. Педагогически эффективным считается лишь то влияние, которое один человек испытывает со стороны другого, что способствует развитию ее личности или подготавливает его. Содержание воспитательного воздействия включает в себя отношения, взгляды, убеждения, цели, принципы и стиль поведения, которые

педагог-воспитатель хочет сделать прямо или косвенно достоянием своего обучающего [2].

Также, помимо вышеуказанных интерпсихических фактов психолого-педагогического значения имеют интрапсихические факторы. К данным факторам можно выделить: общую психологическую готовность к службе, морально-нравственную готовность к службе, когнитивно-рациональную готовность к службе.

Общая психологическая готовность к службе понимается как особое психическое состояние, которое характеризуется мобилизацией ресурсов субъектов деятельности на оперативное или долгосрочное выполнение конкретной деятельности.

К основным критериям общей психологической готовности к службе относятся: высокий уровень эмоциональной устойчивости, высокий или выше среднего уровня самоконтроля поведенческих реакций, адекватная требованиям служебной деятельности иерархия мотивов, высокий уровень внутреннего потенциала и резерва личности, высокий уровень адаптационных способностей, которые позволяют успешно реагировать и приспосабливаться к изменяющимся условиям окружающей среды.

Морально-нравственная готовность к служебной деятельности выступает как внутренняя готовность курсантов к коррупциогенным и противоправным ситуациям, подразумевающая под собой высокий уровень нравственно-правовой ответственности за свои поступки, правильное духовно-нравственное ориентирование и сформированность негативного отношения к коррупциогенным явлениям.

Когнитивно-рациональная готовность к службе подразумевает под собой наличие знания в области противодействия коррупции, включающая в себя адекватность взглядов и реалистичность идей, развитие своего интеллектуального потенциала и высокая осведомленность в вопросах борьбы с коррупцией.

Теоретический анализ интрапсихических детерминант, влияющих на процесс формирования антикоррупционной направленности личности позволяет выделить её структурные компоненты. Полагаем, что в структуру антикоррупционной направленности личности входят следующие компоненты: мотивационно-ценностный, когнитивно-познавательный, духовно-нравственный и эмоционально-волевой компоненты [4].

Эмоционально-волевой компонент представлен влечениями и контролем желаний, т.е. это способность личности контролировать свое поведение эмоциональ-

ное состояние в зависимости от внешних обстоятельств, навыки самоконтроля эмоций и действий в кризисной и личностно-значимой ситуации, эмоциональное реагирование на различные ситуации. Когнитивно-познавательный компонент представлен интересами и склонностями личности, развитым правосознанием, понимание ответственности за свои поступки. В мотивационно-ценностный компонент включены иерархия мотивов, идеалы и мировоззрение личности. Это определенная система взглядов и морально-нравственных принципов, отражающая отношение к коррупции. А также это стремления и желания личности, которые выражаются в умении выполнять поставленные задачи вопреки своим же-

ланиям. В структуру духовно-нравственного компонента входит нравственно-правовая надежность и нравственные ориентиры личности.

Анализ психолого-педагогических условий позволяет сделать вывод о том, что на процесс формирования антикоррупционной направленности личности курсантов образовательных организаций ФСИН представляет собой процесс развития личности, основанный на развитии эмоционально-волевого, мотивационно-ценностного, духовно-нравственного и когнитивно-познавательного компонентов личности при помощи грамотно выстроенной психолого-педагогической программе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганишина, И.С., Сундукова, В.В. О необходимости формирования антикоррупционного мировоззрения у будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы // сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические проблемы развития Уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом». — 2018. — С. 962–966.
2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. М.: Логос, 2004. — 384 с
3. Исмагилова Ю. С. Психолого-педагогические детерминанты формирования духовно-нравственных качеств курсантов вузов ФСИН России: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Исмагилова Юлия Сергеевна. — Рязань, 2010. — 192 с.
4. Сундукова В. В. Психолого-педагогическая диагностика антикоррупционной направленности личности курсантов образовательных организаций ФСИН России / В. В. Сундукова // Глобальный научный потенциал № 3, 2019. — С 27–30.

© Сундукова Виктория Викторовна (vika.sundukova94@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Академия ФСИН России

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS AND ONLINE COMMUNITIES ON THE FORMATION OF INDIVIDUAL AND SOCIAL CONSCIOUSNESS

G. Nikitin

Summary. The XX century is largely an "information age", as it is associated with the computerization and Informatization of modern society. We can say that the "imperative of social development" is the process of computerization of all spheres of human activity.

In the transition to the information society there are a number of philosophical problems that change the Outlook of modern man. The study of these changes in the minds of people engaged in the philosophers of the XX-th century: M. Castells, E. Toffler, D. bell, I. L. Inozemtsev, A. I. Rakitov.

Social networks are an integral part of modern society [1]. Social networks serve as a kind of means for messaging, but today there are a lot of not only cognitive, business resources, but also entertainment, social networks. Recently, many philosophers, psychologists and even psychiatrists talk about people's excessive enthusiasm for "social networks", which may well lead humanity to negative consequences.

Keywords: social networks, network communities, public consciousness, individual consciousness, virtualization, computerization, information society, post-industrial society.

Никитин Григорий Михайлович

*К.ф.н., доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
p20347@mail.ru*

Аннотация. XX век во многом является «информационным веком», так как это связано с компьютеризацией и информатизацией современного общества. Можно сказать, что «императивом социального развития» является процесс компьютеризации всех сфер человеческой деятельности.

При переходе к информационному обществу возникает ряд философских проблем, которые изменяют мировоззрение современного человека. Изучением данных изменений в сознании людей занимались философы XX-го века: М. Кастельс, Э. Тоффлер, Д. Белл, И. Л. Иноземцев, А. И. Ракитов.

Социальные сети являются неотъемлемой частью жизни современного общества [1]. Социальные сети служат своеобразным средством для обмена сообщениями, но сегодня довольно много не только познавательных, бизнес-ресурсов, но и развлекательных, социальных сетей. В последнее время многие философы, психологи и даже психиатры говорят о чрезмерном увлечении людей «социальными сетями», что вполне может привести человечество к негативным последствиям.

Ключевые слова: социальные сети, сетевые сообщества, общественное сознание, индивидуальное сознание, виртуализация, компьютеризация, информационное общество, постиндустриальное общество.

Введение

Информационное общество исследовали такие философы XX-го века как Д. Белл, О. Тоффлер, З. Бжезинский. Они были убеждены, что главным фактором развития современного общества является развитие производства и использование «информации».

Идея информационного общества была сформулирована в конце 60-х — начале 70-х годов XX века. Термин «информационное общество» ввел Ю. Хаяши, профессор Токийского технологического института. Исследователями и разработчиками теории информационного общества являются также: М. Кастельс, Ф. Уэбстер, Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Д. Мартин, Г. Молитор, Э. Тоффлер, Д. Белл, З. Бжезинский, А. Кинг, Д. Несбит, А. Турен, П. Дракер, М. Маклюэн

Философы XX века представляли общественное развитие как «смену стадий», «четвертую стадию» общественного развития (постиндустриальное общество) связывали с развитием «информационно-коммуникационных технологий».

В постиндустриальном обществе главную роль играет «информация» (довольно часто данный век философы называют «информационным веком»).

Развитие «информационно-коммуникационных технологий» приводит, по мысли Й. Масуда, к появлению в современном обществе «социально недифференцированных «информационных сообществ» [10].

Исследователи Э. Тоффлер и Дж. Мартин утверждают, что в современном обществе «информационно-ком-

муникационные технологии» позволят организовать взаимосвязь между простыми гражданами общества и правительством страны и, естественно, что дает возможность учитывать мнение практически каждого простого гражданина при каких-либо социальных вопросах [6].

Д. Тапскотт рассуждает, что в развитии информационного общества проявляются не столько некоторые внешние проявления, но и, самое главное, факты социальных изменений. Таким образом, Д. Тапскотт резюмирует, что вполне можно говорить о грядущей «информационной эре» всего человечества [5].

Методы исследования

В данной статье мы используем методы анализа, синтеза, «философской компаративистики», которые позволяют выявить общее и особенное в меняющемся мировоззрении человека и общества в эпоху информационных технологий, наметить пути решения проблем информационного общества.

Результаты

«Информационная среда» обладает рядом преимуществ по сравнению с обычной «физической средой»: трансформация каких-либо привычных объектов и вещей; возникновение «онлайн-сообществ»; изменение системы социальной коммуникации между обычными людьми (довольно частое явление в современном мире коммуникация с «ботами», т.е., компьютерными программами «роботами», например, Яндекс-Алиса — приложение официального интернет-провайдера Яндекс); проблема сохранения культурной идентичности, возникновение «электронной экономики» и «электронного правительства».

В современном мире концепция развития информационного общества вызывает и критику, философы пытаются отметить в том числе и негативные последствия компьютеризации современного общества.

Указывают на тот факт, что далеко не всегда развитие науки и техники положительно влияет на развитие современного общества (например, последствия применения «атомной энергии» в военных целях и т.д.). Указывают на несостоятельность «технологического детерминизма» в современном мире.

В современном информационном обществе возможны различные способы коммуникации людей между собой, но это зачастую приводит к уменьшению личного контакта и расширению виртуального пространства.

Современное информационное общество формирует новый образ современной реальности — потребительской, развлекательной реальности (супермаркеты, гипермаркеты, развлекательные центры, электронные услуги и т.д.), то есть, возможность для любого человека получить любую «услугу» [4].

Причем, в современном обществе под категорию «услуга» подпадает уже практически любая сфера жизнедеятельности современного человека. Современный человек представлен в роли «потребителя» при обращении почти к любой области человеческой деятельности: образованию, здравоохранению, туристической индустрии и т.д.

Изменились и трансформировались «духовные ценности» современного общества: дружба, любовь, милосердие, сострадание, сопереживание и т.д. Современный мир потребительской культуры провозглашает «материальные ценности» гораздо важнее, чем «духовные ценности», иногда даже утрачивается культурная взаимосвязь между поколениями [3].

Рассмотрим основные социальные проблемы современного информационного (потребительского) общества:

1. Арефлексивность. Мы назвали данную проблему «арефлексивность», в отличие от «рефлексивности», способности человека осмысливать информацию и делать выводы, подчеркивая отсутствие или, чаще всего, нежелание современного человека анализировать социальные события, происходящие в современном мире. Гораздо удобнее принять другую социальную позицию.
2. Потеря способности самостоятельно мыслить. Современный человек «привык» к тому, что у него практически в любую минуту есть помощники (технические средства). В настоящее время ученые проводят эксперименты, пытаясь изучить влияние «информационной культуры» на сознание современного человека. В числе негативных последствий данного влияния ученые отмечают «разрушение логики» у современного человека. Например, школьники не в состоянии списать простое предложение с доски, прочитать текст из книги, довольно часто в письме даже взрослый человек допускает грубые орфографические ошибки. Ситуация, такова, как пишет Лучано Флориди (итальянский философ, изучающий проблемы современного информационного общества), что человек просто «копирует» тексты из сети Интернет, практически не задумываясь о правильности написания фраз и предложений [11]. Одним из самых ярких негативных феноменов является «нежелание» современных школьников

«читать книги». Никакие «хитрости», экзамены (ОГЭ, ЕГЭ) в полной мере не могут «повернуть» современного школьника к книге.

3. Изменение самого познавательного вопроса к бытию. В настоящее время современный человек задает единственный вопрос: «Где найти?» информацию о каком-либо явлении или событии, чаще всего даже не вникая в суть данной информации. Современный человек, пишут философы XX-го века, превратился в простого «компилятора» прошлых идей и событий.
4. Виртуализация современной жизни. Одной из сложных социальных проблем является так называемое «возвращение» человека из «виртуального мира» в «мир реальности». Слишком долгое пребывание в «виртуальном мире» вызывает, как утверждают ученые, «привыкание», поэтому при «возвращении» люди испытывают психосоматические расстройства, что приводит к неадекватному поведению человека. Вполне возможно говорить об «интернет-зависимости» современного человека.

Современные «социальные сети» дают человеку возможности активного общения, создания публичного или полупубличного профиля, управления содержимым в своем профиле, создание различных групп пользователей, использование различных компьютерных приложений.

«Социальные сети» помогают человеку самовыразиться, что во многом является одной из важных жизненных потребностей любого человека. «Социальные сети» оказывают значительное влияние на современного человека, т.к. многие современные люди считают «проведенное время в социальной сети» самым интересным времяпрепровождением. По статистике более 78% современных людей доверяют информации, получаемой из «социальных сетей», т.е. воспринимают ее не критически.

В современных «социальных сетях» уже сейчас многие личные данные пользователей практически доступны для всех желающих. То есть любой пользователь может «собрать» информацию о каждом из нас, зарегистрированных в «социальных сетях».

Человек общается в «социальных сетях» с определенной легкостью, получает комментарии, любимые «лайки», размещает свои фотографии, но возникает только «иллюзия нужности» человека.

Многие современные люди с большей уверенностью общаются в «социальных сетях», чем в реальной жизни. Конечно говорить о какой-либо «зависимости»

от «социальных сетей» возможно только в том случае, если человек оказавшись без «социальных сетей» несколько дней чувствует сильное «желание зайти в социальную сеть», иногда даже чувствует раздражение, а впоследствии, не получив желаемое, впадает в депрессию.

Современные психологи довольно часто в своих работах стали описывать ситуацию взаимодействия ребенка с «социальными сетями», Интернетом. Детская психика более подвержена воздействию «социальных сетей», Интернета, чем психика взрослого человека.

Довольно часто современные люди не считают, что они «зависимы» от «социальных сетей», уверенно полагают, что развитие «информационно-коммуникационных технологий» принесет человечеству только положительные «плоды», не замечая (или не желая замечать) негативные моменты «научно-технологического прогресса».

Социальная сеть является площадкой для взаимодействия между людьми, группами людей и организациями. Естественно, довольно легко «внедрить» в массовое (общественное) сознание различные «нужные» для определенного круга людей идеи, установки и даже «мифы». Такие «иллюзии» довольно искусно создаются в современной политике (для формирования общественного сознания «электората»), в экономике (для объяснения «причин» социально-экономических кризисов), в религии (для формирования религиозного мировоззрения), в культуре и т.д.

Кара-Мурза С.Г. считает, что в современном мире «мифы» могут подменять настоящую действительность, в результате чего «реципиент» понимает реальность, опираясь на интерпретацию определенного «мифа» (политического, экономического, религиозного, культурного). Таким образом, можно говорить о «программировании» (моделировании) и манипуляциях индивидуального и общественного сознаний современных людей.

К пользе «социальных сетей» можно отнести следующие: наличие большого количества информации, огромного числа пользователей, возможность обмениваться мнениями.

Но «социальные сети» несут и значительный вред бездушное использование информации приводит к понижению когнитивных способностей, снижению возможности длительной концентрации внимания на одном объекте, понижению уровня IQ (с регистрацией в «социальной сети» у многих современных людей как будто «отключается» индивидуальное сознание), стрессу и повышенной утомляемости, замкнутости на себя (ко-

торая сразу исчезает как только современный человек «погружается» в «виртуальную реальность» («социальной сети») [9].

Заключение

Современный человек при помощи «социальных сетей» во многом создает конкретные образы, представления. Созданные образы и представления не нуждаются в критическом осмыслении. Человек не задумывается, не сомневается, не сравнивает, почти не анализирует.

Достаточное влияние на общественное сознание оказывает взаимодействие между пользователями и авторитет пользователей в «социальных сетях». В любой «социальной сети» люди делятся на друзей (их обычно называют «френды») и тех, кто не входит в список друзей.

В любой «социальной сети» есть персональная лента новостей, в которой с определенной периодичностью повторяется некоторая «информация». Поэтому, «социальные сети» вполне могут влиять на общественное мнение людей, то есть являться некоторыми «коммуникационными площадками», на которых можно выразить

свою точку зрения, свою собственную позицию и даже поучаствовать в совместном управлении.

Информация, которую современный человек получает благодаря «социальным сетям», является знаковой и символической. Данная информация предоставляется краткими «фразами», можно даже сказать, «дозами». Фрагментарность предоставляемой информации в «социальных сетях» не позволяет критически осмыслить происходящие события или новости, поэтому современный человек как будто «смотрит детский калейдоскоп» с меняющимися картинками. Можно даже сказать, что «социальные сети» формируют у современного человека «клиповое мышление».

Зависимость человека от «социальных сетей» выражается в том, что он практически не может представить себе современную жизнь вне их. Умелое пользование ими помогает современному человеку решить многие социально-экономические проблемы, но нельзя забывать, про негативные последствия влияния «социальных сетей» на сознание современного человека. И только работа над интеллектуальным совершенствованием собственной личности способна разрешить эту дилемму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. Дialeктика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для 21 века. М.: Владос, 1994. С. 9–10.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. В. Л. Иноземцев. М.: Academia, 1999.
3. Данилова М. И., Никитин Г. М. The Phenomenon of "Virtualization" of the World in Modern Society // The Phenomenon of "Virtualization" of the World in Modern Society // Astra Salvensis, 2018, Year XI, Number 12, 661–663 p.
4. Данилова М. И., Исакова Н. В., Никитин Г. М., Яковлева Е. В. Virtualization Of Modern Society: Ontological, Epistemological, Axiological, Anthropological Aspects // Volume LVIII, Pages 1–2787, The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, 2019 Published by the Future Academy, s. 337–345.
5. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество / Д. Тапскотт; пер. с англ. М.: Рефл-бук, 1999.
6. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер М.: АСТ, 2001.
7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества Перевод с английского М. В. Арапова и Н. В. Малахиной под редакцией доктора филологических наук, проф. Е. Л. Вартаковой. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2004, С. 5.
8. Brzezinski Zb. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century / Zb. Brzezinski. N.Y.: Macmillan, 1993. P. 66.
9. Drucker P. Innovation and Entrepreneurship / P. Drucker. N.Y.: Harper and Row, 1985.
10. Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. World Future Society / Y. Masuda. 1981.
11. Floridi Luciano. Philosophy and Computing: An Introduction. L. / N.Y.: Routledge, 1999.

© Никитин Григорий Михайлович (p20347@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В АНТИЧНОМ СОЗНАНИИ

THE CONCEPT OF JUSTICE IN ANCIENT THOUGHT

V. Savrey

Summary. The article is devoted to an analytical assessment of the concept of justice in the history of ancient philosophical thought. The concept appeared in its original ethical meaning in the era of Homer and runs like a common thread through the history, in various ways philosophically interpreted in antiquity, the Middle Ages and the modern era. On its way through the history it illuminated like a guiding star the road of civilization. Now the concept of justice continues to remain one of the most important orientations of values in the perspective of the future development of mankind.

Keywords: truth, justice, law, nature, society, state, virtue, morality, morality, love, happiness, honesty, responsibility.

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsvry@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена аналитической оценке понятия справедливости в истории античной философской мысли. Рождённая в своём первоначальном этическом значении в эпоху Гомера, концепция справедливости красной нитью проходит через многообразие философских интерпретаций периодов античности, средневековья и нового времени, освещая, подобно путеводной звезде, дорогу цивилизации. В настоящее время понятие справедливости по-прежнему продолжает оставаться одним из важнейших ценностных ориентиров в перспективе будущего развития человечества.

Ключевые слова: правда, справедливость, закон, природа, общество, государство, добродетель, мораль, нравственность, любовь, счастье, честность, ответственность.

Этический смысл, открываемый в универсализме естественного нравственного закона, впервые озвучивается в понятии справедливости, являющимся «общим ценностным знаменателем» [Прокофьев 2003, 23], определившим парадигму античной морали. «Развитие концепции справедливости в античном мире прослеживается через философию и этику древнегреческого и древнеримского общества» [Гуревич 2006, 378]. Наследие классиков европейской философии также восходит своими истоками к этическим идеям античного рационализма [Зорькин 2019, 6]. Как отмечает В.Д. Зорькин, «нынешний ценностный релятивизм приводит современный мир постмодерна к возникновению всё более различающихся партикулярных представлений о справедливости» [Там же]. Поэтому обращение к истории интерпретации понятия справедливости как одного из важнейших концептов в нравственно-философском наследии античной этической мысли представляется сегодня весьма актуальным. Ведь «предстоящий человечеству экзистенциальный выбор пути на обозримую перспективу в немалой степени зависит от того, какая идея справедливости будет взята в качестве главного мировоззренческого ориентира» [Там же, 5].

В своём нравственном значении слово *δίκη* — «правда», «справедливость», — впервые встречается в Одиссее Гомера: «Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят; правда одна и благие поступки людей им угодны» [Гомер 1984, 173].

Хотя для героев гомеровского эпоса первостепенное значение имеют законы «бытия-судьбы», а не законы мо-

рали, термин «справедливость» именно у Гомера впервые приобретает «свое подлинное моральное значение» [Тренчени-Вальдапфель 1956, 86]. Древнегреческий герой — это «борец за правду, справедливость, победитель темных сил» [Разин 2004, 97], а древнегреческие боги «выступают гарантами высшей справедливости» [Там же]. Понятие справедливости становится одним из ключевых концептов в нравственно-дидактической поэме Гесиода «Труды и дни». Поэма «носит последовательно-назидательный, морализаторский характер» [Гусейнов 1987, 23], в ней «нет и следа героической морали» [Там же], «в ней отражена новая социально-нравственная ситуация» [Там же], и в этой новой ситуации «справедливость есть главная добродетель общественных институтов» [Роулз 1990, 230]. Как представитель своей эпохи, «Гесиод критически относится к современной ему социальной действительности» [Гусейнов 1987, 24]. Согласно Гесиоду, человек через преодоление зависти на чужое добро, склонности к праздности, обману и нечестной наживе, должен достигать счастья, подчиняясь моральному императиву труда и воплощая в своей жизни идеал справедливости [Там же, 23–25]. Справедливость есть путь возвращения утраченного благоденствия «золотого века» [Там же, 25]. Дальнейшее развитие понятие справедливости находит место в философии Гераклита. Если «Гесиод является, видимо, первым моралистом в истории европейской культуры» [Там же, 25], то «согласно суждению Гегеля, Гераклит первый, кто признает диалектику как принцип» [Хайдеггер 1993, 386].

Гераклит — «глубоко религиозный мыслитель» [Трубецкой 1910, 239], «вечно плачущий» философ, как его

называли в древности [Там же, 237], сетовавший по поводу того, что «никто не внемлет голосу Божию, никто не следует вселенскому закону, не ведает божественного слова» [Там же]. Гераклит указывает на этическое тождество закона и справедливости. «Мнений много — закон один, и все положительные людские законы из него черпают свою силу и правду, свою общеобязательность. На законах основано общество, в них люди познают, что есть справедливость (Fr. 80)» [Там же, 236]. Народ должен отстаивать торжество законов и справедливости с такой же доблестью, как отстаивает стены своего города (Fr. 20) [Там же, 237]. Гераклиту принадлежит изречение: «война — отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, других — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными» [Материалисты Древней Греции 1955, 46]. Гераклит рассуждает о справедливости как «аристократ по рождению, а еще больше по убеждению» [Гусейнов 1997, 38], следуя тем общим тенденциям, которым, начиная с Солона, была ознаменована «эпоха реформ, время расцвета греческих полисов» [Ясперс 1991, 513]. «Одно изречение Гераклита, состоящее только из трех слов, говорит нечто настолько простое, что из него непосредственно выходит на свет существо этоса» [Хайдеггер 1993, 215]. Известное изречение Гераклита: ἦθος ἀνθρώπου δαίμων (фр. 119) — Хайдеггер, отвергая «современный, не греческий ход мысли» [Там же] переводит так: «человек обитает, поскольку он человек, вблизи Бога» [Там же]. При этом Хайдеггер приводит сообщаемый Аристотелем эпизод, когда чужеземцы, желающие увидеть философа, застали его озябшим, греющимся у очага, и, будучи разочарованными, столь прозаической картиной, услышали обращенное к ним приглашение войти в его жилище. «Здесь ведь тоже присутствуют боги!» — торжественно заявил Гераклит, видя их колебание и растерянность [Там же]. «Быть единым со всем, говорил Гёльдерлин, — значит жить среди богов, пребывать со всем, что живо, испытывая счастливое самозабвение» [Реале, Антисери 1997, 7]. Вера Гераклита в присутствие богов придает его понятию справедливости характер безусловного и вечного принципа, в соответствии с которым «всех ждет за гробом справедливое воздаяние (Fr. 65)» [Трубецкой 1910, 240].

В этических воззрениях Демокрита, справедливость провозглашается основой эвдемонии, т.е. счастья: «Тот, у кого благое состояние духа, всегда стремится к справедливости и законным делам и поэтому он и наяву, и во сне бывает радостен, здоров и беззаботен. А тот, кто не соблюдает справедливости и не исполняет своих обязанностей, тому причиняет неудовольствие воспоминание о собственных дурных поступках, и он находится в состоянии постоянного страха и самоосуждения» [Материалисты Древней Греции 1955, 155–156]. Но Демокрит не настолько наивен, чтобы не замечать, что мораль, как выразился Лиленд Йегер, «не была придумана для содействия счастью» [Йегер 2019, 119].

«Демокрит признает целью человека счастье, но полагает его не во внешних благах, а во благах душевных, в ясности и спокойствии, гармонии духа» [Трубецкой 1910, 327]. Согласно Демокриту, «лучше терпеть обиду, чем самому обижать, лучше отказываться от наслаждений, чем отдаваться им» [Там же]. Демокрит учит во всех обстоятельствах жизни уметь «поступать сообразно природе, а то, что сообразно природе — справедливо» [Иванов 1997, 147]. Являясь добродетелью, справедливость обнаруживает свою ценность тогда, когда человек «побуждается к ней внутренним влечением и словесным убеждением» [Там же], а не тогда, когда он принуждается к справедливости «законом и силою» [Там же]. В ценностно-нравственном отношении справедливость понимается Демокритом, как вершина нравственной сформированности личности. «Венец справедливости есть смелость духа и неустранимость мысли, предел же несправедливости — в страхе перед угрожающим несчастьем» [Материалисты Древней Греции 1955, 159].

С эпохи софистов, на протяжении всего эллинистического периода, понятие справедливости интерпретируется в качестве одного из важнейших вопросов древнегреческой философии. Софисты впервые обозначили «действительное пространство морали» [Прокофьев 2001, 452], включавшее философскую рефлексию относительно понятий природы, закона и справедливости. Антифонт видел «основной императив жизни по природе в том, чтобы не причинять никому несправедливости и обиды, если сам не претерпеваешь её» [Там же, 453]. Отточенное до крайней степени совершенства в ходе философской и социальной полемики оружие софистов стало смертельно опасным для существования самого афинского государства, и эта опасность заключалась не в риторическом искусстве вести словесный агон, «но в мыслях софистов о природе права и закона, игравших важную роль в этой борьбе» [Йегер 2001, 375], таившей в себе противостояние сил, «подрывающее принципиальную основу существующего порядка» [Там же, 375]. Ведь «высшая гордость Афин» [Там же, 274] заключалась в том, чтобы «быть стражем права на земле и убежищем всех неправедно преследуемых» [Там же, 374], и тот «нравственный пафос, с которым Солон внес правовую идею в афинское государство, был еще жив в нем во времена Перикла» [Там же]. Теперь же, начиная со старших софистов, с Протагора и его окружения, наступала эпоха, по точному выражению С.С. Аверинцева «так называемой аттической интеллектуальной революции» [Шохин 2006, 103], эпоха «начальной авторефлексии греческой культуры, реализовавшейся в появлении риторики, обществоведения и становления философского школьного образования» [Там же]. Понятие справедливости, возведенное прежде в ранг государственной политики, было величайшим завоеванием античности. «Дики — могу-

ественная богиня, никто не может безнаказанно посягать на священные основы ее порядка». Земное право коренится в праве божественном. Это общегреческое воззрение. Оно не изменилось при переходе от древней авторитарной формы государства к новой, основанной на разуме, только содержание, которое считали санкционированным богами стало иным. Божество приобрело черты человеческого разума и справедливости. Тем не менее, авторитет нового закона основывается, как и прежде, на его согласии с божественным или, как выразилась бы философская мысль нового времени, — на его согласии с природой. Природа стала для философской мысли воплощением божественного начала. В ней царствует тот же закон, та же Дики, которая в человеческом мире почиталась «высшей нормой» [Йегер 2001, 375].

Если, согласно воззрениям В. С. Соловьёва, исторический процесс есть переход от стихийного, «космического» человечества «к богочеловечеству» [Соловьёв 1996, 182], то древнегреческие мыслители выполняли в своём предназначении ту же миссию, что и пророки Ветхого Завета. Они призывали народ к воплощению в личной и социальной жизни высоких нравственных идеалов, и их общественное служение проходило под знаком утверждения справедливости как необходимой нормы в мире человеческих отношений. «Старое и новое мировоззрение тесно соприкасается друг с другом в софистическую эпоху. В "Финикиянках" Эврипид прославляет равенство — основной демократический принцип — как закон, который сторицей соблюдается в игре природных сил и от которого не может уйти и человек» [Йегер, Пайдейя 2001, 375–376]. В силу всеобщего и всеильного природного закона человек обязан следовать принципу справедливости.

В деятельности Сократа, который «был очень религиозен, как и Гераклит» [Тихомиров 1997, 108], доминантное значение приобретает уже не природа космоса, как у Гераклита, а природа человека. «Оставивши совсем натурфилософское умозрение, которое он признал бесполезным, Сократ, по словам Аристотеля, ограничился этическими исследованиями» [Трубецкой 1910, 21]. Сформулированная Фрасимахом максима «кто сильнее, тот и прав» нашла достойное и убедительное опровержение со стороны Сократа: несправедливость рождает ненависть и раздоры, а справедливость — единодушие и дружбу [Хэзлит 2019, 240]. В учении Сократа «справедливость есть знание того, как вести себя по отношению к законам», [Гусейнов 1987, 80] а несправедливость в этической интерпретации Сократа есть сознательное «зло» [Там же]. Стратегию Сократа в искусстве ведения диалога можно характеризовать словами Henry Staten: теория речевых актов покоится на крепком этическом основании [Staten 1984, 113]. Сократ был первым, кто стал требовать обоснования справедливости делаемых

этических выводов. «Он считается основателем рационалистической этики» [Канке 2003, 322].

В философии Платона понятие справедливости включено в контекст его учения о добродетели. Платон рассуждает о четырех основных добродетелях — мудрости, мужестве, умеренности и справедливости. Справедливость «состоит в соразмерности функционирования чистой души и представляет собой связующее звено между этикой и политикой» [Там же]. В колеснице четырёх античных добродетелей справедливость является самой универсальной нравственной и социальной добродетелью. Платоновская система добродетелей, как отмечает Н. Гартман, венчалась справедливостью, которая «должна была быть своего рода вершиной самообладания, храбрости и мудрости» [Гартман 2002, 402]. В действительности же фундаментальная функция этоса справедливости носит запретный негативный характер: «не творить неправого, не допускать злоупотреблений, не нарушать чужой свободы, не причинять вреда чужой личности» [Там же, 404]. Платона можно отнести к тем авторам, которые, в оценке К. Дж. Ванхузера, обладают «замечательной властью приводить в движение систему языка, совершать поступки на расстоянии и проникать в жизнь и мир неопределённого числа возможных читателей» [Ванхузер 2007, 351]. Его этическая позиция в рассуждениях о справедливости, позиция как автора, как виновника своего поступка-текста, как «коммуникативного» деятеля предполагают с его стороны творческую свободу и налагают на него определённую ответственность [Там же].

Аристотель, по праву почитаемый создателем этики как науки, совершил «существенный для всей античности поворот при рассмотрении нравственных проблем» [Разин 2004, 125]. В Никомаховой этике Аристотеля понятию справедливости посвящен особый раздел, представленный в определённом систематическом порядке. «Аристотель видел теснейшую связь между такими понятиями, как "мера" и "справедливость". Он первым понял, что справедливость является самой социальной из всех добродетелей. Он разграничил широкое и узкое значение данного понятия. Справедливость в широком смысле — это разумность общественной жизни. В узком значении речь идет о нравственном санкционированном распределении выгод и тягот совместной жизни людей» [Гуревич 2006, 378]. Согласно Аристотелю, воплощение начал справедливости в человеческой жизни создает и сохраняет благо общества [Гусейнов 1987, 135], поскольку справедливость тождественна законности. Справедливость находит свое конкретное выражение в справедливых делах, которые санкционированы законом и соответствуют понятию добродетели: «законы предписывают все виды добродетели и запрещают пороки» [Аристотель 2005, 115]. Согласно Аристотелю,

справедливость — самая совершенная добродетель, достойная восхищения, превосходящего высотой своего аксиологического ранга тот эмоциональный восторг, который переживает человек, радуясь «свету вечерней или утренней звезды» (EN. 1129 В, 25–30) [Гусейнов 1987, 134–135]. Совершенство справедливости состоит в том, что «обладание ею позволяет делать добро также и другому, а не только себе самому» [Там же, 111]. В этом отношении справедливость «существует для другого, — она выгодна другому» [Там же], ее ценность в том, что, следуя принципу справедливости, человек «делает добро другому, ибо это труднее» [Там же]. В этике Аристотеля справедливость выступает в качестве нравственной доблести, способной определить интегральный характер личности, она является «целостной» добродетелью, в то время как несправедливость выявляет «порочность в целом» [Там же]. Аристотель отмечает, что все «несправедливые поступки всегда возводятся к какому-то пороку, например: если кто развратничает — это от распутности, если бросил боевого товарища — по трусости, подрался из-за гнева» [Там же, 113]. Следовательно, в рассуждениях о справедливости речь идет о постоянном контроле над порочными страстями [Аристотель 1984, 71]. Для воплощения принципов справедливости нужна рассудительность, которая «уместна как в теоретико-познавательной, так и в этической деятельности» [Канке 2003, 186]. Справедливость — основной закон, следование которому позволяет объективно оценивать этическое достоинство поступков. Перед законом, как и перед лицом справедливости, все равны. «Ведь нет никакой разницы, хороший человек обокрал плохого или плохой хорошего» [Аристотель 2005, 119]. Закон остается на стороне справедливости, он «принимает во внимание лишь разницу в нанесенном ущербе и рассматривает стороны как равноправные — различая только, кто совершил несправедливость, а кто её претерпел» [Там же]. Безусловное следование правовым и нравственным нормам, вписываясь в парадигму аристотелевского понятия справедливости, становится одной из фундаментальных основ общественной жизни. «Право, как и мораль, универсально лишь в том плане, что оно адресовано всем» [Бойко 2007, 208]. То, что справедливый поступок, оцениваемый как выражение добродетели, должен быть совершен «ради прекрасного», является «квалификацией, которой Аристотель часто позволял исчезать из поля своего зрения» [Мур 1999, 183]. В этических воззрениях Аристотеля справедливость понимается как соответствие предписаниям закона относительно всего установленного порядка в общественной жизни людей.

Стоицизм представил справедливость в качестве важнейшего концепта в теории добродетелей. «Стоицизм соединял λόγοςи νόμος, давая приоритет этике» [Osborn 1993, 115], заключающей моральный ответ

на проблему существования. Философия стоицизма должна была ответить на экзистенциальную проблему преданностью судьбе, верностью долгу и сиянием естественных человеческих совершенств, среди которых мудрость, мужество и умеренность были призваны служить торжеству справедливости. Преданность судьбе и верность нравственному идеалу помогли победить тревогу судьбы и смерти. «В этом смысле стоицизм — основополагающая религиозная позиция, независимо от того, существует ли она в теистической, атеистической или транстеистической формах» [Тиллих 1995, 13]. В моральном противостоянии христианству стоицизм был сломлен духовно-нравственным превосходством последователей Евангелия, обладавших «индивидуальным образом Спасителя Иисуса Христа» [Там же] и реальной причастностью к полноте его нравственных совершенств. Тем не менее, несмотря на исторический триумф христианского нравственного учения, многие люди в силу своей недостаточной причастности к философской культуре в её этическом содержании обычно считают, что «христианское нравственное предписание по своей чистоте не имеет никаких преимуществ перед моральным понятием стоиков» [Кант 2005, 379]. Это распространенное заблуждение имеет своей причиной непонимание явного различия, относящегося к характеру морального облика стоика и христианина. Всякая добродетель, включая и справедливость, была у стоиков «в известной степени героизмом мудреца, возвышающегося над живой природой человека и находящего в этом удовлетворение» [Там же]. Естественная гордость стоика, указывающая другим на их нравственные обязанности, позволяла ему в сознании собственной высоты «преступить нравственный закон» [Там же]. Однако все это было бы невозможно, если бы стоики «представляли этот закон в той чистоте и строгости, как это делает заповедь Евангелия» [Там же]. В воззрениях Сенеки, этические идеи которого способствовали сближению его учения с христианским, достоинство души добродетельного человека в её красоте, святости и величии несёт в себе отражение темы классической греческой калокагатии, где «доброе» тождественно «прекрасному». Однако, с другой стороны, Сенека считает, что конструируемая им эстетическая предметность сама по себе оказывается неспособной производить феномены нравственного характера. Общеизвестно, что стоицизм оказал влияние на формирование неоплатонизма и христианской философии. Тема справедливости вновь нашла своё отражение в 17–18 вв. в Европе в связи с дискуссией о природе естественного нравственного закона в учении Поздней Стои.

В неоплатонизме добродетель справедливости обнаруживает своё лицо и моральное оправдание на общем фоне духовной традиции, ориентированной на стремление души к трансцендентному Благу, которым является

сверхсущее Единое. Идеал справедливости у Платона оказывается ступенью к высшей цели в условиях земного эмпирического бытия: парадигма справедливости воспроизводится в уме, однако истинный мудрец, «внутренний» человек, в своём трансцендентальном восхождении уже не придаёт значения этическим ценностям эмпирического мира, включая и справедливость, которая становится почти незаметной в сиянии блеска интеллектуально изощёренного учения Платона.

В результате следует признать, что чрезвычайно важная в своём философском содержании миссия античной философской мысли состояла в том этически ценном богатстве, которое она оставила в качестве своего наследия последующим эпохам. Родившись из идеи естественного нравственного закона, понятие справедливости включило в своё содержание не только этическое и социальное измерение, но приобрело и конкретный юридический смысл. «Ведь древние римляне, чьи идеи лежат в основе западной философии права, как известно, обозначали справедливость термином «*justitia*», который одновременно означал и правосудие» [Зорькин 2019, 6].

Наследие античных мыслителей — это, прежде всего тексты, в которых зафиксирована мысль античной эпохи. Текст представляет ноуменальную основу цивилизации, в то время как постмодернизм является «культурой интерпретации» [Ванхузер 2007, 5] текста. «Для меня, — заявляет Поль Рикёр, — мир есть множество референций, открываемых всякого рода текстами, описательными или поэтическими, которые я прочёл, понял и полюбил»

[Ricoeur 1976, 37]. В прочтении античного философского текста следует иметь в виду «метафизику и этику смысла» [Ванхузер 2007, 6]. В постмодернизме абсолютный характер нравственного императива долженствованию упраздняется на том основании, что «этика ранее была принудительным общепринятым способом обеспечения сплочённости определённой группы путём повторения кода» [Kristeva 1980, 23]. Ю. Кристева полагает, что теперь код этики, т.е. нравы, общественный договор, «должен нарушаться, чтобы уступить место свободной игре отрицательности, желания, удовольствия» [Там же]. В действительности текст сохраняет за собой право аутентичной интерпретации, независимо от свободы прочтения и воли читателя, поскольку он, как высказался Георг Штайнер, предназначен «стать «информационным контекстом» нашего бытия» [Steiner 1978, 17]. История античной нравственной философии в своём кардинальном направлении развития представляет действительность, в контексте которой человек античной эпохи соблюдал убеждённость в теоретическую незыблемость концепта справедливости как высшего и абсолютного принципа нравственности. Следование императиву справедливости представляет вектор, определяющий парадигму нравственного оправдания в миссии предназначения человека. В нашу эпоху, как и раньше, более двадцати веков назад, нравственная философия великих античных мыслителей, будучи общим культурным достоянием человечества, намечает ориентиры, в направлении которых современный мир призван к серьёзному и ответственному отношению к идеалам справедливости и к их актуальному воплощению в личной и общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель 1984 — Аристотель. Никомахова этика // Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1984.
2. Аристотель 2005 — Аристотель. Евдемова этика. М., 2005.
3. Бойко 2007 — Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. Ростов-на-Дону, 2007.
4. Ванхузер 2007 — Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста, Черкассы, 2007.
5. Гартман 2002 — Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
6. Гомер 1984 — Гомер. Одиссея. М., 1984.
7. Гуревич 2006 — Гуревич. Б. С. Этика. М., 2006.
8. Гусейнов 1987 — Гусейнов А. А., Ирлиц Г. Краткая история этики. М., 1987.
9. Зорькин 2019 — Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права // Вопросы философии. № 1. 2019.
10. Иванов 1997 — Иванов В. Г. История Древнего мира. СПб., 1997.
11. Йегер 2001 — Йегер В. Пайдейя. Т. 1. ГЛК Ю. А. Шичалина. М., 2001.
12. Йегер 2019 — Йегер Л. Этика как общественная наука. М., 2019.
13. Йегер, Пайдейя 2001 — Йегер В., Пайдейя. Т. 1. М., 2001.
14. Канке 2003 — Канке В. А. Этика ответственности. М., 2003.
15. Кант 2005 — Кант И. Лекции по этике. М., 2005.
16. Материалисты Древней Греции 1955 — Материалисты Древней Греции: собрание текстов Демокрита, Гераклита, Эпикура. М., 1955.
17. Мур 1999 — Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., 1999.
18. Прокофьев 2001 — Прокофьев А. В. Софисты // Этика. Энциклопедический словарь М., 2001.
19. Прокофьев 2003 — Прокофьев А. В. Справедливость или преодоление человеческой природы // Этическая мысль, вып. 4. М., 2003.

20. Разин 2004 — Разин А. В. Этика. М., 2004.
21. Реале, Антисери 1997 — Реале Дж. И Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997.
22. Роулз 1990 — Роулз Д. Теория справедливости // Этическая мысль 1990. М., 1990.
23. Соловьев 1996 — Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996.
24. Тиллих 1995 — Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
25. Тихомиров 1997 — Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.
26. Тихомиров 1997 — Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.
27. Тренчени-Вальдапфель 1956 — Тренчени-Вальдапфель И. Гомер и Гесиод. М., 1956.
28. Трубецкой 1910 — Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М., 1910.
29. Трубецкой 1910 — Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. М., 1910.
30. Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
31. Хэзлит 2019 — Хэзлит Г. Основания морали. Москва-Челябинск, 2019.
32. Шохин 2006 — Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006.
33. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
34. Kristeva 1980 — Kristeva J. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. New York: Columbia Univ. Press, 1980.
35. Osborn 1993 — Osborn E. The Emergence of Christian Theology. Cambridge, 1993.
36. Ricoeur 1976 — Ricoeur P. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. Fort Worth, Tex.: Texas Chrystian Univ. Press, 1976.
37. Staten 1984 — Staten H. Wittgenstein and Derrida. Linkln: Univ. of Nebraska Press, 1984.
38. Steiner 1978 — Steiner G. On Difficulty and Other Essays. Oxford: Oxford Univ. Press, 1978.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М.В. Ломоносова

НОРМОТВОРЧЕСТВО КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ АДЕКВАТНОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

NORM-SETTING AS A PATH OF FORMATION OF AN ADEQUATE SYSTEM OF SOCIAL RELATIONS

Y. Shepeleva

Summary. This article analyzes the leading factors in the crisis of Russian society. Explores the role of various factors in the rule-making process of modernity. Notes the importance of the role of informatization in updating social structures. Highlights the negative effects of globalization trends that threaten the identity of a particular society. Stresses the need to optimize the process of borrowing foreign experience in the process of socialization of youth. In the article it is proved that the elaboration of specific rules governing the existence of society, requires creativity. This is largely due to the change of cultural paradigms.

Keywords: norm-setting, the legislative process, the transformation of society, socio-cultural paradigm ideological Setup, management capacity, morality, and justice.

Шепелева Юлия Сергеевна

*Старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (гор. Красноярск)
lady-bomg@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются ведущие факторы кризисного состояния российского общества. Исследуется роль различных факторов в нормотворческом процессе современности. Отмечается важность роли информатизации в обновлении социальных структур. Освещаются отрицательные последствия глобализационных тенденций, которые угрожают идентичности конкретного общества. Подчеркивается необходимость оптимизации процесса заимствования зарубежного опыта в процессе социализации молодежи. В статье доказывается, что выработка конкретных норм, регламентирующих существование общества, требует творческого отношения. Это во многом обусловлено сменой социокультурной парадигмы.

Ключевые слова: нормотворчество, нормотворческий процесс, трансформация общества, социокультурная парадигма, мировоззренческие установки, управленческий потенциал, нравственность, справедливость.

Для исследования нормотворческого процесса важно учитывать, что возникновение правового государства обусловлено приведением жизни всего населения к исполнению обязательных для всех правил, т.е. к неким стандартам, к определенным типам экономической формации, а, следовательно, определенным способам производств общественной жизни, при обязательном учете классифицирующих особенностей (географических, геополитических, этнических, конфессиональных). Именно поэтому, представители запада пишут о преимуществах правового государства. В свою очередь, хочется сказать о том, что Российская действительность не приемлет стандарты, которые были позаимствованы в хорошо разработанных западных теориях, хотя они и были посвящены жизнедеятельности правового государства, но остаются чуждыми коллективистскому обществу.

Управлять общественным разумом возможно при помощи социального интеллекта. Опираясь на ведущую гуманистическую ценность — мораль, и используя универсальное научное знание в качестве пульта управления реализации данной ценности, видим, что тропинка, ведущая к нравственному обществу, кроется в единстве движений эпистемологического и нравственного. Таким образом, сообщества, которые рассматривают все существующие проблемы с нравственных позиций, бу-

дут представлять собой основу этих новых технологий (экспертный совет) и реализовываться на практике они будут в представленных государственно-общественных научно-экспертных советах. Ключевые особенности такого подхода кроются в следующем: России необходимы органы, выполняющие функции реализации задач народовластия, которые в свою очередь ориентированы на созидательные нравственные традиции народов России и основанные на развитии справедливого общества. Именно поэтому интеллектуальное творчество включается в понятие «социальное нормотворчество» [1].

Нормотворческий процесс приобрел во второй половине XX века новые особенности, связанные с переходом к новому типу общественных отношений и отражающиеся в существенных изменениях в жизни человека в «технизированном» и «информатизированном» мире. Такие преобразования вызвали неподдельный интерес исследователей, который и привел к появлению ряда работ, где нормотворческий процесс исследуется на базе «информационного общества», которое выделяется в качестве особой исторической, культурной и социально-экономической стадии развития общества и этапа эволюции техносферы.

Одним из принципиальных вопросов, связанных с нормотворческой деятельностью, является вопрос

об управляемости нормотворческого процесса. Исследование нормотворческих механизмов предполагает учет особенностей восприятия, формирования и корректировки социальных и правовых норм. Исследование нормотворческого процесса включает в себя также правовую структуру общества. Любая отрасль права, являясь структурным элементом системы права в целом, состоит из правовых норм, которые объединяются в институты и подотрасли в ее пределах.

Одним из принципиальных стимулов нормотворческого процесса является понятие «справедливости». Социальное содержание права, воплощаемое в правовой норме, основывается на модели нормы социальной справедливости. Понятие справедливости является многозначным, существует множество его представлений, так, например: деление справедливости на распределительную и уравнивающую, распределительную и возмездную, тем не менее в литературе по философии различные представления о справедливости имеют научную ценность. Так, например, в области гражданско-правовых сделок, касающихся возмещения ущерба, применяется критерий уравнивающей справедливости, а именно, арифметическое равенство. Таким образом, мы можем констатировать, что нормотворческая деятельность человека тяготеет к справедливости, которая, тем не менее, по-разному понимается в различных типах общества.

Конструктивное нормотворчество выступает в роли хранителя социальных норм и является гарантом выживания в современном глобальном мире. В связи с этим особо проявляется специфика социально-инновационной деятельности во всех социальных сферах, основываясь на ведущих социальных нормах конкретного типа общества, зависящих от различных особенностей региона (социально-экономических, географических, национальных, культурных и др.).

Нормотворчество может и должно выступать в качестве системы общественных отношений в обществе. Роль целого как интегративно-конституирующего начала, где нравственное самовоспитание есть путь к познанию истины о мире, путь к единению, к слиянию с миром, выступает важным аспектом нормотворческого процесса в России. Мыслители-философы, начиная с древности (Гераклит, Парменид, Фалес, Н. Кузанский, Спиноза, Лейбниц, В. С. Соловьев, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк и др.) утверждали, что только в связанности всего со всем, возможно существование. Опыт, который Россия получила на протяжении истории «...свидетельствует, что никуда нам не деться от признания идеи совмещения личных интересов с общественными как основы основ всей нравственной проблематики. Никуда нам не деться от признания этой же идеи как основы основ пробле-

мы социального строительства. И никуда нам не деться от необходимости и неизбежности синтеза нравственной проблематики с социальной» [2, с. 12].

Нормотворческий проект сформировался на Руси под влиянием объективных условий и субъективных факторов. В этом русле

Ю. А. Тихомиров отмечает: «Правосознание и юридические нормы имеют глубокие корни в обществе, в его традициях и культуре. Правовые потребности зарождаются в глубинах общественной жизни. К тому же феномен правопреемственности означает, что у права и законов радиус действия нередко длиннее, чем у принявших их государств и государственных органов» [3]. Основные направления трансформации российского социального пространства свидетельствуют о возрастании универсализма и всеобщности межличностных взаимодействий.

В историческом опыте России проблема, связанная с деятельностью нормотворческих механизмов, имела большое значение, поскольку она была тесным образом связана с представлениями о сущности гражданского воспитания. Она решалась в соответствии с принадлежностью исследователя к определенному научному направлению. Так, например, М. В. Ломоносов писал о близости понятий «гражданин» и «патриот», характеризуя их в качестве синонимов [5].

Так, считает В. В. Бибихин: «Какое бы, когда бы, ни было получено понятие человека и мира, понимание их, оно не возникает иначе как из захваченности человека миром, из охвата человеком мира, так что те захваченность и охват, каждый раз с каждым человеком вот такие, какие они есть, всегда будут оказываться тем ранним и исходным, раньше чего никогда никакое человеческое знание не заглянет» [7]. В данной связи трудно не согласиться с Г. Гачевым, который был уверен, что «в исследовании национального полезно исходить из понимания Единого Целого — как взаимодействия разных членов в одном согласном организме человечества, видя его как ориентир, а народы как инструменты, при том, что труба не похожа на скрипку и играет другую партию, и каждый делает свое незаменимое дело... Так Инвариант Единого видится — понимается — связывается с каждым народом в особой проекции, и это есть национальный образ мира» [8, с. 45]. Можно утверждать, что совершенство и несовершенство человека есть проявление его адекватного философского отношения к действительности.

В русской философии традиционно уделяется пристальное внимание вопросам правового сознания, морали и религиозной веры, их взаимосочетаемости в человеческой активности. Отличительной особенностью

русской философии всегда являлся повышенный интерес к духовной жизни человека. Отечественные философы всегда рассматривали человека, поднимая его на высоту, которая достойна его истинного предназначения. Даже сами инстинкты воспринимались не только на биологическом уровне, а в качестве одного из побудителей, ориентиров морально-этического поведения личности, имеющих не только социальную, но и трансцендентальную природу. Последовательность диалектической позиции русских философов сопутствует непростой динамике развития духовного мира личности и общества, что проявляется в восхождении от низших проявлений человеческой сущности к высшей духовности, в стремлении к совершенству, в приближении к Богу.

В контексте проблемы соотношения религиозной веры, морали и закона Н.Ф. Федоров придает большое значение родовой форме, несмотря на ее первобытный, архаический характер, и отдает предпочтение именно ей, а не развитым юридическим формам. В идеале, родовая форма понимается им как союз, который держится внутренней силой, без употребления внешнего принуждения, насилия. Н.Ф. Федоров осознает трудность постижения нормотворческого процесса, поэтому он выступает против замены принудительной силой какого-либо родственного союза, даже если речь идет о юридическом законе. Супраморализм, по мнению Н.Ф. Федорова, выступает важным фактором нерасчлененности существования человеческой общности, выступающей в качестве достижения всеобщей цели, что представляет собой высшую нравственность, стремление к осуществлению заповеди быть совершенным, реализующее себя в результате перехода от истории, представляющей взаимное истребление к истории как исполнению проекта воскрешения [9, с. 60].

В современных условиях авторы все чаще отказываются от конфликтной теории генезиса государственности, доминировавшей в отечественной историографии XX века, и прибегают по существу к интегративной, функционалистской теории, которая трактует государство как более высокую стадию экономической и общественной интеграции и делает акцент на позитивные, регулирующие функции власти. В данном контексте внимание обращается на вызревание социентальных потребностей в возникновении государства: необходимость интеграции общества, поддержания социально-политической стабильности, защиты от внешней угрозы, использования силы для получения преимуществ в интересах всего общества. В связи с этим следует признать справедливым утверждение о том, что «государство возникает там, где люди ощущают в нем настоятельную потребность».

Адекватное исследование нормотворческих процессов в XXI веке будет определяться сформирован-

ным посредством социальных норм, аксиологическим вектором, проходящим между высшими ценностями и трансформационными изменениями в конкретных социальных группах, а также решающей ролью отдельной личности с ее духовностью, нравственностью и культурой [10]. Именно поэтому для адекватного функционирования социальных механизмов «...нужны объединяющие идеи. Они имеют социализирующее значение, вовлекая в группу индивидов, доселе не связанных. Такую роль в истории неоднократно играла идея свободы. При этом такие идеи способны не только объединять, но и разъединять сообщества» [11].

Как известно истории различных цивилизаций, государства возникали именно там, где была необходимость людей взаимодействовать с природой, друг с другом посредством организованного труда, именно там возникал мощный государственный сектор экономики и многочисленный чиновничий аппарат, который управлялся из единого властного центра. В данных обществах появляются ученые, создающие учения, оправдывающие такой способ существования и правители, внедряющие с помощью этих учений культ бескорыстия и нестяжательства в общество. Примеры подобного социального регулирования мы наблюдаем в китайском обществе. Идея бескорыстного государственного служения является ведущим тезисом идейных сил традиционного Китая, известная как конфуцианство. Конфуцианская теория являлась не только теорией, но также использовалась для практической тренировки моральных рекомендаций.

Активность и жизнеспособность нации определяются не только степенью развитости национального самосознания, но и социальными регуляторами, которые могут способствовать или мешать самореализации не только отдельных личностей, но и отдельных индивидов. Однако интеграция общественной жизни несколько размывает контекст национального самосознания, что предполагает адекватное реагирование со стороны всех членов социума.

А. В. Антофеева справедливо подчеркивает: «С одной стороны, национальное самосознание является отражением объективно существующих признаков и черт национальной общности, а с другой — оно способствует укреплению и развитию ее внутринациональных и внешних связей» [12, с. 248].

Можно утверждать, что социально-психологические черты народа, проявляющиеся в процессе деятельности, представляют собой национальный характер. Социальные нормы формируются на базе комплекса психических состояний, возникающих при взаимодействии этносоциальных групп. В дальнейшем происходит

закрепление данного комплекса путем многократного повторения схожих ситуаций и дальнейшее проявление характерными чертами национального характера [14]. Нормотворческий процесс есть отражение многоаспектности и противоречивости социальной действительности в аккультурированном виде. При таком диалогическом взаимодействии различных социумов они не смешиваются, поскольку каждый сохраняет свое единство и открытую целостность.

Оптимальный нормотворческий процесс может быть реализован, если попытаться проанализировать настоящую законодательную базу, закономерности геополитики и русской традиции. Это даст возможность построить качественно другой нецивилизационный миропорядок на основе цивилизационного подхода, обновив мир на базе законов и выйдя из социального кризиса. Л. Г. Ивашов говорит: «...евразийская идея будет путеводной звездой русского возрождения!» [15, с. 29]. Отрыв от локальных контекстов социальных практик закономерно приводит к постепенному отчуждению и других социальных практик от их социальных корней [16, с. 98].

Единство эпистемологического и нравственного движений представляет собой важный путь к нравственному обществу. Новые технологии должны включать в себя рассмотрение существующих проблем с нравственных позиций. Принципиально важные особенности подобного подхода проявляются в попытках решения вопроса о противоречиях между социальными нормами и юридическими законами.

В результате преобразования коммуникационных систем возникло уплотнение коммуникационной среды, что привело к возникновению качественно другой, новой специфики, требующей «переосмысления равновесия между издержками новых технологий и их преимуществами с целью создания адекватных этому равновесию этических, правовых и политических концепций для регулирования сферы публичных коммуникаций» [17, с. 86].

Таким образом, специфика нормотворческой социально-инновационной деятельности должна основываться на ведущих социальных нормах конкретного типа общества, определяемых правовыми или моральными нормами. Эффективная нормотворческая социально-инновационная деятельность невозможна, если в ее основу не будут положены ведущие принципы, базирующиеся на географических, культурных, социально-экономических и др. особенностях региона.

В свете глобальных тенденций актуализируется проблема выработки новых подходов к проблемам развития системы социальных институтов, что позволяет представить народ как основу для формирования нормативной базы коллективистского общества. В таком обществе все социальные институты участвуют в активной деятельности по формированию соответствующих социальных норм, поскольку они традиционно ориентируют гражданина для жизни в гармоничном коллективистском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаров, В. Д. Социальный интеллект и его управленческий потенциал / В. Д. Комаров // *Информация и Космос*, 2006. — № 3. — С. 92–99.
2. Юнацкевич, П. И. Социализм новой эпохи: декларация нравственного социализма / П. И. Юнацкевич, В. А. Чигирев, С. В. Горюнков // СПб., 2007. — 50 с.
3. Тихомиров, Ю. А. Государство: Развитие теории и общественная практика / Ю. А. Тихомиров // *Правоведение*, 1999. — № 3. — С. 3–14.
4. Солодова, Г. Г. Гражданское развитие личности в воспитательно-образовательном процессе школы / Г. Г. Солодова, Г. С. Довгаль, Н. А. Климова // Кемерово, 2002. — 107 с.
5. Казаева, Е. А. Проблемы развития гражданского воспитания в истории педагогической мысли России / Е. А. Казаева // *Ученые записки*, 2005. — № 3. — С. 154–158.
6. Кузнецов, В. Ю. Мир единства / В. Ю. Кузнецов // М.: Академический Проект, 2010. — 207 с.
7. Бибихин, В. В. Мир. Прояснение ситуации / В. В. Бибихин // *Электронный ресурс*, режим доступа: <http://bibikhin.ru/mir>.
8. Гачев, Г. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца / Г. Гачев // М., 1999. — 368 с.
9. Федоров, Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров // М., 1982. — 711 с.
10. Кондратова, О. М. Деструкция этнической идентичности русских как результат информационной политики России / О. М. Кондратова // *Электронный ресурс*, режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/902/46/>
11. Лезгина, Д. В. Интерактивная классическая теория поколений / Д. В. Лезгина // *Электронный ресурс*, режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/550/31/>
12. Антофеева, А. В. Этнические идентификаторы: природа и содержание / А. В. Антофеева // *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 2011. — № 5. — С. 248–255.
13. Гаджиев, А. Х. Проблемы марксистской этнической психологии / А. Х. Гаджиев // Ростов н/Д, 1982. — 184 с.
14. Баранов, Е. Г. Национапия — источник конфликтов / Е. Г. Баранов // *Электронный ресурс*, режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/386/718/1216/006_NATIONALNYE_OTNOSHENIYa.pdf.

15. Ивашов, Л. Г. Геополитический проект возрождения России / Л. Г. Ивашов // Геополитика и безопасность, — 2012. — № 3. — С. 29.
16. Илларионов, Г. А. Проблемы ценностного ориентирования и формирования идентичности в условиях посттрадиционности / Г. А. Илларионов // Философия образования, 2014. — № 3 (54). — С. 93–104.
17. Винник, Д. В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор / Д. В. Винник // Философия образования, 2014. — № 4 (55). — С. 79–88.

© Шепелева Юлия Сергеевна (lady-bomg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Красноярск

НАШИ АВТОРЫ

Alekhin A. — Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg
termez59@mail.ru

Borisova N. — Graduate student, Moscow State University of Psychology and Education
bonamivita@gmail.com

Egorova T. — Ph.D., Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Ginzburg D. — Lecturer, Moscow, Open University of Humanities and Economics
89160116111@mail.ru

Golubeva E. — Post-graduate student, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
ele74232429@yandex.ru

Gotovtsev E. — North-Eastern Federal University, Yakutsk
gotovtsevgor@mail.ru

Gradova N. — Psychologist, St. Petersburg State University
nelligrad@mail.ru

Ivanov A. — Postgraduate, Saint-Petersburg State University
anton.iwanow@gmail.com

Kadyshev A. — PhD of medical Sciences, PhD of theology, doctoral student of Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies in Moscow; dentist of ANO CCH of St. Alexey, Moscow
i8e2008@yandex.ru

Kondratyeva K. — Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg; National Medical Oncology Research Center them. N.N. Petrova, St. Petersburg
cris.condratiewa@yandex.ru

Manukyan A. — Assistant professor, Armenian State Pedagogical University named after Khachatur Abovian
arminemanukyan@rambler.ru

OUR AUTHORS

Mikhailova V. — Senior Lecturer, Ekaterinburg State Theater Institute
zazolka_5@mail.ru

Nikiforova S. — Associate professor, North-Eastern Federal University, Yakutsk
nsv2107@mail.ru

Nikitin G. — Candidate of philosophy, associate Professor, Kuban state agrarian University named after I. T. Trubilin
p20347@mail.ru

Pravenky M. — Taganrog Institute of Management and Economics
pravenki@mail.ru

Rensh M. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Ural State Agrarian University
rensh@mail.ru

Savrey V. — PhD in philosophy, Lomonosov Moscow State University
vsvry@icloud.com

Serebryakova E. — PhD (Philology), Associate Professor, Voronezh State University
Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Shang Bofei — Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Shangbofei@mail.ru

Shepeleva Y. — Senior lecturer, Federal state autonomous educational institution «Siberian Federal University» (Krasnoyarsk)
lady-bomg@yandex.ru

Sundukova V. — Teaching staff, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
vika.sundukova94@mail.ru

Zheng Lei — PhD, teacher, Manchu Institute of Inner Mongolia
1312095065@qq.com.cn

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).